УДК 930.2
ББК 63.3(2)622.78
Г 11

Авторы идеи
Олег ЖЕЛТОВ
Андрей МАРСИЙ
Елена ЗЕНИНА

Координатор проекта
Александр ПРОРВИЧ

Автор-составитель
Елена КОЗИНОВА

Финансовая поддержка выпуска книги
ИД«Аргументы недели»
ЗАО «СВР ГРУПП»

Г11 ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ. КНИГА 3. Сборник интервью с участниками Великой Отечественной войны. М.: ЗАО «СВР – Медиапроекты», 2013. — 288 с.

Книга распространяется бесплатно.

УДК 930.2
ББК 63.3(2)622.78

© ЗАО «СВР – Медиапроекты», 2013

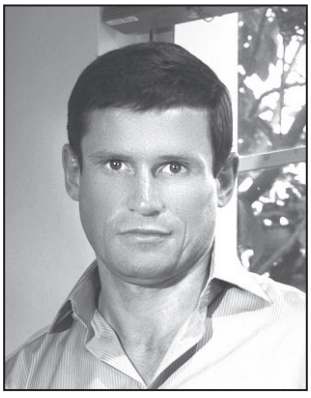
Уважаемый читатель!

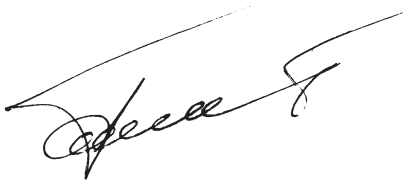
В бешеном ритме современной жизни мы, погруженные в себя и в свои проблемы, почти не обращаем внимания на тех, кто находится рядом. Между тем, каждый человек — это маленькая вселенная, от соприкосновения с которой начинаешь шире мыслить и глубже воспринимать жизнь.

Наша книга — откровенный разговор с ветеранами Великой Отечественной войны, участниками и очевидцами тех страшных и героических событий. Их осталось немного. И немногие из них готовы рассказать нам о пережитом, потому что вспоминать, даже сквозь десятилетия, по-прежнему нелегко. Тем ценнее становится каждое слово, произнесенное ветеранами.

Это не просто дань памяти тем годам — это урок мудрости и жизненной стойкости для каждого из нас. Война врезалась в судьбы, но людей не разбила. Пережив голод, страх и гибель близких, они сохранили светлые глаза, доброту в улыбке и теплоту в душе. Как же такое возможно? Может, это особое поколение? Или просто люди, которые, оказавшись в экстремальных условиях, обнаружили свои лучшие качества? Сделайте вывод сами.

За время подготовки трех книг серии «Говорят герои Великой Победы. Диалог поколений» молодые журналисты «Аргументов недели» поговорили с 123 ветеранами. Присоединяйтесь к этому диалогу и вы. Мы надеемся, что он не прервется, пока герои Великой Отечественной войны живут среди нас и делятся опытом прошлого во имя будущего.

Вячеслав ТИМОШЕНКО,
председатель Совета директоров
ЗАО «СВР — Медиапроекты»
(ИД «Аргументы недели»)

Испепеляемое мглою,
Незащищенностью дыша,
Припоминается былое,
И обжигается душа.

Над обгорающею сталью
Зенитки с погнутым стволом
Воспоминания восстали
Почти что призрачным огнем.

Сквозь четверть века обозначил
Огонь, колеблемый легко,
Лицо молоденькой полячки,
Мне льющей в кружку молоко.

Воспоминания к пехоте,
Ожесточенною войной,
Не столько мужеством приходят,
А сколько — мудрой добротой.

Воспоминания со мною
Не разлучаются — опять:
Не для того,
Чтоб сжечь былое —
Чтобы остыть ему не дать.

Борис ДУБРОВИН

Ольга Головина

О.В. ГОЛОВИНА:

Страх вытеснили жуткая ненависть и желание мстить, мстить и мстить!

Ольга Головина с молодости человек активный, энергичный и даже азартный. Во время войны она служила в разведке, но никогда не думала о страхе — не до этого было...

«Детский сад» по дороге на фронт

— Ольга Васильевна, что Вы испытали, когда узнали о войне? Шок?

— Да, я этого не ждала. Первое, что подумалось: «Как это война?! Какая война?» А потом, конечно, всплеск патриотических чувств. Мы с подружкой сразу решили идти на фронт. Но вскоре опомнились: она только что вышла замуж и ждала ребенка, а у меня тяжело болел папа, у него был рак легких. Ему оставалось совсем недолго, и я не могла в такой момент бросить маму одну.

— Женщине было просто попасть на войну?

— Не сказала бы. У меня получилось так. До 1942 года я работала делопроизводителем в домоуправлении, потом ушла в радиокомитет. На друзей не переставали приходить похоронки, и во мне крепло желание отомстить за них, защитить своих близких. Пошла и записалась на радиокурсы. Позже к нам из Горького (сейчас Нижний Новгород) приехал офицер, набирающий ребят в радиоучилище. Он объяснил, что после обучения берут в партизаны, в разведку, в штаб армии. Я мгновенно загорелась этой идеей и записалась.

Уезжать нужно было на третий день. Не знала, как сказать об этом маме. На работе меня начали отговаривать: «Война скоро закончится. Куда ты, зачем?!» А мама отреагировала на удивление мужественно: «Что ж делать, раз ты так решила». И я уехала...

Училище называлось 40-й отдельный радиобатальон. Как говорили девчонки, «ББ» — бабий батальон. Там лишь в одной роте были ребята, а в двух других только девушки. С дисциплиной у нас с подругой было не очень: то и дело «боролись за справедливость» и получили за время обучения 76 нарядов вне очереди! Перед распределением комбат сказал,

Ольга Головина (четвертая справа) на встрече с бывшими узницами Равенсбрюка

что мы останемся в батальоне. А мы ему: «Да что вы, товарищ полковник! Мы ж вам прямо здесь партизанщину откроем!»

Меня и еще девять человек направили на 4-й Украинский фронт. Нам хотелось поскорее прибыть. Добирались кое-как, на перекладных, в вагонах с углем. Явились к командиру части все грязные, чумазые. Он, как нас увидел, за голову схватился: «Господи, детский сад прислали!»

Спецзадания «дорогой Наталочки»

— Что радист должен был уметь?

— На ключе работать. Нам давали маленький, очень компактный аппарат «Северок» и ключ. Давали шифр. В определенные часы мы связывались с Центром и пересылали зашифрованные морзянкой сведения. В ответ звучало: «Спасибо! Следующая передача тогда-то».

Сразу по прибытии в часть мы взяли новые имена или клички. Я была там Наташей. Нам запрещали общаться друг с другом, хотя мы все вместе учились и вместе приехали. Когда нас разместили в огромном селе, всех поселили по отдельности и назначили старших (руководителей групп). Днем мы занимались морзянкой и шифровкой, чтобы не забыть радиодело, а вечерами, признаюсь, у нас был своего рода клуб. Собирались в основном у меня.

Мой старший, Петр, превосходно пел и играл на гитаре. Потом Петра у меня забрали и назначили надо мной Василия. Ему было лет под тридцать. Старшие всегда опытней своих напарников. Они знали немецкий и владели большей информацией.

Однажды командир части стал разъяснять, что работа наша очень опасная: в плен попасть можем, под пытки, под расстрел... Сказал: «Признайтесь, кто боится. Это не позор! Чувство страха присуще каждому человеку». И радист Володя Миловидов говорит: «Не могу, боюсь!» Многие из нас уже ходили на задание, а он ни разу. Потом ему все-таки дали двоих напарников: Сашу, скромного такого, и Павлика, самоуверенного до невозможности. Их послали в оккупированный Крым, и они пропали...

После освобождения Крыма командование части послало группу на их розыски. Оказалось, на ребят донесли. Немцы схватили их и стали допрашивать. Павлик раскололся сразу и выдал многое. Его просто расстреляли. А скромный Саша и «трусящий» Володя умерли под пытками, так ничего и не рассказав. Их тела нашли в колодце, с сорванными ногтями и отрезанными ушами.

— Как же можно было не сойти с ума от всего этого?!

— Молодые были, отчаянные. И большие патриоты. Когда мы только ехали в часть, поезд надолго остановился в Харькове. Вокзал был разрушен. Мы вышли на перрон и увидели напротив фонарный столб, к которому привязан ребенок. На нем живого места не было! Всего изрешетили пулями! Когда воочию это увидели, страх отступил: его вытеснили жуткая ненависть и желание мстить, мстить и мстить!

— Расскажите, пожалуйста, про задания, которые Вы выполняли.

— Мой старший работал в немецкой комендатуре в Одессе. Там заводил знакомства всякие. Как их поддержать? Конечно, пригласить в гости. Я представлялась его женой Натальей. Приходили офицеры, некоторые дарили мне на память свои фотографии с надписью «Дорогой Наталочке». Однажды они пришлись кстати. Сосед донес на меня в комендатуру, а старший в это время был на задании. Когда повели на допрос, я быстро схватила со стула сумку с этими фото. Немецкий офицер начал предъяв-

лять мне обвинения, размахнулся и как дал по физиономии! Я хотела рукой от него закрыться, сумка выпала, из нее высыпались фотографии. Он поднял их: «О! Откуда ты этих людей знаешь?» Отвечаю: «Это друзья моего мужа». И он меня отпустил.

В 1944-м нас послали в Венгрию. Группа состояла из шести человек — четверых венгров, двое из которых в военной венгерской форме, и двоих русских — меня и Вадима. Качество документов оставляло желать лучшего. Но самым удручающим оказалось то, что мы неудачно приземлились — на склоне горы. Один из наших повредил ногу и не мог двигаться дальше. Мы пытались тащить его за собой, но он, понимая, что задерживает группу, силой вырвался и покатился вниз с горы...

Мы не могли найти вещмешок, а в нем — питание, одежда, запасные батареи к «Северку». Послали одного на поиски. И, представляете, оказалось, мешок упал прямо перед комендатурой! Рядом находилась немецкая воинская часть. Фашисты тут же отправили карательный отряд на поиски советских партизан.

Мы стали карабкаться наверх. Сил не было. Вдруг услышали какой-то шум, залегли в густом кустарнике. Ференц и Хорвуд из нашей группы, переодетые в венгерскую форму, сели на виду и притворились, что переобуваются. Я потихоньку вынула пистолет, гранату придвинула. Думала: немца убью, а потом себя подорву. Но Бог хранил! Они прошли метрах в пятидесяти от нас, переговорили с Ференцем и Хорвудом и направились дальше.

Я потихоньку вынула пистолет, гранату придвинула. Думала: немца убью, а потом себя подорву.

Когда все затихло, мы продолжили подъем на гору. До вечера отсиживались в кустарнике. А как стемнело, решили идти к лесничему. Еда наша осталась в потерянном вещмешке, грызли плитку шоколада впятером. Дождь лил как из ведра. Там, по пути к избушке лесничего, меня впервые пронзило чувство жуткого, какого-то животного страха. Бил такой сильный озноб! Я говорила: «Господи, успокоюсь ли я когда-нибудь?!»

Лесничий принял нас хорошо. Он рассказал, что недавно

здесь проходил карательный отряд, и обещал показать нам безопасную дорогу. Мы обсохли, отдохнули. А на следующий день была такая теплынь! Мы поднялись на другую гору и взглянули с нее на залитый солнцем Будапешт, на красавец Дунай. Мы не спали две с половиной ночи и решили позволить себе вздремнуть. Ференц отправился посмотреть, далеко ли ушел отряд, и не вернулся...

Из оставшихся четверых двое легли спать. Это счастье выпало мне и радисту Вадиму. Мы договорились сменить наших товарищей на сторожевом посту через два часа. Проснулась я от пинка в спину: связали, скрутили, ударили по лицу. Все мои ребята к тому моменту уже были связаны. Нас спустили вниз, с горы, там тоже комендатура. Помню, как поставили к стенке — расстреливать. Я сразу вспомнила маму, себя маленькую... Но потом пришел немецкий офицер, сказал, что русских партизан надо сначала пытать, а потом вешать, и моя смерть отсрочилась. Я попала в Будапешт, в гестапо.

На допросах

— Как в гестапо допрашивали?

— «Хорошо»: палками били, дубинками, под дых давали, губу мне разбили всю. Самое страшное, когда бьют дубинками по пяткам. Такое впечатление, что по мозгам!

Но я все-таки везучая! Я знала, что мой «Северок» пропал. И начала рассказывать легенду: наша группа прислана сюда агитировать местное население за Советский Союз. Мы разъясняем, что советские солдаты мирным жителям зла не причинят.

На допросе мне предлагали работать на фашистов. Но я сказала, что не буду, да и не смогу, потому что нас спешно готовили к отправке в Венгрию и свой шифр я даже не успела выучить наизусть: он остался в аппарате. Хотите — посмотрите, проверьте! Поскольку моего «Северка» у них не было, от меня отстали.

Я пробыла в гестапо около полутора недель. Меня охранял венгр. Видимо, нормальный был человек. Он даже разговаривал со мной! Стучит как-то в окошечко: «Немецкий? Английский? Польский?» Я ему: «Давай по-польски, пойму!»

Он спрашивает: «А правда, у вас на медведя с рогатиной ходят?» — «Конечно! А что ты удивляешься? Это вид спорта такой! Жители бегают с рогатинами, а тем вре-

менем по Европе шагают наши войска. Может быть, они тоже с рогатинами? Или, может, с косами и вилами? Вот и думай!»

Однажды он сказал, что советские войска прорвались в Будапешт. Я посмотрела в свое окошко, маленькое, как форточка, и такая радость меня охватила! Но никто не гремел запорами, не спешил меня освобождать... Оказалось, это прорвалась в город наша танковая разведка. А потом отошла.

Меня отправили в подземную тюрьму в город Комаром, а потом в женский концлагерь Равенсбрюк.

Торт из мармелада

— Я читала, что в Равенсбрюке проводились медицинские эксперименты над людьми...

— Да, их «кроликами» называли. Одной русской девушке вырезали руку вместе с плечевым суставом. Думаю, и так понятно, что она скончалась... Цыганок стерилизовали. Привезли их целый вагон, пообещали условия лучше, питание. А потом сделали операции и повыкидывали на улицу. Они еле ползли к баракам, оставляя за собой полосы крови.

Я в Равенсбрюке развозила еду по баракам. Восемь человек грузили на огромную телегу в два яруса бочки с брюквенным супом и кофе. На второй день я схватила бочонок и поняла, что не могу поднять его вверх. Говорю подруге Зое: «Не могу, нет сил...» А она на меня кричит: «Поднимай!..» Я делаю усилие, пальцы разжимаются и... кипяток выливается Зое на ногу! Вскрикни она тогда, меня бы тут же убили. Но она промолчала. И терпела, пока мы не развезли по тридцати двум баракам еду! А когда пришла в свой барак, стала снимать чулок, и кожа поползла вместе с ним. Мне было так плохо, так стыдно! И знаете, что она сказала? «Ничего, дело житейское. Ты извини, что я на тебя с криком...»

И руки у нее золотые были, ловкие! Получаем хлеб в пекарне, надзирательницы пересчитывают. Развозим по баракам — несколько буханок лишние! Их отдавали больным и детям. И с кофе так же!

Под конец 1944-го в лагерь привезли советских детей, все малютки — до шести лет. Их должны были уничтожить. Группа из нескольких советских женщин отправилась к лагерфюреру просить, чтобы детей отдали им. Он орал:

«Дуры, идиотки! Да вы сами скоро сдохнете! Посмотрите, на кого вы похожи! Заезженные клячи...» Дети не были поставлены на паек. А наши девушки отвечали: «Пока в лагере жива хоть одна советская женщина, детям найдется еда». Он отдал их. И мы ухаживали за детьми как могли. Даже организовали им Новый год!

Мария Петрушина по прозвищу Москва и Лида Назарова по прозвищу Пушкин под Новый год под охраной ушли за территорию лагеря устранять какие-то неполадки с канализацией. И умудрились пронести обратно в лагерь малюсенькую елочку! И это при том, что их обыскивали! Мы украсили ее кусочками разных старых тряпок, а из хлеба, маргарина и мармелада сделали детям праздничный торт.

После освобождения из лагеря всех этих деток усыновили наши девчонки.

— В Равенсбрюке была целая система надзирателей. Вы до сих пор чувствуете к ним ненависть или она стерлась с годами?

— Знаете, у меня к ним ненависти нет. Я думаю о них с ужасом каким-то. Ведь это же не люди, они ненормальные! Была у нас старшая надзирательница Доротея Бинц — красавица лет двадцати трех с роскошными белокурыми волосами, с хорошей фигурой. Она едет на велосипеде и видит: заключенная идет, как зомби, и падает. И Доротея аж расцветает от удовольствия! Р-раз... и переехала ее велосипедом, а потом еще раз и еще. Эту надзирательницу судили на Нюрнбергском процессе.

— Ольга Васильевна, когда Вы выбрались из Равенсбрюка?

— Когда наши войска стали подходить к Берлину. Лагерь находился в 90 километрах от фашистской столицы. Нас выгнали из него при отступлении. Советские войска наступали гитлеровцам на пятки. Надзирательницы просили у нас, бывших заключенных, гражданскую одежду, но, конечно, не получали ее. На вторую ночь мы бежали.

Отсиживаемся в лесочке и видим, идет по дороге лейтенантик: военная форма наша, внешность наша, все наше! Женщины как выбегут ему навстречу! Рукав оторвали, пуговицы, даже сапоги заблестели у лейтенанта — обтрогали его всего. До чего же хотелось прикоснуться к нему, такому родному, к «кусочку» Родины. А он как заголосит:

«Бабоньки, милые! Я всю войну с 41-го прошел! Не губите, оставьте меня жить!» А тут солдаты подошли, ему «на подмогу» бросились, смеяться начали... Вот таким было мое освобождение!

Потом по пути нам попался военторг — продукты, одежду для солдат вез. Некоторые при нем остались: рабочих рук не хватало. Аргументы были в точку: «Как вы такие изможенные, с трясущимися руками, назад-то поедете, родителям покажетесь?» Я вернулась домой 30 апреля 1946-го. Там меня ждала мама.

Елена КОЗИНОВА,
2012 год

Лето

И лето. И птицы. И мята. И зной.
Клубника рассыпана жаром в траве.
У сосен от пряной настойки земной,
От пьяного ветра шумит в голове!

Но немец с фургоном обходит леса,
Шагает, распаренный, у колеса,
Глядит, как на пенную кружку в пивной,
На мой закипающий полдень хмельной.

И кажется, пахнет и мята, как труп,
Береза — в бинтах и в ожогах — сосна,
Клубнику ребята не рвут поутру —
Клубника ребячьею кровью красна.

Так будь вездесущим, закон наш лесной:
Ложись за березой и стань за сосной —
Клубника и мята тебя, земляка,
Упрячут. Лишь целься наверняка!

Марк МАКСИМОВ

Николай Голиков, 1943 г.

Н.И. ГОЛИКОВ:

На войне человеком оставаться можно, но очень трудно

Свой долг Родине Николай Голиков отдал сполна. Три года и в лесах, и в полях воевал, да по ночам совершал затяжные переходы с невыносимо тяжелой поклажей. И в сырых окопах сидел, и одной мороженой капустой питался. Выжил. Имеет медаль «За отвагу», орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени. И осколок от бомбы в себе носит.

После войны на флоте служил — и не потому, что хотелось. Просто не хватило Родине отданного воинского долга в три года. Еще пять лет потребовала — «в кредит». И поэтому дома, в родном Палехе, увидели Николая Ивановича только в 1950-м.

Но самое поразительное — несмотря на все пережитые ужасы войны и тяжелую жизнь, он стал художником. Народным художником РСФСР. Удивительный человек.

Путь на фронт

— Николай Иванович, 22 июня стало для Вас громом среди ясного неба?

— Ощущение близости войны было задолго до 22 июня. Пусть шепотом, но люди говорили о ней. И все-таки объявление Германией войны стало шоком. В тот день, помню, наша семья сидела за обеденным столом. И когда по радио объявили о начале войны, мы все одновременно воскликнули: «Юрка пропал!» Юра был моим старшим братом. Закончив с отличием Палехское художественное училище, он собирался поступать в Академию художеств. Вместо этого попал в погранвойска на польскую границу и погиб.

А уже в августе в Палехе было собрано народное ополчение. И я был среди ополченцев. Но через несколько месяцев немцев под Москвой разбили, так что серьезно готовиться к армии я стал в августе 42-го.

— Расскажите, как Вы попали на фронт?

— В конце февраля — начале марта 1943 года мы, курсанты Подольского пехотного училища, эвакуированного

в Иваново, были направлены на фронт. Продвигались медленно и, по прибытии в Тулу, застали там весну в полном разгаре. А были мы в валенках, в шапках, в теплом белье, в рукавицах! Кормили плохо, и почти все зимнее обмундирование пришлось обменять на еду у гражданского населения. Потом мы продолжили путь...

362-я стрелковая дивизия, в которую мы прибыли, уже побывала на Калининском фронте. Теперь это были жалкие ее остатки: в ротах по два–три старых солдата, а то и ни одного. Многие больны дистрофией, беззубые, оборванные, вшивые, измученные до предела. Некоторых водили под руки. Ночью, из-за куриной слепоты, они ничего не видели и ходить могли только с поводырями. Ели молодую крапиву, щавель. Спали на ходу. Очень печальное зрелище...

В начале мая нас вооружили и маршем направили на юг, в сторону станции Чернь. Переход производили скрытно, ночами; котелки, каски и другие гремящие предметы были подвязаны, запрещалось курить. 70-километровый переход преодолели с трудом. Сколько ночей шли — не помню. Едва объявляли привал, садился и засыпал.

За Чернью располагалась деревня Ильинка. Рядом проходила железная дорога на Мценск. Он был в 30–35 километрах. Полгорода находилось у немцев, половина — у нас. Оттуда доносился грохот бомбежек, не смолкали артиллерийские выстрелы, в воздухе шли непрерывные воздушные бои, ночью повисали осветительные ракеты на парашютах.

В сторону Мценска проходил маленький паровозик с 2–3 теплушками. В них находились штрафники. Иногда они пели. Это означало, что будет производиться разведка боем. Операция была равносильна смерти.

Почти ежедневно, в сумерки, в сторону Мценска проходил маленький паровозик с 2–3 теплушками. В них находились штрафники. Иногда они пели. Это означало, что будет производиться разведка боем. Операция была равносильна смерти. Немногие возвращались из нее, и только ранеными. Утром уцелевших везли обратно.

Первое ранение в первых боях

— Судя по датам, получается, первые Ваши сражения пришлись как раз на период Курской битвы?

— Да, и воевал, и траншеи рыл... Мы строили третью линию обороны Брянского фронта. Работали до изнеможения конец мая, июнь и начало жаркого июля. 5 июля немцы перешли в наступление на Центральном и Воронежском фронтах — началась Курская битва.

Нас срочно определили кого куда. Выдали по 500 штук патронов, гранаты, бутылки с зажигательной смесью, противогазы, лопаты, плащ-палатки, шинели, вещмешки. Сухой паек — несколько ржаных сухарей и ложку сахарного песка — съели сразу.

Как ни странно, больше всего мне запомнилось, что моя часть проходила тогда через Спасское-Лутовиново, через тургеневские места. В усадьбу мы вошли в сумерки. Справа белела церковь, чернели сад с парком. Погода была ужасная, гроза, и мы жутко уставшие. Раскаты грома перемешались с грохотом орудий...

От Спасского пошли на юг, огибая Мценск. Передвигались ночью, днем прятались в лесочках и перелесках. Шли по местам недавних боев: повсюду сгоревшие деревни, разбитая техника, трупы солдат. Однажды недалеко от села Высокого переходили через поле, сплошь покрытое трупами наших солдат, посеченных пулеметами. Вскоре увидели, что пулеметчиками были немцы-штрафники, прикованные к пулеметам. Они и мертвые сидели как живые.

16 июля подошли к селу Высокому. Накрапывал дождик. Изредка долетали шальные мины и рвались в огородах и лопухах. Все проголодались и искали глазами, чем бы набить животы. Увидев сад с недозрелыми яблоками, мы полезли на яблони, не обращая внимания на предупредительные знаки «Осторожно! Заминировано!».

Ночью на открытом месте нам приказали залечь в кюветы и предупредили: «Не спать! Впереди только немцы». Это была передовая. На дороге, метрах в 30–40, стояли два танка Т-34. Из люка ближнего наполовину вывалилось тело обгоревшего бедняги танкиста. Значит, недавно здесь шел бой. Становилось жутковато. Я стал потихоньку окапываться.

Разбудил меня шорох. Кто-то полз по кювету ко мне. Это был наш солдат. Он шепотом

передал приказ: узнать, кто находится в леске, расположенном за полем шириною 200–300 метров, разыскать кухню и принести два котелка воды. Я взял винтовку, котелки, вещмешок и, согнувшись, осторожно направился через поле. В лесу я заметил солдата, прятавшегося от меня. Осмелев, он подошел и спросил, кто я и откуда пришел. Сказал, что кухню вчера разбомбили, и махнул рукой в сторону, где она была. В луже, после вчерашнего дождя, лежали убитые лошади. В стороне — повара, которых я всех знал, потому что сам недавно дежурил на кухне. Я набрал воды. Солдат поторопил, чтобы быстрее сматывался, а то можно нарваться на немецкую разведку.

Вернулся, когда стало подниматься солнце. Высоко в небе уже летали немецкие самолеты. Ждать атаки пришлось недолго. Сначала завыли мины, загрохотала артиллерия, затявкали короткими очередями пулеметы. Потом появились пикировщики и, развернувшись каруселью, начали бомбить нас. Становилось жарко. Мы все плотнее прижимались к земле. Вдруг тишина. Кто-то сказал: «Немцы завтракают. А у нас третий день — ни хрена!»

Поступила команда: «Бегом, через поле, в лес!» Оттуда я недавно вернулся. Немцев в лесу не было, но следы их остались: кровавые бинты, куски ваты, мундиры, пилотки — уходили спешно. Наше продвижение они засекли, и начался обстрел. На счастье, рядом находился заболоченный луг. Снаряды, падая на него, рвались глубоко в земле, а иные уходили в трясину, не взрываясь.

Выйдя из-под обстрела, мы оказались в липовой аллее старинного парка. В конце аллеи начиналась траншея, только что оставленная немцами. Траншея быстро наполнялась солдатами. Немцы чувствовали, что готовится атака, и усилили обстрел. Кусты над бруствером потрескивали и дымились от разрывных пуль. Нам приказано было сесть на дно траншеи. Сидели, прижавшись друг к другу так плотно, что невозможно было пошевелиться. Принесли сухой паек: два сухаря и ложку сахарного песка. Одни съели все сразу, а другие убрали, боясь ранения в живот. Передали приказ: в 12 часов идти в атаку, сигналом будет залп «катюш».

— Вот каково это: заставить себя подняться из траншеи и идти в бой, на смерть? Что Вы чувствовали? Что происходило вокруг?

— Главное, чтобы опытный товарищ рядом с тобой был. И помог бы, если что. Мне один солдат, уже много раз побывавший в боях, так и сказал: «Следи за мной и учись».

А вокруг... Видел, как один солдат начал креститься. Некоторые надевали чистые нижние рубахи.

Загрохотали «катюши». Скрип и вой их залпов заглушал команды. Часть солдат поползли по крутому откосу вверх и... тут же скатились на дно траншеи. Больше они не поднимались.

Показались наши штурмовики и на малой высоте расчистили нам путь. Мы миновали кусты, лесок, и вся рота рассыпалась в них. «Вперед! Вперед!..» — очень скоро команда эта стала ненужной. Кто уцелел, выскакивали из лесочка на чистое ржаное поле. Рожь стояла высокая, спелая — пора жать. Немцы сделали широкие прокосы среди ржи и открыли ураганный огонь по бежавшим по полю людям. Я оглянулся и увидел, как кругом, взмахивая руками, падали солдаты. Из рук выпадали винтовки, ручные пулеметы, каски...

Справа от меня, по небольшой долинке, передвигался Т-34, останавливаясь и стреляя короткими очередями. Присев ненадолго, подумал: как быть? Сзади — заградотряд. Значит, только вперед, не отставая от танка, прикрываясь его броней. Я повернулся правым плечом к танку и в то же мгновение страшным ударом был сбит на твердую, как камень, землю. От удара в правую лопатку и оземь все во мне дрожало, винтовка улетела метров на пять вперед. Правая рука судорожно подергивалась. Болели спина, плечо, ключица. От боли я ни о чем не мог думать. Промелькнуло: «Конец!» Затем: «Но ведь не в сердце же, значит, еще поживу».

Я откашлялся и сплюнул кровью — подумалось: «Задето легкое». Подбежал солдат из нашего взвода, Лебедев. Спросил, куда я ранен, разрезал гимнастерку, нижнюю рубаху, снял их вместе с мешком и перевязал бинтом. Поднес мне винтовку, каску и, сказав: «Я бы остался с тобой, да сзади заградотрядовцы. Жди санитаров», — поднял винтовку и пропал во ржи. Больше мы не встречались... А ранее, утром, когда занимали траншею, в немецком блиндаже на полке я нашел безопасную бритву в коробочке. Лебедев, увидев, сказал: «Голиков, отдай ее мне, ты все равно не бреешься».

И я отдал ему бритву. Отблагодарил он меня за нее сполна...

Гимнастерка, рубашка, вещмешок остались в поле. Жалко записной книжки с адресами солдат почти всей роты... Было это 17 июля 1943 года.

— А не боялись, несмотря на ранение, заградотрядовцев?

— Боялся, конечно. Но пронесло! Поверили они, что без правой руки не особенного повоюешь. Ну а потом пошли санчасти, полевые, эвакуационные, стационарные госпитали. В одном из них врач Кущева осмотрела меня и ласково так сказала: «Мальчик, вы — счастливый, еще бы миллиметр, и...»

В итоге попал я в Еланские военные лагеря. Кормили один раз в день мороженой капустой. Там стояли 20 полков, и ежедневно один из них отправляли на фронт. Не было бани: заедали вши, клопы, блохи. Некоторые солдаты умудрялись пробыть там по три и более месяцев. Состав пополнялся за счет госпиталей, уголовников, рабочих, списанных с уральских заводов. Потом меня направили в Челябинск, в 33-й учебный танковый полк, где я попал в роту самоходчиков. В апреле 1944 года, после окончания учебы, был направлен в город Миасс, в экипаж самоходки СУ-152. Формирование полка завершилось в городе Наро-Фоминске под Москвой в мае 1944 года.

Остаться на войне человеком

— Расскажите, где Вы воевали после выхода из госпиталя?

— Итак, июль 1944 года, Лодейное Поле, река Свирь. На противоположном берегу оборона финнов. Числа 5–8 июля начали артподготовку — восемь часов беспрерывной стрельбы. После нее на бортах на ту сторону, в город Олонец. Население все попряталось. Партизанского движения в Карелии не было, а карелы — родные братья финнов.

Мы стали спешно продвигаться по Карелии. Особенного не разбежишься: тайга, озера, болота, речки, сопки, людей валит цинга. На дорогах или параллельных им, до 100 километров длиной, обходах — по заминированным участкам, самодельным гатям. Мучительно уставали механики-водители: у них так ломило руки и ноги, что часами не могли уснуть.

Большую часть лета провели в местах западнее Петрозаводска. Бомбежки, строительство мостилищ из бревен

Много лет спустя Николай Голиков вернулся к местам боев. Орловская область

под тяжелыми артобстрелами. Наконец вышли на границу с Финляндией. Тишина! Домики все покрашены, как игрушки. Стали поговаривать о перемирии...

Нас же послали в Петрозаводск. Погрузили на платформы и на север, в г. Кемь. Оттуда к Ухте. А под самый конец года мы оказались в Норвегии. Бои шли тяжелые — продвигались вглубь вражеской территории медленно. Под поселком Никель нас разбомбили. Я был тяжело ранен осколком, который и по сей день сидит в позвоночнике. Случилось это 22 октября 1944 года. Эвакуировали меня пароходом с Титовки. Вечером я уже лежал в Мурманском госпитале на белой чистой простыне.

Победу я встретил в составе ВМФ в Зеленодольске, это в 40 километрах от Казани. В ночь на 9 мая прибежал в экипаж дежурный по части и заорал: «Победа!!!»

— Николай Иванович, в советской литературе часто поднималась такая тема: сложно ли на войне оставаться человеком? Ведь война высвечивает в людях не только самые хорошие черты характера, духа, но и зачастую самые ужасные. Что Вы об этом думаете?

— Человеком оставаться можно, но очень трудно. У меня был один случай: сорвало у нас как-то гусеницу. Пока я орудовал около машины, затылком почувствовал, что кто-то сзади на меня смотрит. Оглянулся и обомлел — немец с оружием. «Сейчас застрелит», — подумалось. Несколько секунд смотрели друг другу в глаза, и неожиданно он поднял руки вверх. «Австрия, Австрия», — разобрал я из его слов.

Затем я, спрыгнув в люк, доложил командиру о встрече. Тот, недолго думая, выхватил пистолет и вылез из машины. Через короткое время экипаж услышал выстрел. Когда командир спустился к нам, рука с пистолетом нервно дрожала, и он никак не мог засунуть оружие в кобуру.

После этого случая уважение мое к нему пропало. Впоследствии он погиб.

Сергей ЛЕПЕШКИН,
2011 год

Опасности

Во мгле пристрелянных траншей
Под канонады нарастание
Я понял, что всего страшней
Опасности — на расстоянии.

На бруствере в жестокий час
Я понял вдруг душой разведчика,
Что храбрости хватает в нас
И что бояться в жизни нечего.

С годами понял, как тверда
Готовность к бою,
К одиночеству.
И никогда,
И никогда,
И никогда она не кончится.

Но вновь мне выдержка нужна
Перед ударом, перед натиском:
Вновь неожиданно страшна
Неблагодарность, как предательство.

Борис ДУБРОВИН

Михаил Торгашин

М.П. ТОРГАШИН:

Ошибки бывают страшнее преступлений

Михаил Торгашин попал на фронт 16-летним мальчишкой. За эти годы ему довелось пережить многое. Он воевал, учился, летал, взрослел. Уже в мирное время стал педагогом, но свой, пожалуй, самый главный урок получил на войне.

«Девочки, дамочки, не копайте ямочки...»

— Михаил Петрович, ожидаема ли была война?

— Да как сказать. Для простого народа, конечно же, нет. Накануне 22 июня правительство даже заверяло граждан через ТАСС, что немцы нападать не будут, что это все измышления западной прессы. Сейчас, спустя многие годы, с уверенностью можно сказать, что это не что иное, как усыпление бдительности людей. Ведь вопрос о повышении боеготовности не поднимался. Какой отпор мы тогда могли бы дать Гитлеру и сколько человеческих жизней спасти! Получается, что некоторые ошибки бывают страшнее преступлений.

Могу привести и очень показательный пример. Перед началом войны по указу Сталина нельзя было трогать немецкие самолеты, а ведь они фотографировали наши объекты. Запрещено было даже сажать их на землю. Однако вечером 21 июня один из наших летчиков все же посадил немца, на что тот ему напомнил об этом самом сталинском указе и потребовал сообщить о случившемся в немецкое посольство. В итоге его отпустили, а нашего — под трибунал. А на рассвете началась война...

— Где встретили эту новость Вы?

— Вместе с отцом и братом Николкой мы были на сенокосе. Помню, поработали на славу. Сидим, самодельными ложками из липы черпаем из котла кашу-сливуху, запиваем холодным квасом. И все это под шутки, анекдоты. Вдруг бригадир посмотрел вдаль, увидел разъездного конюха верхом и начал возмущаться: «Да что он так гонит лошадь, как на пожар! Колхозная, не своя родная, не жалко...» Но все насторожились, так гнать лошадь про-

сто так не будут. А конюх, прибыв, не слезая с седла, коротко и сухо сказал: «Война. Немец начал войну. Все на митинг к сельсовету». Через полчаса луга опустели. Стало тихо, и словно какое-то напряжение повисло в воздухе.

— Помните, как в первый раз увидели немцев?

— Столкнуться с фашистскими летчиками мне пришлось еще тогда, когда нас послали рыть окопы в начале июля 41-го. Мы роем, а они летят настолько низко, что видны их самодовольные улыбки. Пролетели и выбросили листовки, а в них издевательства на русском языке: «Девочки, дамочки, не копайте ямочки, придут наши таночки, закопают ваши ямочки» и далее приписка: «Красная Армия уже разбита. Расходитесь по домам».

Пролетели и выбросили листовки, а в них издевательства на русском языке: «Девочки, дамочки, не копайте ямочки, придут наши таночки, закопают ваши ямочки».

Через полчаса пришли люди в форме, начали выяснять, кто читал. Спросили и у меня, а я, четырнадцатилетний мальчишка, заявил, что не читал, а использовал эту листовку в туалете. Такой ответ им приглянулся. Листовки нам строжайше запрещалось читать, и было приказано сжигать их. Но мы умудрялись мельком просматривать, что в них написано. Немецкие летчики не успокаивались. Они прилетали снова и снова, повсюду разбрасывая свои бумажки с предупреждениями. И, надо сказать, свои угрозы выполняли...

Помню, как-то раз мне довелось встретить своего односельчанина дядю Устима Починского, воевавшего в числе кавалеристов. Тот живо начал интересоваться, как его жена, дочери, и пояснил, что их часть направлена под Москву. Через некоторое время жена дяди Устима получила письмо, в котором семью благодарили за такого хорошего воина и рассказывали о том, что его представили к награде. Она читала это письмо подружкам на ферме, а дочери потом много раз перечитывали его дома. Но радоваться этой семье пришлось недолго. Следом пришли похоронка и скорбное письмо от друзей: «Погиб в Курской

Перед отправкой в народное ополчение Воронежского фронта, 1942 г.

области». Жену дяди Устима приводили в чувство нашатырным спиртом...

Первые бои

— А как Вы попали на фронт?

— Нужно было помочь Воронежскому фронту. А как это сделать, если через железную дорогу нельзя, машинами тоже? Решено было создать специальные комсомольско-молодежные отряды. Нагрузили подводы боеприпасами и через село Грибановка отправились прямо на Воронеж. Половину пути проехали нормально, а дальше попали под обстрел немецких самолетов. Что такое бомбежка, я не знал, тогда это показалось чем-то внезапным, совершенно непонятным. Все бросились в лес, но некоторые спастись так и не успели. Остальной путь мы ехали лишь ночью.

— Довезли груз до Воронежа?

— Конечно! Там уже формировалось народное ополчение. Нам, мальчишкам, предложили отправиться добровольцами в противотанковые истребительные батальоны, а девушкам — сестричками в госпиталь. Я и мои товарищи Толя Капицын и

Ваня Оленин решили остаться. Воронеж представлял собой мрачную картину: вместо города — развалины, повсюду — на деревьях, перекладинах, телеграфных столбах — трупы повешенных фашистами. В скверах срублены деревья, а бронзового Петра немцы увезли на переплавку. Во всех парках рядами кресты, на них надписи, кто и когда погиб от врага. Но город все-таки был освобожден. Есть медаль «Защитнику Воронежа» и у меня.

— А как же стали летчиком?

— Да спонтанно. Прибыли летчики и просили людей в оружейники, там нехватка большая была. Я и решил себя попробовать. За восемь дней освоил авиационные пулеметы, и был принят сразу в воздушные стрелки. Охранял жизнь пилота во время полетов. Город защитили, но как невоеннообязанных (нам еще не исполнилось семнадцати лет) нас отправили домой.

— И Вы с этим смирились?

— В мыслях такого не было. Мы вернулись, а дома уже снова набирают на фронт, и мы делились своим опытом с теми, кто уходил. У себя же в селе узнал, что нет больше в живых моего отца (погиб под Белгородом) и брата (он был убит под Сталинградом).

Мы с товарищами отправились в военкомат, пешком за десять километров. Пришли с личными заявлениями и решением комсомольского собрания, докладываем: «Возьмите и нас, мы же только что оттуда». А нам в ответ: «Хорошо, но сначала уберите урожай». Вот так Курская битва прошла без нашего участия. Хотя слово свое в военкомате потом сдержали: меня направили в школу связи, а Ваню Оленина — в танковое училище. Так наши с ним пути разошлись.

О стихах и справедливости

— Михаил Петрович, юмор уместен на войне несмотря ни на что?

— Безусловно, он жить помогает. Иначе как бы появился у Твардовского собирательный образ Василия Теркина? Был такой Вася и у нас, обожал довоенных юмористов и сам в нужный момент мог остроумием блеснуть. Под хохот товарищей изображал бравого солдата Швейка, иногда даже в ущерб себе. Если видели командиры, то ему наряды вне очереди. А он все равно не унывал.

— А Вам доставалось от командиров?

— Конечно, как без этого. Но, надо сказать, справедливо. Я до сих пор с теплотой вспоминаю подполковника Соболева, командира нашей учебной роты, который дал мне пять суток гауптвахты. Я тогда стоял часовым, караулил самолеты-истребители. Смотрю на небо, а там луна огромная и светит так красиво. Дай, думаю, стихи напишу себе в тетрадку. До того увлекся, что на плоскость крыла присел, а винтовку около фюзеляжа поставил. И тут командир обход делает! Хотел он эту винтовку незаметно взять, да я все-таки спохватился. Но уже было поздно. Так и получил свои пять суток.

«Есть смелые и трусливые»

— Куда попали дальше?

— На Украинский фронт. Это считалось фронтовой стажировкой курсантов. Что приятно, мне удалось попасть в ту же 291-ю штурмовую дивизию, в которой я служил несколько лет назад. Знакомые лица, командиры...

Нас, курсантиков, старались беречь, хотя мы всегда были на подхвате. Готовили самолеты к боевым полетам, выполняли обязанности воздушных стрелков, иногда пилотов. В январе 45-го после госэкзаменов нам присвоили звания сержантов авиации и занесли в Резерв Верховного Главнокомандования. Это означало, что нас могли отправить куда угодно. Уже прошла Ялтинская конференция, была договоренность между союзниками, поэтому части постепенно стали перебрасывать на Дальний Восток. Так что я повоевал и с Японией.

Как сейчас помню вечер 8 августа 45-го. В нашу 30-ю бомбардировочную дивизию Забайкальского фронта прибыл командир 12-й воздушной армии, маршал авиации Худяков. Выстроил нас на закате солнца и сообщил: «Сегодня ночью правительство дало задание: начать войну с Японией. Всем принять боевую готовность». Сказал и полетел сообщать остальным. На рассвете мы уже были в Маньчжурии. С первого же часа армия СССР господствовала в воздухе, что дало возможность успешно продвигаться и на земле. 3 сентября мы наконец-то закончили боевые действия.

— Где же Вы узнали о Победе над Германией?

Михаил Торгашин (слева) с другом Иваном Олениным

— В иркутских казармах. Еще до подъема мы услышали крики дневальных: «Ура! Ура!» Нам объявили о Дне Победы, о капитуляции фашистской Германии. Каким же радостным было это утро, наконец-то кончилась проклятая война! Как же долго она тянулась, будто и не было совсем мирного времени...

Я думал о Победе, о своих близких, о тех, кто уже не сможет порадоваться вместе со мной. Только в моей семье не стало отца, брата, троих родных дядей, шестерых двоюродных. А сколько еще друзей, знакомых унесла эта страшная война! Правильно поется: «Это праздник со слезами на глазах». Грустно и больно за те семьи, которые никогда уже не дождутся своих родных; за свою маму, которой довелось все это вынести.

Знаете, спустя тридцать лет после окончания войны, мне все же удалось узнать кое-что о своем отце. Я поехал в Курск, и местные жители в одной из деревенек вспомнили, что к ним прибежал мужчина и попросил три котелка воды. Он сообщил, что их осталось трое, вода закончилась, боеприпасы тоже, но они будут держать оборону до последнего. Уходя, он

попросил крестик и сказал, что родом из Борисоглебска.

— Михаил Петрович, а у Вас какой бой можно назвать самым тяжелым?

— Бои все тяжелы, каждый по-своему. Для меня — чем больше вражеских самолетов, тем и труднее. На свете нет ни одного бесстрашного человека. Есть смелые и трусливые. Я помню, как воспитывал меня и моих братьев отец. Мы часто ночевали в огромном саду, а когда он задерживался в поле, приносили ему ночью еду. «Пришли, не испугались? Ну и хорошо». Так и на фронте: чувство страха есть, но застрочит пулемет, ударят пушки, прогудит самолет, и боязнь куда-то уходит сама собой. Тут уж не прячешь голову, а прислушиваешься. Просвистит мимо пуля — ничего, значит, не твоя. Выжил? Ну и хорошо.

Екатерина КУРМЫШЕВА,
2011 год

Довоенное время

Вчера,
когда искали мы
патроны для игры,
когда Артек за скалами
раскладывал костры,
когда еще ни стремени,
ни выстрела в упор, —

о «довоенном времени»
был тоже разговор
(тракт,
где прошли колодники,
именовался так,
и сирый день голодненький,
и водка за пятак).

Отец из бревен в комнате
вытаскивал свинец:
— Сыны мои, запомните!

...А ныне
я — отец.

А ныне
с новым племенем
сдружился смех костра
и «довоенным временем»
окрещено
вчера
(вчера! — листва над клубами,
Артек и волейбол,
дорожка между клумбами
и первая любовь).

А ныне
сердцу надо бы
поверить тишине.
Фундаменты —
не надолбы,
забыть бы о войне!

Нет.
Я руками жаркими
навек отстрою вновь
и клумбы между парками,
и клубы, и любовь.

Но — пусть — костры
за Нальчиком,
в Артеке — благодать, —
не помешаю
мальчикам
патроны собирать.

Сыны мои! Запомните,
что в пахнущей смолой,
что в самой тихой комнате
живете
над золой,
что под досками тонкими —
как письмена страды —
забытые трехтонками
и танками
следы,
запомните пробоины
под краской голубой,
запомните как воины,
что если снова — бой,
то вам случится к стремени
свой мирный день призвать
и —
«довоенным временем»
переименовать.

Марк МАКСИМОВ

Михаил Бородин

М.Е. БОРОДИН:
12 июня 1942 года
я стал коммунистом

Каждый год в июне проходят выпускные вечера. И вчерашние школьники — уже не дети, но еще и не взрослые — вступают совсем в другую жизнь. Выпускники 41-го повзрослели гораздо быстрее других. Им пришлось забыть про свои мечты и планы на несколько лет, а кто-то так никогда и не воплотил их в жизнь.

Михаил Бородин 21-го июня 1941 года отпраздновал окончание десятилетки. Он говорит, что тогда у всех было отличное настроение и никто не мог представить, что на следующий день судьба сделает такой крутой поворот.

Вчерашние школьники

— Михаил Ермолаевич, Вы помните свой выпускной?

— Да. Мы очень долго готовились к этому торжественному вечеру. Поздравляли друг друга с окончанием, столько было сказано теплых слов в адрес учителей! Я тоже выступал с речью. Помню, как говорил, что мы всегда будем верны Родине и оправдаем вложенный в нас учительский труд. Я тогда и не подозревал, что слова мои пройдут такую проверку!

Пели, танцевали, гуляли по селу. Кстати, я родился и учился в Прохоровском районе Белгородской области. Знаете про легендарное танковое сражение под Прохоровкой? Это там, на моей родине. А на следующее утро проснулись и узнали — война. Страха не было, была какая-то глубочайшая озабоченность.

Школу мою во время войны уничтожили немцы. Зимой 43-го они загнали туда больше четырехсот человек, облили здание бензином и подожгли. Всех, кто пытался вырваться, расстреливали из автоматов...

— Уже в ноябре 41-го Прохоровский район стал фронтовым. Где тогда были Вы?

— Там и был. Получилось так, что председатели колхозов, председатель сельсовета — все ушли в армию. И в райкоме партии мне предложили занять должность председателя сельсовета. А мне только-только исполнилось восемнадцать. Я понимал, что скидки на возраст не будет. Работать придется в полную силу. Но это совсем не пугало.

— В то время в селах действовали советские истребительные отряды. Вы можете рассказать о них?

— Конечно, я сам был в одном из таких отрядов. Мы охраняли дома колхозников, общественные учреждения, урожай, связь, особенно в ночное время. Следили за возможностью появления немецких диверсантов, дезертиров, сигнальщиков. Вооружались всеми подручными средствами: косами, вилами, топорами!

Зимой 42-го на Прохоровском направлении сосредотачивались все новые советские подразделения. В нашем доме находился штаб полка. И был такой эпизод. Командование подготовило письмо в адрес немецкого гарнизона, расположенного в Прохоровке. Определялась делегация из трех человек. Одним из них хотели отправить гражданского и предложили меня. Однако потом планы поменялись. Письмо пошел относить один офицер, немцы его убили.

Коммунист

— Скажите, а не рискованно было вступать в партию в самый разгар войны?

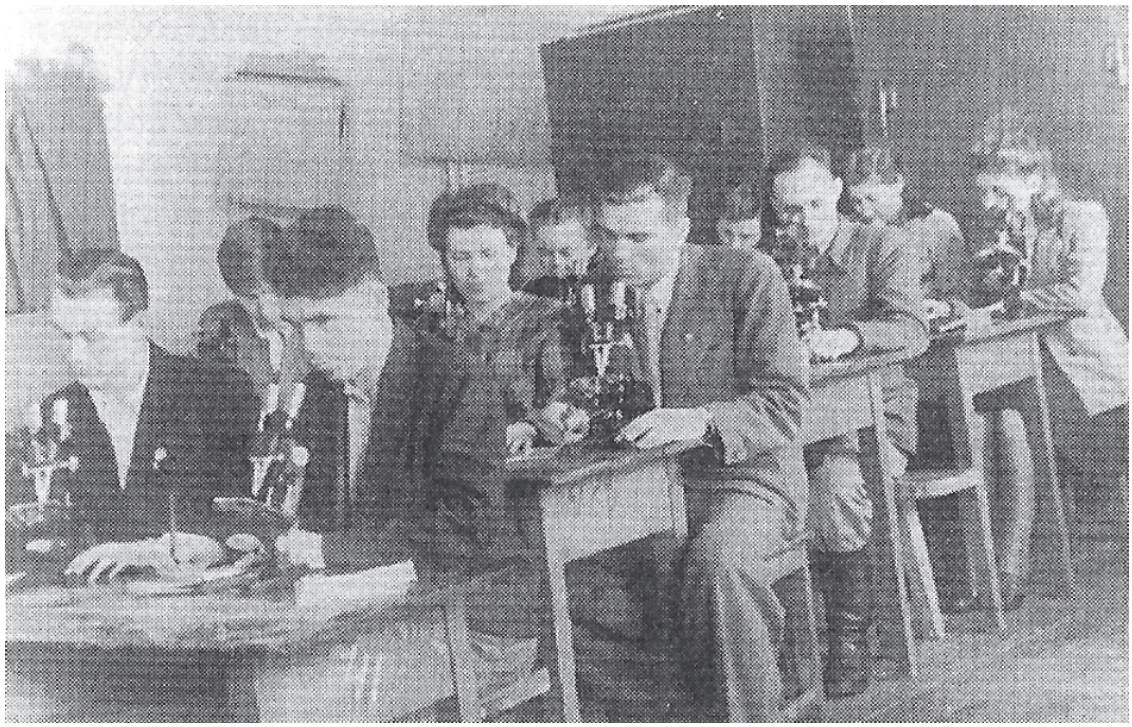
— Для меня это даже не обсуждалось! После успешного проведения весеннего сева я пришел в райком партии и положил на стол заявление. 12 июня 1942 года я стал коммунистом. Как много значило для меня это слово! Коммунист, преданный делу и своему народу.

Следили за возможностью появления немецких диверсантов, дезертиров, сигнальщиков. Вооружались всеми подручными средствами: косами, вилами, топорами!

Летом 42-го немцы начали наступление. В Прохоровском районе были мобилизованы мужчины старших возрастов. Мне пришла ориентировка — уходить вместе с последними нашими частями. Я сжег все документы в сельсовете, закрыл помещение на ключ и ушел, не зная, вернусь ли когда-нибудь...

Я отступал вместе с солдатами. Ближе к городу Коротояку мне предложили сесть на подводу со снаряжением. Неожиданно появились немецкие самолеты, начались обстрел и бомбежка. Я едва успел соскочить и броситься в кювет у дороги. Подводы были разбиты, на дороге лежали

На занятиях в институте. Михаил Бородин за второй партой, 1944 г.

убитые и раненые. Взрывной волной меня накрыло землей и слегка оглушило. Но обошелся только ушибами.

3 июля мы достигли Коротояка. На подступах к городу скопилось много войск, техники, лошадей с повозками. Переправа через Дон не работала — немцы постоянно бомбили ее, даже ночью. Мы решили переправляться как получится. Вечером 4-го мы с товарищами-партийцами и солдатами спустились с крутого берега на пологий участок. Там рос кустарник. Мы наткнулись на брошенное кем-то продовольствие — муку, сухари. Увидели натянутый от одного берега к другому кабель и сколоченный помост. Ими и воспользовались. Знаете, на том берегу Дона была какая-то иллюзия мирной обстановки. Тихо, тепло, поют соловьи...

Когда я добрался до Саратовской области, пришел в военкомат и попросился в армию. Меня взяли и отправили в 73-й запасной стрелковый полк. Большая воинская команда была скомплектована и отправлена в Кузбасс — добывать уголь, в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны.

— Тогда многие рвались воевать. Вы не расстроились, что вас отправили не на «огненный» фронт, а на трудовой?

— Я был готов ко всему и принял такое решение безо-

говорочно. Был ЕДИНЫЙ фронт, и без помощи тыла не было бы Победы!

На угле Кузбасса и уральском металле жила вся военная промышленность страны. Горняки шахты «Коксовая-1» города Прокопьевска обратились ко всем угольщикам с призывом не покидать рабочие места без перевыполнения нормы выработки. Мы старались. За перевыполнение плана дополнительно выдавали 100 грамм водки и 50 грамм сала. Талоны на эти продукты мы получали часто, но давались они нелегко!

Честно признаться, ради выполнения плана мы здорово рисковали. Например, чтобы сократить производственный процесс, оставляли кровлю без крепления и начинали вести новые взрывы пласта. Один раз так и накрыло. Большая глыба породы оторвалась от кровли и рухнула вниз. Мне сломало правую ногу.

— Михаил Ермолаевич, у Вас в семье кто-нибудь воевал?

— Отец. Мы с ним переписывались. У меня сохранилось его письмо от сентября 43-го года: «Молитесь Богу, чтобы победить врага и прийти с победой домой». Он часто снился мне тогда: встретимся, поговорим, а потом просыпаюсь, а его нет... Когда письма перестали приходить, я написал командиру его войсковой части. В 1944 году пришел ответ: командир орудия, парторг батареи Межуев сообщал, что при встрече с группой немецких танков осенью 43-го мой отец был убит. В том письме рассказывалось и о бое, за который отца наградили медалью «За отвагу». С тех пор мы встречаемся с ним только во сне...

Елена КОЗИНОВА,
2013 год

***

Не смолкнут письма пропыленные,
Таящие померкший свет,
Как будто бы испепеленные
Дыханием сгоревших лет.
В них,
Нестерпимыми ожогами
И гневом перекалена,
Звучит словами напряженными
Отполыхавшая война.

Борис ДУБРОВИН

Галина Игнатова

Г.А. ИГНАТОВА:
Мы умирали, пухли от голода...

Галина Игнатова — блокадница Ленинграда. Она пережила то, чего нам с вами, слава Богу, пережить никогда не придется. Голод. Бомбежки. Близость смерти. Галина Афанасьевна не любит вспоминать то время. «Просто я живу сегодняшним днем. Не надо о прошлом», — говорит она. В подтверждение Галина Афанасьевна рассказывает о недавно прочтенных книгах, об экскурсиях, о планах на будущее. К тому же она — председатель районного общества блокадников Ленинграда, так что дел у нее действительно много.

Но особенная гордость Галины Афанасьевны — исторические знания о родном блокадном городе. В преддверии годовщины Победы она даже подготовила исторические справки о ходе Великой Отечественной войны — и лично читала их ребятам в одной из московских школ. Свидетель войны напишет о тех годах лучше историков: «900 дней и ночей блокады, жуткой блокады. Само слово «блокада» — уже наводит ужас. Блок_ада! Это было действительно так…»

Детство посреди войны

— Галина Афанасьевна, где Вас застало начало войны?

— Моя семья находилась в военном лагере недалеко от Ленинграда. Мой папа был военным, командиром дивизиона. Летом все военнослужащие вместе с семьями выезжали в такие лагеря. Солдаты там жили в казармах, а семьи офицеров — в летних домиках, которые стояли прямо в лесу. До сих пор из той моей прошлой жизни вспоминается такая картина: я лежу на кровати, сестричка моя, которая пару месяцев назад родилась, спит в люльке. Дверь открыта, идет сильный-сильный дождь. А мама с папой сидят на порожке счастливые! За ними виднеются сосны.

И вот однажды утром прибегает солдат, стучит в двери офицерских домиков: «Тревога!» Мне было восемь лет, я подумала, начинаются

обычные учения. Но это было не так.

Нас всех срочно подняли, велели быстро собирать вещи, объявили: война. А потом я увидела самолеты, которые, наверное, уже летели бомбить Ленинград. После этого было так страшно ехать в город! Нас папа посадил в свою машину и сказал шоферу ехать, а везде шум, взрывы...

Папа ушел на фронт. Воевал. Сражался на Пулковских высотах. Был ранен, попал в госпиталь... После госпиталя его отправили на Урал. И, представляете, наша семья ничего об этом не знала. Ведь как тогда письма-то писать было? Кому? Куда?..

— Расскажите, пожалуйста, каково это — быть ребенком в осажденном городе?

— В сентябре началась блокада. Я помню, когда разбомбили Бадаевские склады, к месту пожарища собрались все ленинградцы. Хоть мы и думали, что война быстро закончится, но все равно туда прибежали и собирали кто что найдет — сахар вперемешку с землей... Еще я помню, как мы, дети, ходили на какую-то фабрику, где торф был...

Жить страшно было. В печке сожгли все, что было в доме. Продукты на обед и ужин по крохам собирали, экономили. Надолго запасов, конечно, не хватило. Мы из ремней и подошв кисели варили, а из столярного клея моя мама каким-то чудом умудрялась делать лепешки...

Мы из ремней и подошв кисели варили, а из столярного клея моя мама каким-то чудом умудрялась делать лепешки...

— Неужели — прямо из клея?!

— Да-да, из клея. Надо сказать, лепешки у нее очень вкусные получались. Хотя я и сама удивляюсь, как она это делала... А клея-то ведь тоже мало было. Мама даже обои в доме стала обдирать и ножиком соскребать клей с обратной стороны!

А еще помню, как мамин родной брат, кажется, в феврале 42-го, когда уже совсем нечего было кушать, принес нам в своих сапогах немного пшена. А его друзья, солдаты, передали для нас кусочки сахара, кусочки хлеба...

Дети, увы, в большинстве своем были обречены на вымирание в блокадном

городе. Хлеба давали 125 грамм. Да и хлебом-то это назвать нельзя: суррогат из мучной пыли, целлюлозы и жмыха.

Тяжело было жить. Очень. Знаете, война меняет весь привычный быт людей: по ночам ждешь бомбежек, утром ищешь продукты. Даже детские санки, понимаете, обычные детские саночки, уже не развлечение, а необходимое средство выживания в осажденном городе. Вы не представляете, как они нам помогали, как выручали в страшные зимние дни 1941–42 годов. Без них было бы совсем плохо. На них возили обессиленных, больных, дистрофиков. Возили умерших, завернутых в одеяла, простыни, какие-то тряпицы. Возили воду, доски, щепу... (в руках бы не донесли, сил не было). Знаете, мне хотелось бы, чтобы санкам поставили памятник в Санкт-Петербурге, в каком-нибудь самом людном месте, потому что нужно помнить...

— Когда Вы были эвакуированы из города?

— В 1942-м. К тому времени папа был награжден боевыми орденами, был ранен — лежал в госпитале в Свердловске (сейчас Екатеринбург). Когда он смог ходить, его отправили преподавать в артиллерийское училище. Он нас тогда уже искал, но, сами понимаете, сделать это было трудно. Папа написал в Ленинград, хотел получить разрешение на въезд в город. Пропуск он получил — на розыск семьи. Это был, кажется, декабрь 1942 года: мама уже лежала в больнице, а мы с сестрой буквально скитались по городу в поисках продуктов. Кто накормит, кто чего даст... А сестра-то такой маленькой была! Как она выжила, я не знаю даже.

Отец нас нашел. Вместе с ним мы сходили к маме в больницу, но врачи сказали, что ее нельзя перевозить. Папа увез нас без нее... Мы ехали через Ладогу. Боже мой, это так страшно было! Постоянные обстрелы, бомбежки. Даже у шофера была все время открыта дверь, чтоб, если что, он успел выпрыгнуть. Потом мы ехали на поезде. Все ужасно болели.

Я вот недавно слышала, как один блокадник, выступая по телевидению, сказал: «Когда нас эвакуировали, то самым удивительным зрелищем было — на полустанке живая кошка. Живая! Я подумал, как же ее до сих пор не съели?! Ведь у нас-то в городе...» И я этого блокадника очень понимаю.

Нас с сестрой привезли на Урал. А там прямо на перроне поезд встречали местные жители. Они знали, что в вагонах ленинградцы, многие дети без родителей едут, и брали их на воспитание. Вот и сестру мою взяли... А меня прямо на носилках в госпиталь. Я помню только, что с меня там все сняли и положили в ванну — в раствор марганцовки.

Очнулась я в палате. Рядом со мной сидела медсестра. Как сейчас вижу, держит она меня за руку, крепко-крепко держит, смотрит и говорит: «Открыла глаза, голубушка! Ну, теперь жить будешь... А сейчас я тебе кое-что скажу, ты только не пугайся, поняла?» А я гляжу на нее и плачу. Она берет мою руку и кладет мне на голову. Оказалось, волосы-то все состригли! Совсем! Это был для меня такой шок! А медсестра успокаивает: «Вырастут они, вырастут! Еще какие будут...»

Слезы радости

— Скажите, Галина Афанасьевна, для Вас День Победы — это радостный праздник или скорбное напоминание о погибших в те годы?

— Я отвечу. Но начну немного не с этого. Я хочу вот что сказать: моя мама до 43-го года оставалась в Ленинграде. Там, конечно, уже полегче к тому времени стало, но все-таки город был на осадном положении. И вот мой отец решил снова поехать в Ленинград: на этот раз уже за мамой. И он смог увезти ее оттуда. Мама была рада, но все же всегда потом говорила: «Эх, что ж это он меня увез-то?! Еще б немного, и салют в честь освобождения посмотрела бы!»

А так, знаете, для меня 27 января, день снятия блокады, и 9 Мая — это слезы. Но слезы радости. И, конечно, я запомнила 9 мая 1945-го. Мы к тому времени были в Свердловске. И когда объявили о конце войны, началось такое ликование, такое — ну, просто объяснить невозможно! Потому что это было... не знаю, это было такое счастье!

Тогда мы жили в бараках, и вот 9 мая всех нас, солдатских и офицерских детей, родители оставили одних. Они праздновать Победу пошли. Ну и мы, конечно, тоже отпраздновали конец войны, по-своему. Ведь, представляете, ни одного взрослого не осталось дома! А нас, детей, было много. Мы кричали «Победа!», залезали на крыши бараков, творили все, что хотели! Думаю, мы тогда

наелись за всю долгую войну — ведь ни хлеба не было, ничего...

***

В одной из своих исторических справок Галина Афанасьевна написала: «Я думаю, что вы ощутили те жертвы, которые были положены нами на Алтарь Победы, чтобы вы жили спокойно и счастливо. Время не щадит нас, ветеранов. Мы уходим, но передаем вам то, что мы отстояли. Вы приняли от нас эстафету памяти об этой войне. Расскажите о ней друзьям, ровесникам, а потом и своим детям. Пусть память о героических поступках и жертвах останется в сердцах людей...»

Сергей ЛЕПЕШКИН,
2013 год

***

Мне кажется,
Когда гремит салют,
Погибшие блокадники
Встают.

Они к Неве
По улицам идут,
Как все живые,
Только не поют.

Не потому,
Что с нами не хотят,
А потому, что мертвые.
Молчат.

Мы их не слышим,
Мы не видим их,
Но мертвые
Всегда среди живых.

Идут и смотрят,
Будто ждут ответ:
Ты этой жизни стоишь
Или нет?

Юрий ВОРОНОВ

Николай Оловянников

Н.Е. ОЛОВЯННИКОВ:

Задание мы шли получать в гимнастерках, а подходя к самолету, снимали форму и летели в тельняшках

Николая Оловянникова не зря прозвали мастером по бреющим полетам. За более чем 200 вылетов он по праву заслужил такую характеристику. Герой Советского Союза, он множество раз рисковал собственной жизнью, но всегда считал: награды — это далеко не все, главное, чтобы голова оставалась на месте.

13 ЧАСОВ НАЛЕТА ВМЕСТО 150

— Николай Ефимович, когда Вы впервые заинтересовались самолетами?

— Мне было 16 лет, когда я пошел в аэроклуб. Тогда большинство мальчишек мечтали летать. Мы с упоением смотрели на статных молодых летчиков, которые приходили к нам в школу и агитировали записаться в аэроклуб. Изначально он находился в городе Константиновка, где жили мы с мамой. Но затем был перенесен на 20 километров от нас в город Артемовск. Поэтому на занятия я немного опоздал и теорию не проходил, сразу пошел на практику. Сначала нас учили на тренажерах, а потом на учебных самолетах ПО-2. Занятия в аэроклубе закончились весной 1941 года.

— Где Вы были в первые дни войны?

— Еще дома. И войны мы не ждали. Население настраивали, что военных действий не будет, немцы на нашу землю не придут. Но 28 июня мне пришла повестка. Тех, кто занимался в аэроклубе, отправили в ворошиловградскую школу, там мы начали летать на Р-5.

Позже нам дали команду эвакуироваться в город Уральск. Здесь учили летать на скоростных бомбардировщиках (СБ). В то время под Сталинградом катастрофически не хватало войск для ведения боевых действий. Часть курсантов отправили на его оборону.

Затем наша промышленность начала выпускать самолеты Ил-2 — штурмовики, предназначенные, в основном, для поддержания наземных войск. На этом самолете я налетал всего 13 часов из положенных по программе 150. Сказали: «Ничего страшного, на фронте доучишься».

— Какой из полетов Вам больше всего запомнился?

— На одном из тренировочных полетов у моего самолета начал барахлить мотор, из него пошел черный дым. Я, тогда еще совсем неопытный, не на шутку растерялся. Поблизости был аэродром — попросил разрешения сесть. Но до него нужно было еще долететь! Из маслопровода мне в лицо вдруг начало бить масло. Стал производить маневр для посадки на аэродром, смотрю: подо мной высоковольтная линия. Боялся, что за нее зацеплюсь. Но, к счастью, удачно ее пролетел и приземлился. Ко мне тут же подбежал командир эскадрильи, приказал вылезти из самолета. Пока я соображал, что происходит, он сам залез в кабину и начал его запускать, но тут самолет загорелся. Командир чудом успел выскочить из горящей машины. Пожарные пламя потушили.

— Куда Вас отправили после таких экстремальных тренировок?

— Выполнили мы положенную тренировочную программу, стали ждать распределения по частям. Тут прилетает «купец» — Миша Ступишин — штурман полка. «Купцом» мы называли человека, который приезжал, чтобы набрать в свою боевую часть летчиков. Я и еще трое моих друзей попросили его не разлучать нас и взять к себе в одну часть. Мы с ребятами очень сдружились за время учебы в летной школе. У нас даже правило было: если кто-то дежурит на кухне, то обязательно должен принести что-нибудь поесть.

«Купец» взял меня и моих друзей к себе. Нам присвоили звания младших лейтенантов, посадили на новые самолеты. Полетели мы в деревню Зубово. Когда туда прибыли, летный состав части уже пообедал, нас попросили подождать, пока разогреют обед. Приходим в столовую, а там на столе стоит огромная ваза с хлебом. Пока ждали обеда, мы эту вазу вчетвером и уплели. Официантка, увидев наш аппетит, принесла еще хлеба.

Нас распределили по эскадрильям. Штурман полка заставлял учить на память районы предстоящих боевых действий. Надо было точно знать, где находятся реки, населенные пункты, железные дороги и цели, которые нужно уничтожить. А старшие летчики нам рассказывали, как вести себя в строю при подходе к цели, когда делать противозенитный маневр, как атаковать. Каждый день мы тренировались в кабине самолета.

Николай Оловянников (в центре) с лучшими друзьями — Василием Чичканом и Николаем Штангеевым

Там масса кнопок, а в бою времени чтобы подумать, какую из них надо нажать, нет. Поэтому мы все свои движения доводили до автоматизма.

Храбрость летчика в тельняшке

— Когда состоялся Ваш первый боевой вылет?

— 12 июля 1943 года, на Курской дуге. Мы штурмовали танки. Летим обратно на свой аэродром, я смотрю: у меня откуда-то опять в кабине появилось масло. Такое бывает, когда твой самолет повреждают, а меня вроде бы ничем не зацепило. Подумал, что не слышал, как самолет повредили. Долетел до своего аэродрома, ко мне подбежал механик. Сказал, что утром он по неосторожности перелил мне масла, и оно немного вытекает. И попросил никому об этом не говорить, а то ему достанется. Конечно, я ничего не сказал. Я же хорошо слетал.

— Много ли тогда погибало неопытных летчиков?

— У нас в штурмовой авиации особенно много сбивали тех летчиков, у которых было мало боевого опыта. Если сделал 10 вылетов, и тебя не сбили, значит, ты уже опытный летчик. За десяток успешных вылетов на Курской дуге меня

наградили орденом Красной Звезды.

Ко времени освобождения Белоруссии я уже набрался опыта, имел быструю реакцию, хорошо держался в строю и стал командиром эскадрильи.

— Что придавало Вам храбрости в атаке?

— В 44-м в Белоруссии погода стояла жаркая. В нашем батальоне девушкам (оружейницам, парашютоукладчицам) выдали морские тельняшки вместо кофточек. Девушки их носить не стали и отдали нам. А мы в жару прямо на аэродроме надевали тельняшки вместо своих гимнастерок. Они нам, так же как и морякам, придавали больше храбрости. Однажды из-за этих тельняшек нашему командиру полка попало от начальника политотдела. Он приказал проследить, чтобы летчики летали в гимнастерках. Но мы все равно гнули свое: задание шли получать в гимнастерках, а подходя к самолету, снимали форму и летели в тельняшках.

— В чем заключается задача штурмовика?

— Стрелять по наземным целям. Меня в дивизии называли мастером ударов с бреющего полета и мастером по точечным целям. Однажды разведчики доложили, что по переправе через реку Березина следуют немецкие машины с провизией и снаряжением. Переправу нужно было срочно уничтожить. После постановки боевой задачи я предложил своему командиру лететь не звеном (четыре самолета), а парой — это было более маневренно и эффективно. Полетел. Держался от переправы в 3–5 километрах, пересек линию фронта, развернулся и с запада на бреющем полете атаковал.

После уничтожения переправы образовалась пробка из машин врага. Пока фашисты соображали, что происходит, мы атаковали технику и живую силу.

Хоть это была и не наша задача, но однажды мы даже самолет подбили. Нам тогда нужно было разгромить два немецких эшелона на станции Баушерская. Полетели туда звеном. Погода была хорошая, видимость отличная. Подходим ближе к станции — сплошная облачность, ничего не видно. А мы летим примерно на 400-метровой высоте, на которой зенитная артиллерия врага могла нас протаранить в два счета. Решили не рисковать: пойти за облаками, чтобы наши самолеты никто не заметил. Когда вышли из облаков, тут же увидели станцию. С ходу начали ее атаковать.

Зенитная артиллерия не успела среагировать. Операцию провели успешно — все немецкие эшелоны были разбиты. Полетели назад, на свой аэродром, и видим: летит транспортный трехмоторный немецкий самолет Ю-52. Мы начали его обстреливать. Самолет был сбит.

— Оставалось ли время на отдых между боевыми вылетами?

— После боевых действий нам давали по 50 грамм водки, чтобы расслабиться. Иногда к нам приезжали артисты. В полку у нас было много девушек — оружейниц и парашютоукладчиц. Когда заканчивался ужин, зажигали два фонаря, начинал играть баянист, а мы танцевали.

«Звезд не надо, главное, чтоб голова осталась цела!»

— Были ли у летчиков-штурмовиков свои традиции на войне?

— Мы всегда чествовали летчиков, которые сделали подряд 100 и 200 удачных вылетов. У меня было 199 вылетов, когда началась Берлинская операция. Мы к ней усиленно готовились, изучили район боевых действий. На следующее утро должны были брать Берлин. Пришло утро, а погода нелетная. К 11 часам утра небо постепенно прояснилось. Летчиков начали отправлять на задания, а меня все не отправляли, хотя я специально маячил перед командиром полка, чтобы тот дал боевое задание на следующий полет. У нас в авиации существует такое правило: никогда самому не напрашиваться на вылет — это плохая примета. Потом начальник штаба намекнул нашему командиру полка, что у меня 199 вылетов. Тот намек понял, подошел ко мне и сказал, чтобы я готовился к выполнению боевой задачи. Когда я шел к самолету, в голову лезли нехорошие мысли. А как только сел за штурвал, все, о чем думал, забыл. Внимание полностью переключилось на предстоящий полет.

Были еще такие суеверия: задание получил, а тебя вдруг кто-то позвал, свистнул тебе, — иди вперед и не оборачивайся. Никогда перед полетом не фотографировались. Часто даже ругались по этому поводу с фотографами, бывало, и до пистолетов доходило!

— Какое задание Вам нужно было выполнить на 200-м вылете?

— За 25 минут подавить на плацдарме огневые точки противника, которые вели огонь по нашим войскам. Когда я подходил к цели, по нашей

группе из восьми самолетов начала стрелять немецкая зенитная артиллерия. Чтобы не сбили, я стал маневрировать, ушел от обстрела, затем подавил зенитную артиллерию. Потом начал уничтожать огневые точки противника. С боевым заданием справился на пять минут раньше. По радио мне передают, чтобы возвращался обратно в часть. Но у меня еще оставалось время. На малой высоте я пролетел над Одером. Вижу, на лодках и на плотах переправляются наши солдаты. Я им помахал плоскостями, а они мне в ответ подбросили свои шапки. Только после этого я полетел на аэродром. Подхожу к аэродрому на любимом бреющем полете и вижу: на земле красное полотно метров на пятнадцать лежит, на нем написано: «Приветствуем Оловянникова, совершившего 200-й вылет!»

Вижу, на лодках и на плотах переправляются наши солдаты. Я им помахал плоскостями, а они мне в ответ подбросили свои шапки.

На аэродроме в это время был член Военного совета 4-й воздушной армии генерал Ф. Веров. Я подошел к командиру полка доложить о выполнении задания, а Веров спрашивает у него обо мне: «Ну, какой он командир эскадрильи?» Командир ответил, что я мастер точечных ударов. Тогда Веров велел ему позаботиться о том, чтобы мне дали вторую Звезду. Но ее я в итоге так и не получил.

— Что же случилось с Вашей наградой?

— Тогда была шифровка Рокоссовского: нельзя было ездить офицерам на трофейных машинах, потому что многие получали увечья. А у меня был трофейный мотоцикл. Мы с моими друзьями как-то забрались на него втроем и поехали с аэродрома. А нам навстречу машина. Я сначала подумал, там только водитель. А когда сравнялись с ней, то увидели, что там еще и командир дивизии сидит, руками мне машет. Потом на партийном собрании он сказал, что не подпишет на меня представление к награде. Я ответил: «Ну и черт с ней, лишь бы голова была цела!»

— Расскажите, каким был Ваш последний бой.

— 2 мая сдался последний берлинский гарнизон. Мы все подумали, что война кончилась. Но 7-го снова получили

задание. В Балтийском море, в порту Свинемюнде, немцы погружали на корабли технику и личный состав. Задача была ударить по этим кораблям и по технике, которая находилась в порту. Погода была хорошая, настроение боевое. Восьмерка самолетов полетела на выполнение боевого задания. При подходе к цели открыла огонь зенитная артиллерия противника. Я дал команду приготовиться к атаке, затем, через несколько секунд, приказал атаковать. Произвел пикирование и на определенной высоте сбросил бомбы, после чего начал стрельбу из реактивных снарядов и пушек.

Все восемь самолетов благополучно дошли до порта, цель была уничтожена. А когда возвращались назад на аэродром через немецкие города и населенные пункты, хорошо было видно, что в окнах домов вывешены белые флаги в знак капитуляции.

— Где Вы находились, когда узнали, что Красная Армия одержала Победу?

— В последний день войны я был в деревне Нейштерлин в Германии. Нам сообщили, что акт о капитуляции Германии подписан. Ликование было нескончаемым! Что творилось на аэродроме! Стреляли из ракетниц, автоматов — кто из чего. Ведь все понимали, самая большая награда — пройти такую войну и остаться в живых!

Анна ЗАХАРОВА,
2013 год

Турель

Мы наблюдать поднаторели
За вкрадчивой голубизной,
И полушарие турели
Вращалось, будто шар земной.
Дни пролетали, словно смерчи,
Из пулеметного ствола
Огни трассирующей смерти
Спалили молодость дотла.
И вновь то справа, а то слева
Глаза выискивали цель,
И поворачивалась неба
Голубоватая турель.

Борис ДУБРОВИН

Михаил Красников

М.С. КРАСНИКОВ:

В какой-то момент враг открыл шлюзы, и в ледяную воду провалились те, кто шел впереди

Михаил Красников о себе рассказывать не любит. О его боевом пути можно узнать из красноармейской книжки. Строки в ней сухи и непредвзяты: форсировал Одер, Вислу, был на Балтике, брал Варшаву, Берлин. Он был связистом, но уверен, что ради Победы смог бы стать и танкистом, и летчиком. Но сложилось так, как сложилось.

Бои все тяжелы

— Михаил Степанович, как Вы попали на фронт?

— Я родился в селе Богана Воронежской области. Получается, Богом мое село дадено. Жили себе спокойно, не тужили, и вдруг война. Никто ведь не ожидал этого, немец напал внезапно, и нас, восьмерых односельчан одного возраста, направили в военкомат. Там узнали о войне. Что уж тут скажешь! Многих из села забрали в первый же день. А нас, подростков, — на поля. Работали на прицепных плугах, сидя на них и выбивая сорняки, регулировали глубину пахоты. Трудились.

Все началось с Орловского военного училища связи в 1943 году, там я был зачислен в группу проволочной связи, а мои товарищи — в группу радистов. На учебе нас не жалели все восемь месяцев. Возможно, это и помогло сохранить жизнь в дальнейших боях. Все знания пригодились, мы ведь еще совсем молодые были, 18-летние, и ничего толком не знали про войну. Отучились — и сразу же на линию 1-го Белорусского фронта в расположение 222-го стрелкового полка. Меня назначили командиром отделения связи конной батареи капитана Прудникова, звание старшего сержанта нам дали еще в училище.

— Помните свой самый тяжелый бой?

— Дочка, да они все как на подбор. Один раз пушку разбило так, что она аж в воздух подскочила. Ранило многих. Да разве вспомнишь сейчас! Вот тогда, прямо после боя спросили бы, тяжелый ли он был.

На Висловском и Сандомирском плацдармах долго посидеть пришлось. Оттуда и

наступали. Отдых? Конечно, как закончится бой, так спи-отдыхай. Только вот бои эти шли постоянно. Но как-то выкраивали время и для разговоров, шуток, анекдотов.

Были у нас и старшие товарищи, из Сталинграда. Меня в силу возраста сынком называли. Я, тогда еще мальчишка, не курил совсем и всю махорку, выданную мне, «старичкам» отдавал.

Помню, как-то раз на нашем участке оборвалась связь. Меня послали ее наладить. Я аккуратно двигаюсь к месту, подползаю и вижу там двух убитых солдат, которые уже пытались эту связь восстановить. Мне с трудом удалось найти концы кабеля и устранить повреждение. За это я получил свою первую медаль «За боевые заслуги».

«Мы ждали Победу на подступах к Берлину»

— А страх на войне был?

— Страх... Слышали бы вы, как я кричал в окопах около Вислы, когда нас штрафная рота давила! Мы сражались насмерть. Погиб здесь капитан Прудников. Мы попали в окружение, думали, что как только немец отступит, мы с легкостью его погоним. Вот и доигрались. С огромными потерями мы вышли оттуда уже под командованием майора Пашкевича и шли с боями до самого Одера. Там немцы взорвали мост и переправляться пришлось по льду. В какой-то момент враг открыл шлюзы, и в ледяную воду провалились те, кто шел впереди. Крики, суматоха — вот где страшно-то. Остальным все же удалось закрепиться на соседнем берегу. Мы были вынуждены драться без танков, тяжелой артиллерии, авиации. Немцы, конечно, поначалу имели превосходство, но мы свое дело сделали. А в Берлине сам шут не разберет, что творилось! Враг из последних сил пытался выкарабкаться, ожесточенно сражался, но спасти Гитлера тогда уже вряд ли что могло. Как уж тут не праздновать Победу... Салют такой был!..

Страх... Слышали бы вы, как я кричал в окопах около Вислы, когда нас штрафная рота давила! Мы сражались насмерть.

После окончания войны я остался в Германии еще на пять лет. Служил там связистом, можно сказать, помогал

наводить порядок. В 1949-м получил отпуск, а через год нас уже демобилизовали.

О немцах не могу сказать, плохие они или хорошие. Знаю точно: война не нужна простому народу, вне зависимости от его национальности. Нормально они к нам относились. Обычные такие, только больно педантичны. Все у них аккуратно, чисто, и придраться не к чему.

— Ни разу за все те годы не возникал вопрос: почему мы воюем?

— Да вы что, какие вопросы?! Положено воевать, и воевали. Мы же не в игры играли, а защищали Родину. Это святое дело. Благодаря чему мы выиграли эту войну? Здесь, безусловно, огромную роль сыграл настрой советского народа, его вера в Победу. Мы ждали ее уже на подступах к Берлину. Добавьте сюда умелое руководство маршала Жукова, и вот вам результат. К сожалению, мое командование сменялось слишком быстро, условия — не сахар, сами понимаете. Погиб командир нашей батареи капитан Прудников. Нет в живых и начальника артиллерии майора Пашкевича. А сколько их еще таких, не вернувшихся домой! Светлая им память.

Екатерина КУРМЫШЕВА,
2011 год

***

Как часто наклонялись мы к могиле,
чтоб опустить скупую горсть земли,
но, отряхнув ладони, уходили,
а в смерть поверить все же не могли.

Пускай в бою один уснул устало,—
сильней клокочет кровь его в другом.
Что жило в нем — то нашей жизнью стало:
любить, дышать и — убивать врагов.

Марк МАКСИМОВ

Василий Скоробогатов

В.Е. СКОРОБОГАТОВ:

Немцы понимали, что жесточайшая дисциплина и выучка — это залог успеха. И успех их был долгим

67 лет — большой срок. Для кого-то даже целая жизнь. Василий Скоробогатов помнит то, что происходило с ним 67 лет назад, как будто это было вчера. Еще бы! Разве можно забыть, что в мае 45-го он, исполняя обязанности начальника штаба полка, в составе 248-й стрелковой дивизии штурмом взял ставку Гитлера. Ту самую, в районе Имперской канцелярии, — в самом сердце Берлина...

В районе Ближней Перекопки

— Василий Ефимович, кто провожал Вас на фронт?

— Никто не провожал. Родители мои были в Казахстане, а я с 1940 года служил на Дальнем Востоке. Так что на фронт я уезжал со своим учбатом из Хабаровска. Мы ехали в товарных вагонах, в конце июня 42-го. И прибыли под Сталинград.

Станцию Качалинская перед нашей высадкой сильно бомбила вражеская авиация — она горела. Некоторые наши пареньки, не успели высадиться, как помчались к зданию местного хлебозавода и вернулись оттуда с богатой добычей — буханками хлеба. Потом мы выбрались к Дону, окопались. На следующий день я с другими офицерами участвовал в рекогносцировке местности, рассматривая противоположный берег реки. Ночью саперы навели мост, пригнали несколько барж, и мы стали переправляться.

Я тогда состоял в должности начальника штаба Отдельного учебно-стрелкового батальона при 205-й стрелковой дивизии.

— Вы можете описать бой, который стал для Вас самым тяжелым?

— Отчего ж нет?! Это как раз бой под Сталинградом, самый первый и самый страшный для меня...

Наш батальон принял боевое крещение в районе Ближней Перекопки. Оборонялись до 15 августа. Стояла жара 30 градусов! В самый разгар, часам к трем, из-за холма показались двенадцать немецких танков с автоматчиками на броне. А за ними

валила пехота. У нас же только несколько пушек и жиденькая цепочка окопов. Представляете, в этот момент около меня вдруг появился мальчишка лет пяти, с игрушечным деревянным ружьецом на плече. Я ему: «Ты кто?! Где мама?» Он отвечает: «Мишка Донсков. Мама в школе». Крикнул ему, чтоб сидел на месте — не двигался. На окраине хутора за рекой, прямо против меня, находился вражеский танк. Что делать? Дал по нему из ручного пулемета длинную очередь. Танк направил в мою сторону пушку и ударил... Меня засыпало комьями земли. И тут пищит телефон, «Зиммер». Слышу: «На хуторе радиостанция наша — надо взорвать!» Я схватил карабин и, пригибаясь к земле, побежал в казачий хутор, уже занятый немцами. Добрался до крытого грузовика, в котором радист-сержант записывал телефонограммы. Говорю ему: «Отходите!» Мы подорвали гранатами радиостанцию и по оврагу, через камыши, выбрались за хутор, побежали. Кругом рвались мины... Жуть!

Немцы на тот момент имели превосходство в силах, были опытнее, оснащены лучше. А мы? Молодые бойцы (мне — 20 лет), ничего не умеем еще! В общем, смели они нас...

Когда мы попали в окружение, вокруг меня в лесочке собралось около трехсот солдат и офицеров, и мы пошли на прорыв. У меня была карта местности, ориентировался хорошо: взгляну на условные обозначения, и за ними вижу настоящие парки, леса, дороги. Вывел я остатки моего батальона, хоть и непросто это далось.

В этот момент около меня вдруг появился мальчишка лет пяти, с игрушечным деревянным ружьецом на плече. Я ему: «Ты кто?! Где мама?» Он отвечает: «Мишка Донсков. Мама в школе».

— А тот паренек, Мишка Донсков, погиб?

— Выжил! Я после войны встретился с ним. Оказалось, мальчонку на поле боя подобрали немцы и отвели к матери в хутор. Вот так, не все в германской армии были извергами. Повезло Мишке!

«Самые разные события»

— Василий Ефимович, а бывали какие-то курьезные случаи на фронте?

— Конечно! Все мы люди живые, и случаются с нами самые разные события. В сентябре 42-го на Сталинградском фронте наш учебный батальон, подчиненный командующему 40-й гвардейской дивизии, получил приказ атаковать станицу Сиротинскую. Мы сформировали разведгруппу из 12 человек и в полночь послали их выяснить, сколько там немцев. Разведчики проникли туда незаметно. Сосчитали танки, установили, что против нашего батальона стоит целый полк, и стали пробираться обратно. Тут мы услышали стрельбу, крики — засекли наших ребят!

Как оказалось, они возвращались огородами, и один боец полез на грядки за огурцами. Тут-то немец его и засек. Поднял тревогу, открыл стрельбу. Большинству наших удалось прорваться, спасся и тот курсантик, весь в крови, с огурцами за пазухой... Я этого бедолагу ругать не стал — винил в неудаче себя. Надо было тщательнее подбирать людей в разведгруппу и инструктировать их хорошенько!

На следующий день мы пошли в атаку и были разбиты превосходящими силами противника. Атаки повторялись где-то восемь раз. Наши ряды таяли на глазах: от трехсот человек осталось двести, потом сто... А потом я пошел к командиру и сказал: «Какой во всем этом смысл?! Нас уничтожат!» Он ответил категорично: «Атаки продолжить!» Нужно было постоянно тревожить немцев и давать понять, что рано или поздно их все равно сметут.

Мы даже не успевали добраться до немецких позиций, гибли под шквалом огня. Когда нас осталось тридцать восемь человек, командир дивизии выделил два полка, и немцев выбили.

— И стоила ли, по-вашему, задача «постоянно тревожить немцев — чтоб знали» стольких человеческих жизней? Людей же на верную погибель бросали!

— Что вам сказать... Главное было — выполнить боевую задачу и остановить немцев у Сталинграда. Такие вещи делаются, и с тактической точки зрения они оправданны. А те жизни, конечно, никто не вернет...

Но вы спросили про курьезные случаи. В 44-м стояли мы на Днестре, под кре-

постью Бендеры. Окопы — наши и немецкие — разделяла небольшая полоса. И один боец повадился вечерами к немцам на кухню ходить — еду получать. Одетый в немецкую форму, три дня туда бегал, отчаянная голова! Потом, конечно, схватили. Мы строго наказали за это командира роты, который знал о его проделках, а в штаб не доложил. Вот такое бывало!

— Скажите, как Вы немцев оцениваете?

— Воевать они умели. Пунктуальные до предела, организованные, точные. Даже в плену они строго соблюдали свои уставные порядки. Както завели в дом пленного немца-офицера. Так солдаты-немцы при нем вскочили и не садились, пока тот не приказал.

Никогда раненых не бросали. Когда гнали колонны немецкие под Сталинградом, они подбирали упавших и несли их на руках. Они понимали, что жесточайшая дисциплина и выучка — это залог успеха. И успех их был долгим.

— А кого из своих однополчан Вы вспоминаете до сих пор?

— Был у меня в части паренек — Петя Снежок, сапер. Он на фронт приехал с почтовым голубем в клетке! Мы, когда вышли на пограничную реку Прут, весточку послали. Долетел голубь домой, в Никополь, «известил»...

У этого Пети мать года полтора ни строчки от него не получала. И отправила письмо на имя самого Верховного главнокомандующего! Напишите, мол, что с сыном моим, если погиб, то где. И такое трогательное у нее письмо вышло. Отозвались! Это при том, что подобные письма тысячи писали!

В военкомате навели справки, выяснили, что он на фронте Жукова воюет, и отправили туда запрос. Жуков подписал резолюцию: «Разыскать этого парня». Когда установили воинскую часть, прибыл туда жуковский порученец. Ко мне явился. Я, помню, вызвал Снежка и говорю: «Родители живы? Писал? Почему нет?» А он на меня глазами такими удивленными смотрит: «А чего ж писать?! Ну, жив-здоров. Вы же сами видите, что я, как бык!» Через несколько месяцев получила мать письмо от сына. Только вот не уцелел Снежок, убили его на Одере...

Елена КОЗИНОВА,
2012 год

***

Отмахивая медленные версты,
Распахивая песней тишину,
Ладонями распарывая воздух,
Подошвами сминая целину,
Пустыми, обожженными полями
Неотвратимо шел
Издалека
Расчерченный
Примкнутыми штыками
Прямоугольник нашего полка.
Не ведали
Ни отдыха,
Ни срока,
Самим себе пощады не суля,
Мы — серые,
Как серая дорога,
И пыльные,
Как пыльная земля.

Борис ДУБРОВИН

Абдул Гусейнов

А.А. ГУСЕЙНОВ:

На войне я никогда не слышал слов «лицо кавказской национальности»

На счету Абдула Гусейнова более 30 исторических повестей и романов, многие из которых читают на разных языках: английском, французском, немецком, испанском, турецком, азербайджанском. Союз писателей недавно поздравил его с 85-летним юбилеем. Во время войны это был еще зеленый мальчишка, который на три дня примерил роль командира взвода, а в атаки шел под лозунгом «За Родину, за маму!».

Солдаты, пехота...

— Абдул Анбиевич, когда Вы попали на фронт?

— Я учился в Грозненском пехотном училище в Баку. В 1943-м на Курской дуге положение было сложное и сообщили, что фронту требуется больше бойцов. Из нашего училища сформировали курсантский батальон. Рядом было еще снайперское училище. Из всех училищ собрали по одной роте и отправили нас на фронт. Мы прибыли 31 июля, а 1 августа уже оказались на передовой. В нашей роте человек 120 было, и в первый же день половину убило. Ну, это же солдаты, пехота. И каждый вечер поступало пополнение человек 50–60, и каждый день половину теряли.

— Среди погибших были и командиры?

— Так мы воевали 17 дней, а на 18-й почти все командиры погибли. Мы же совсем недавно курсантами были! Мне неполных 18 лет, а уже назначили командиром взвода. Правда, пробыл им всего три дня. Во взводе были пополнения из Сибири, на меня смотрели 50-летние «старики»! Все эти двадцать дней мы ползли, чтобы не увидел никто. Бывало, что в окопе сидели по горло в воде. А что делать?! Здесь уже не высунешься, иначе немцы расстреляют.

В нашей роте человек 120 было, и в первый же день половину убило.

— А почему Вы командовали взводом только три дня?

— 20 августа меня тяжело ранило. Пролежал очень долго в госпиталях: в Свердловске (Ворошиловградская область), в Морозовске, в Красноармейске (слился с Волгоградом), в Саратове, в Казани. 14 января выписали и дали шесть месяцев отпуска. А после отпуска я, как и в первый раз, рвался на фронт! На передовую выйти мне не дали. В итоге устроился в штаб полка помощником начальника финансовой части. Я ведь окончил экономический факультет сельскохозяйственного техникума перед уходом в армию. Вел учет и переписку прибывающих офицеров.

Кстати, умудрился в 1945-м в Польше снова получить ранение. Мы тогда проходили рядом с Освенцимом, сами не зная об этом. Потом только слухи стали доходить: те, кто за нами шел, рассказали. А мы даже не подозревали, рядом с каким адом находимся.

— Вы помните первого немца, которого убили?

— Помню. Я троих убил. Одного до сих пор не могу себе простить. Мы ворвались в окопы, один немец держал в руке автомат и над другим немцем плакал. Оказывается, это его родной брат погиб, а я плачущего в упор застрелил, так как он вооруженный был. Этого я себе никогда не прощу! На моей совести это...

«За Родину, за маму!»

— Как Вы сейчас относитесь к бывшим противникам?

— Сейчас уже совершенно по-другому. Я в Германии после войны еще два раза был. Руководил экспортом советских фильмов за границу, объездил полмира, особенно соцстраны. В Лейпциге мы издавали журнал «Советский фильм». Так что отношусь вполне нормально. Виноваты-то не простые люди были. Обвиняются, в основном, Гитлер и Сталин.

— Вы хотите сказать, что никогда не произносили «За Родину, за Сталина!»?

— Никогда. Сталин очень много злодеяний и ошибок совершил. И за многое его виню. Мыслимо ли, кавалеристов против танков пускать?! К началу войны Красная Армия была обезглавлена. Вот у меня был случай: знакомый в университете военном преподавал, а Сталин приказал его расстрелять. А за что? За то, что был сыном врага народа. А когда война началась,

людей знающих, умеющих уже в живых почти не осталось.

Патриотизм для меня — любить Родину. Что касается этих слов, о которых вы спрашиваете, так я всегда говорил: «За Родину, за маму!» Мне это даже старый знакомый, с которым вместе воевали, до сих пор припоминает. Я был готов биться за кого угодно, но только не за Сталина. Его я защищаю только по одному пункту. Здесь над ним суд хотели провести, как над Гитлером в свое время. А я и пишу в книге своей, что Гитлера судили, потому что он чужие народы гробил, а Сталин чужие не трогал, только свой, советский, народ морил, и это дело только нашей страны и никто более лезть сюда не имеет права.

— Между солдатами во время войны национальный вопрос когда-нибудь вставал?

— Нет, никогда. Меня взяли с периферии, из Азербайджана, и поставили на такую высокую должность. Мы были одним целым, единым союзом. Я никогда не слышал слов «лицо кавказской национальности». Для меня это дико! Мы были такой сильной державой. После войны я работал и подолгу жил во многих странах, например, в Иране, в Монголии, в Турции. Как к нам относились! Трепетали все. Я был против распада СССР. Все были равны. Были, конечно, и минусы, но держава-то какая мощная! А во время войны мы в своей победе даже не сомневались.

— Что помогало Вам выжить на фронте?

— Нас готовили командирами в училище, так что мы многое знали: как укрываться, как идти на танк. Все пытались победить и не погибнуть, но это не всегда и, к сожалению, не всем удавалось. Мой товарищ один бросился на пулемет и ценой собственной жизни спас остальных.

— Какой момент войны запомнился Вам больше всего?

— В первый день было страшно. Помню атаку. На твоих глазах товарищи гибнут. Половины роты нет, а к вечеру уже и страха нет. Не люблю об этом вспоминать — страшно.

Еще момент был. Я о нем в одной из своих книг рассказал. Была у меня собачка, звали Каштанкой. Добрая, ласковая, и меня больше всех любила. Я ее баловал, как мог. А потом война началась, и что там людям — собаке тяжело было: недоедала, редко когда

косточка перепадала, и не то что с мясом — с запахом мяса в лучшем случае. Потом меня на фронт провожать пошли, и Каштанка рядом. Посмотрел я на нее, как чувствовал, что в последний раз вижу. Сел на поезд и уехал. Только через несколько лет узнал о судьбе моей Каштанки. Каждый день она приходила на перрон и ждала меня, а вечером, так и не дождавшись, уходила домой. Через две недели Каштанку сбила машина. Прости, Каштанка, что не уберег тебя! Время было такое. Война...

Лилия ВАРЮХИНА,
2013 год

***

Где чернели траншейные щели
Над увечьем чадящих лугов,
У запекшихся губ
Холодели
Эти чашечки млечных цветов.

Подымаясь из скорбного праха,
Отрешенно, по-детски чисты,
Горько-горько взрывчаткою пахли
Незатоптанные цветы.

Над распластанным пулями взводом
Возникающие вокруг,
Безмятежностью майского меда
Овевали томительно вдруг,

И, качаясь у бездны пожара,
Под звучанье скрещенных штыков,
Кровью полнились
Вместо нектара
Эти чашечки млечных цветов.

Борис ДУБРОВИН

Федор Алчинов

Ф.А. АЛЧИНОВ:

Дали нам связки гранат, бутылки с зажигательной смесью и одну винтовку на всех

Копна седых волос, ясный взгляд, великолепная память. И ему 94 года?! Да в жизни не поверишь! В квартире Федора Алчинова в центре башкирского города Октябрьский идеальный порядок, сразу видно: хозяин — человек военный.

Выражение «живая история» — это о нем. Родился в год, когда расстреляли царя, застал Ленина и Сталина, пережил голод 1921-го, помнит коллективизацию и уж точно никогда не забудет войну.

«Вооружались теорией»

— Федор Алексеевич, скажите, чувствовалось приближение войны?

— Чувствовалось. Когда СССР и Германия пакт о ненападении заключили, нам преподаватель по материальной части вооружения капитан Глушко объяснил все очень доходчиво: «Мы одну руку Гитлеру протягиваем, а другую в кулак сжимаем». Предыдущий выпуск в нашем Оренбургском военном зенитно-артиллерийском училище готовили так: 6 часов занятий и 2 часа самоподготовки. А у нас — 8 на 4 или 10 на 2. Каждый день по 12 часов! Изучали устройство оружия, уставы, топографию... В общем, готовили всерьез. (Правда, пушка калибра 76 мм, на которой мы тренировались, уже устарела и в армии не применялась, пришлось потом переучиваться.) Выпуск у нас, молодых лейтенантов, намечался на июль 1941-го, а состоялся на два месяца раньше — как будто знало наше начальство, что мы как можно скорее должны попасть в войска. Даже родных навестить не дали.

Я получил назначение в 29-й Литовский стрелковый корпус. Приезжаю в Вильнюс 7 мая, являюсь в штаб. И получаю от начальства роскошный подарок — ключи от пустующей офицерской квартиры и четыре дня отдыха для ознакомления с городом. А там весна, красавицы приветливые, улочки живописные... Я сразу красивый фибровый чемоданчик купил, а то с простым вещмешком как-то неудобно. На пятый день еду к

С однополчанами. Федор Алчинов в первом ряду слева

месту службы — в местечко Пабраде в 50 километрах от Вильнюса, в 137-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион 179-й стрелковой дивизии. Личный состав в основном состоял из литовцев, носивших форму армии буржуазной Литвы. По-русски хорошо говорили лишь их командиры. Все советское руководство (помимо меня и еще двух только что прибывших лейтенантов) — комиссар дивизиона и три комиссара батарей. Когда я рассказал им, что по городу разгуливал, удивились: «Вас не предупредили, что одному ходить опасно? Случаются нападения».

— Вы на самой границе стояли. Ощущалась тревога?

— Все прозевали! Меня назначили помощником командира батареи. Дивизион имел на вооружении 20-миллиметровые швейцарские пушечки «Эрликон». Но они — представьте себе! — стояли в зачехленном виде в парке. Потому что командование ждало новых зениток калибра 37 мм. Вот вам и постоянная боевая готовность на границе! Вооружались теорией: я читал уставы, а командир батареи, капитан, переводил услышанное солдатам.

Однажды капитан меня спрашивает: «А если Германия

все же нападет на СССР?» Я ему строго отвечаю: «Народ настроен так патриотично, что не позволит врагу командовать на советской земле». Он сказал только: «Ну, конечно-конечно...»

Товарищи дезертиры

— И вот наступило 22 июня…

— После завтрака дивизион занимался приведением в порядок клумб и дорожек в лагере. Вдруг комиссар батареи вызывает меня: «Срочно в штаб дивизии за пакетом!» Я сбегал, принес — и опять к цветочкам... Но тут личный состав собирают на митинг. Комиссар объявляет: «Сегодня в 4 часа утра фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз...» А я думаю: «Вот некстати». Я только-только познакомился с девушкой, работавшей у нас в столовой. Такая светловолосая литовская красавица. Она в меня влюбилась — настоящий роман мог получиться...

Тут начальство командует — взять из парка две пушки и занять огневую позицию в полутора километрах от лагерей. Вскоре налетают двухмоторные бомбардировщики «Юнкерс-88» и давай бомбить расположение лагеря. Мы открываем огонь из «Эрликонов». Вроде бы правильно целимся, трассеры к самолету идут, но сбить ни один не удалось. Но и бомбы особого вреда нам не нанесли.

К вечеру часть получила приказ отходить. В дивизионе невообразимая спешка, подразделения перемешались. Залезаю в ЗИС-5 с прицепленной пушкой. В кузове уже сидят около 30 солдат и три литовских командира. Они недовольно так говорят: «Садись в другую машину, тут тесно». Но пересаживаться некогда. Тронулись... Я не сразу заметил, что грузовик почему-то едет в сторону Вильнюса (на юго-запад), а вся колонна ушла на восток. Шофер гнал так, что закипела вода в радиаторе. Офицеры приказали солдатам закатить пушку на возвышенность: «Тут армейские склады недалеко — прикрывать будем». «Одним орудием?» — спрашиваю. «Сейчас еще подъедут, — говорят. — Ты давай командуй расчетом, а мы караулы расставим». Смотрю — «караулы» растаяли в воздухе. И тут я понимаю, что офицеры спланировали массовое дезертирство — потому и пытались высадить меня из грузовика. Что делать? Технику же не бросишь. Оставил трех солдат с единственной на всю нашу группу винтовкой. «Пришлю

за вами машину», — сказал им и с остальными двинулся догонять своих.

«Война, а мы барахло охраняем»

— Догнали?

— Следующие два дня только и делал, что ждал и догонял! Доходим до Пабраде — ура, полуторка! Едут несколько наших командиров во главе с комиссаром батареи Журовым. Они вернулись в лагерь за вещевым довольствием (попросту — за одеялами и подушками). Посадили нас. А через несколько километров останавливают машину, без объяснения причин приказывают все выгрузить и... оставляют меня с группой солдат охранять это барахло! Мол, скоро нас заберут. Темнеть начинает... Тут подходят три солдата, которых я оставил. Оказывается, командир нашей дивизии, проезжавший мимо, приказал им вывести из строя пушку и машину и догонять своих. Ладно, ждем...

Идут два командира из соседнего дивизиона, противотанкового. «Снимай знаки различия, — говорят. — Местные командиров убивают». Их трое было, литовцы одного убили, но их начальник штаба, хоть и изменник, велел советских командиров отпустить...

Снимать нашивки я не стал. Оставил троих солдат-литовцев рядом с барахлом, а остальных восьмерых повел к своим. Шли почти без отдыха. На вторые сутки стали засыпать на ходу. Проходим деревню Свенцяны. Думаю, все, сейчас в рожь заберемся и поспим. А на площади наши! Выстраиваются для продолжения марша. Вот радость-то! Докладываю обо всем комиссару дивизиона. «Сейчас влетит», — думаю. У меня же из-под носа двадцать человек дезертировали! А он: «Не переживай, у нас тоже половина разбежалась». Больше массового дезертирства не было.

Завтрак на обочине

— Бомбили вас?

— Первый раз 27 июня. Колонна остановилась для завтрака. Я спрыгнул из кузова и пошел к стоящей впереди машине, где находился взвод. Дальше все происходит мгновенно. Над головами появляется «юнкерс» и сбрасывает бомбу. Между грузовиком и прицепленной к нему пушкой вздымается облако взрыва. Старшина Яролявичус — он доставал из мешков продукты — улетает из кузова метров на десять и... поднимается без единой царапины! И еще у двенадцати человек ни

единой царапины. А остальные четырнадцать — кровавый горящий фарш. Взрывом разломило снаряды, из гильз на разорванные тела просыпался порох и загорелся...

— Вы тогда впервые увидели гибель людей на войне. А Вам всего двадцать три... Было, наверное, жутко?

— Почему-то я не испугался. Взял лопату и стал тушить землей. Мы похоронили останки. Потом я собрал фотографии родных, высыпавшиеся из моего чемоданчика, — его разорвало пополам. Часть карточек по одну сторону от машины, часть — по другую. Порванные, обгоревшие... Обратно в половинку чемоданчика сложил, другой половинкой закрыл и чем-то перетянул. Всю войну эти карточки с собой возил и до сих пор храню... Едем дальше. Смотрим — «убитый» рядовой Шевчук идет! Это мы его в убитые записали, а он не пострадал, просто с перепуга рванул куда глаза глядят. Фактически дезертировал. Но наказывать его не стали...

Потом в июле под бомбежку «Юнкерсов-88» попали. Это на перекрестке дорог под Невелем в Псковской области. Колонна стоит, солдаты и офицеры есть собираются. Я даю команду двум своим расчетам: «К бою!» Открываем огонь. Смотрю, бомбы прямо на нас сыпятся. «В укрытие!» — командую. Оказалось, не на нас. Угодило в полевую кухню метрах в семидесяти. Убило командира дивизиона, комиссара и старшину.

«В руках винтовки, глядим друг на друга...»

— Какой момент войны стал для Вас самым тяжелым?

— В августе 41-го под Великими Луками. Город уже окружен был. Мы понимали, что вот-вот его обойдут немецкие танки и двинутся по шоссе дальше на восток, на Торопец. Командование решило заткнуть брешь нами. Литовцев с пушками к тому времени передали в другую часть, а мы — двадцать русских солдат и я — стали на время пехотным взводом. Дали нам связки гранат и бутылки с зажигательной смесью. И одну винтовку на всех. Я на разных сторонах дороги разместил по десять человек в ячейках, через 30 метров друг от друга. Как бы мешок получился. «Только когда 5–10 танков втянутся, — говорю, — все сразу бросаем гранаты и бутылки. Я первый».

День ждем, два... Однажды чувствую: за спиной кто-то есть. Смотрю — сзади голова из травы высовывается. И еще

голова, и еще... Я винтовку хватаю: «Стой, кто идет?!» И за ними. Они от меня. Метров через шестьдесят догнал последнего, за плечо схватил и винтовку на него наставил. А он свою — на меня. И молчит. Я потихоньку опускаю, и он тоже. Остальные в лощинке залегли. Наконец их командир, старший лейтенант, поднимается: «Да что вы панику поднимаете?! Свои мы». А этот, который напротив, молчит. И остальные — ни слова. Я на рожи смотрю — настоящие арийцы! До меня доходит: я один против разведгруппы! Командир у них по-русски шпарит, остальные ни бум-бум. «Ладно, — говорю, — вы поосторожнее, а то ведь могу и пристрелить...» И так, читая нравоучения, потихоньку отхожу... Потом я узнал, что и раньше незнакомые «красноармейцы» тут появлялись. Видимо, по их донесению танки прошли мимо нас, по проселку, и дальше на шоссе выскочили. А если бы бой — он стал бы для нас последним. Ну, сожжешь машину, оттуда вооруженный экипаж выскочит, а у нас одна винтовка на всех. О вражеских разведчиках я доложил начальству, но кому их ловить-то?! Сняли нас с этой позиции и велели отходить. По лесам неделю шли. Пешком (!) догнали немецкие танки и пересекли шоссе. Ближе к осени нас против пехоты поставили — опять без винтовок и почти без гранат. К счастью, немцы на этом участке к обороне перешли... Но даже в самые тяжелые дни я верил: все равно мы победим.

В ноябре нашу дивизию вывели на переформирование в город Кувшиново. В ее составе сформировали 240-ю отдельную зенитно-артиллерийскую батарею. Вооружили четырьмя 37-миллиметровыми пушками. Я стал заместителем командира батареи. Снова на фронт (на Калининский) мы попали в апреле 1942 года. Почти сразу сбили разведчик «Хеншель-126». Смотрю, из него дым повалил, какие-то предметы начали вылетать, — видимо, летчик что-то стал выбрасывать. Через линию фронта перелетел и грохнулся. Потом сбили «Юнкерс-88», потом еще один. И пошла уже совсем другая война.

До меня доходит: я один против разведгруппы! Командир у них по-русски шпарит, остальные ни бум-бум.

В октябре 43-го мне присвоили звание капитана и наградили медалью «За боевые заслуги». Потом меня забрали в отдел ПВО при артуправлении 43-й армии. Победу я встретил старшим помощником начальника отдела в немецком городе Нойштадте в звании майора. И еще 12 лет прослужил после этого в армии. Кроме медали, был награжден во время боевых действий орденами Отечественной войны I и II степени и орденом Красной Звезды.

А два моих брата до Победы не дожили. Младший, Василий (рядовой), пропал без вести 29 августа 1942 года при форсировании Дона. Старший, Григорий (лейтенант, командир танкового взвода), погиб 4 февраля 1945-го.

Ирек САБИТОВ,
2012 год

Победа

От Бранденбурга
он перроны мерил,
забыв про котелок для кипятка.
Выспрашивал.
И ждал.
И сердцем верил,
что вот сейчас ударят два звонка,
что рощи,
пашни,
пущи,
виадуки
на три минуты раньше промелькнут,
как будто могут все года разлуки
короче стать от этих трех минут...

И может быть, умывшись над ушатом
и полотенце взяв из рук жены,
он целый час не числился солдатом,
как будто сразу смыл следы войны.

Но только час. И верится соседу,
когда за встречу чокается с ним,
что этот человек и есть Победа,
пришедшая через огонь и дым!

Марк МАКСИМОВ

Вера Микитенко

В.М. МИКИТЕНКО:

В блокадном Ленинграде двери никогда не закрывали, чтобы легче было выносить умерших...

Вера Микитенко — коренная ленинградка, любящая свой город и готовая отдать за него жизнь. Вместе с Ленинградом и его жителями она преодолела 900 дней жуткого голода, а потом отправилась на фронт защищать Родину, где встретила будущего мужа.

Боевое начало

— Вера Михайловна, к началу войны Вы были еще школьницей?

— Нет, я училась на третьем курсе исторического факультета Ленинградского университета. Помню, как 22 июня 1941 года плакали женщины, узнав о начале войны и предчувствуя, сколько бед и несчастий выпадет на их горькую долю. Сразу после объявления войны мой брат Георгий, незадолго до этого окончивший курсы подготовки летного состава, вместе с друзьями помчался в военкомат проситься на фронт. Через несколько дней они отправились воевать. Вскоре мы провожали в народное ополчение наших мальчиков-студентов, освобожденных от военной службы по состоянию здоровья. Собрались на набережной Невы у входа в университет, говорили напутственные слова, пели песню из кинофильма «Светлый путь»:

Нам нет преград ни в море,
ни на суше,
Нам не страшны ни льды,
ни облака.
Знамя страны своей, знамя
борьбы своей
Мы пронесем через миры
и века.

Настроение у всех было боевое, и никто не сомневался, что «враг будет разбит, победа будет за нами».

Нас, девчат с исторического и других факультетов, срочно отправили строить оборонительные сооружения на подступах к Ленинграду. Мы рыли окопы и противотанковые рвы, жили в шалашах, сооруженных нами наспех, питались чечевицей, но шутили: писали на стенах противотанковых рвов: «Немцам — от историков и химиков ЛГУ».

— А когда Вас, студенток, коснулась война?

— Появились «юнкерсы» с воющими бомбами и пуле-

метными очередями. С запада, от самой границы, измученные, голодные, с плачущими детьми, нескончаемым потоком шли беженцы. Они уже хорошо знали, кто такие фашисты и какова их жестокость.

Под Новгородом мы чуть не попали в окружение. Нас выводили по проселочным дорогам под вой вражеских самолетов, которые с бреющего полета поливали нас пулеметным огнем. На привале от усталости свалились как убитые и, только проснувшись утром, обнаружили, что лежим практически в воде: ночью не разглядели болото.

Когда пришел эшелон, нам объявили, что все в вагоны не поместятся. Будут отправлять только женщин Василеостровского района, так как у них остались в Ленинграде дети. А нас попросили рыть противотанковые рвы. Враг уже стремительно двигался к Новгороду. До места работ мы так и не дошли: туда уже прорвались немцы. Неизвестно, кто позаботился и как это удалось, но за нами прислали второй эшелон, на который мы даже не надеялись. Приближаясь к Ленинграду, голодные, мы пели: «Любимый город может спать спокойно».

Конец «окопной эпопеи». Блокада

— Я знаю, что Вы пережили блокаду. Расскажите, как это было.

— 8 сентября немецкие войска, прорвавшись через станцию Мга и захватив Шлиссельбург, отрезали Ленинград с суши. Город оказался в кольце блокады. Немецкое командование, не сумев захватить его, решило сравнять с землей этот один из красивейших городов мира. На Ленинград обрушился шквал бомб и артиллерийских снарядов, начался обстрел из дальнобойных орудий.

С началом блокады наша окопная эпопея закончилась. Мы рвались на фронт защищать Родину и свой Ленинград. При университете были срочно организованы курсы медсестер: годичную программу надо было пройти за два месяца. Никогда мы с таким вниманием не слушали лекции, как на этих курсах. Знали, что это нужно для спасения жизни людей. А вражеские самолеты и дальнобойная артиллерия делали все для того, чтобы уничтожить «населенный пункт, в существовании которого Германия не заинтересована» — так фюрер называл ненавистный ему несдавшийся Ленинград. Дни и ночи

из репродукторов раздавались звуки сирен со словами «Воздушная тревога!».

— Что в это время было самым страшным?

— Самым страшным был налет 276 фашистских самолетов 19 сентября. Самолеты люфтваффе бомбили не только военные объекты: они уничтожили сотни школ, больниц, промышленных предприятий, тысячи жилых зданий! Для спасения людей из-под завалов разрушенных домов создавались народные дружины, в домах — группы самозащиты. Моя мама, Надежда Кирилловна Васильева, была начальником группы самозащиты в доме, при каждом сигнале воздушной тревоги она бежала на чердак и крышу и вместе с другими жильцами сбрасывала зажигательные бомбы вниз, где стояли ящики с песком.

Однажды фугасная бомба попала в соседнее здание. Раздался такой страшный грохот, что наш дом закачался из стороны в сторону. Но, к счастью, дело закончилось только огромной трещиной во всю стену.

— Не многим удалось выжить в блокаду… Что помогло Вам?

— Мои занятия на курсах медсестер длились по 12 часов в сутки. Добираться туда и обратно при бесконечных бомбежках и артобстрелах было нелегко, воздушные тревоги приходилось пережидать в подъездах и подворотнях. Трижды моя жизнь висела на волоске! Один раз меня спас милиционер, не пустивший на Дворцовый мост во время артобстрела. Именно там, на другой стороне моста, где я могла оказаться, разорвался снаряд.

Однажды фугасная бомба попала в соседнее здание. Раздался такой страшный грохот, что наш дом закачался из стороны в сторону. Но, к счастью, дело закончилось только огромной трещиной во всю стену.

Во второй раз на улице Росси во время сигнала воздушной тревоги я едва успела броситься в подворотню и прижаться к земле: сделай я несколько шагов вперед, оказалась бы в воронке.

В третий раз, торопясь в госпиталь на практику, на остановке у химико-технологического института я не успела

на отходивший трамвай и пошла пешком. Через несколько минут прозвучала сирена воздушной тревоги и после этого — страшный взрыв: трамвай, на который я опоздала, был вдребезги разбит бомбой, угодившей в здание, возле которого он остановился. До сих пор помню окровавленного младенца и других раненых, которых выносили из трамвая дружинники и все, кто был рядом.

Затем ударили морозы. Замерз водопровод. С утра к Неве и Фонтанке шли измученные и голодные люди с бидонами и чайниками. К счастью, в нашем доме (Можайская, 2) по выведенной во двор трубе неизвестно откуда все время текла вода. Под краном образовалась огромная ледяная гора, но на нее все же можно было забраться и набрать драгоценной влаги. В квартире было жутко холодно. Мы ломали мебель, чтобы с помощью щепок вскипятить на кирпичах хотя бы кружку воды. А мучительный голод нечем было утолить.

— А куда Вы попали после того, как закончили курсы?

— В декабре мы сдали экзамены и получили удостоверения медсестер. Я пошла в военкомат с просьбой отправить меня на фронт. Ответили: «Временно девушек не призывают. Ждите повестки».

Не выдержав испытаний, слегла моя мама. Я чувствовала, что и мои силы на исходе. И тут случайно узнала, что в одном из подъездов нашего дома работает всеми забытый телефон-автомат. Я позвонила своему крестному Николаю Сергеевичу Манукову. Он работал начальником охраны на одном из объектов рядом с Балтийским заводом. Услышав его голос на другом конце провода, только и сказала: «Мама не встает, я тоже завтра встать не смогу». Ночью он постучал в дверь, хотя можно было войти и без стука. Тогда двери не закрывали, чтобы легче было выносить умерших. Крестный принес два солдатских сухаря, кусок колотого сахара и бидон мучного жидкого супа (брандахлыста). Это было целое богатство!

Во второй свой приход крестный, работавший на стратегическом объекте, уговорил меня пойти к нему в охрану. Едва приступив к работе, я свалилась с тяжелой дистрофией. Здесь меня нашла школьная подруга и сообщила, что мой университет и юридический институт, в котором училась она, эвакуируются.

Через весь город, с трудом передвигая ноги, добиралась до меня встревоженная мама. Спасибо моему крестному, его другу — военврачу, женщинам охраны, сделавшим все, для того чтобы поднять меня на ноги, учившим меня даже заново ходить!

Когда вновь смогла работать, очень пригодились мои знания, полученные на курсах медсестер. Помимо дежурства на посту я проводила занятия с личным составом по оказанию первой медицинской помощи пострадавшим. Как только освобождалась, шла через весь город к маме. Поднять ее на ноги мне помогли добрая соседка и известие от брата, воевавшего сначала в морской авиации, потом в морской пехоте под Новороссийском. Тяжело раненный, он лежал в госпитале в Саранске. Искал нас.

— А что Вам помогало не падать духом, не сдаваться?

— Знаете, в этом жутком кошмаре под вой сирен, грохот бомб и снарядов, весь город сражался. Ленинградцы из последних сил в промерзших цехах Кировского завода ремонтировали танки, на фабрике «Скороход» изготавливали мины, на табачной фабрике — пулеметные ленты. По радио в перерывах между звуками сирены и метронома звучала музыка лучших композиторов, выступали поэты и писатели: Ольга Берггольц, Вера Инбер, Вера Кетлинская, Николай Тихонов, Александр Прокофьев... Своей музыкой, стихами, просто словами они подбадривали людей, вселяли в ленинградцев веру в Победу. До сих пор я слышу первые такты седьмой (Ленинградской) симфонии Дмитрия Шостаковича, впервые исполненной в осажденном Ленинграде 2 августа 1942 года...

При каждом сообщении Совинформбюро, прильнув к репродукторам, мы с надеждой ждали слов о прорыве блокады. И наконец-то услышали! 18 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились в районе Шлиссельбурга, образовав коридор шириной 11 километров! Это был глоток свободного воздуха, это было начало нашей Победы. По образовавшемуся коридору быстро проложили железнодорожные рельсы: в Ленинград пошли составы с грузом. С 20 января нам прибавили норму хлеба.

Наконец мне пришла повестка из военкомата. Собрали нас, отощавших ленинградских девчонок, одели в военную

форму и распределили в различные части Ленинградской армии ПВО Ленинградского фронта. Мы шли по Измайловскому проспекту в шинелях до пят, в огромных сапогах и с воодушевлением пели:

Город-красавец
Нева обмывает,
О Ленинграде песню слагаем.
Смело пойдем вперед,
Нет нам преграды.
Жизнь отдадим свою
для Ленинграда.

Из блокады сразу на передовую!

— Как складывалась Ваша судьба на передовой?

— Меня назначили санинструктором на пятую батарею в 169-й зенитный артиллерийский полк. Сопровождавший меня суровый старшина на вопрос «что это за батарея?» ответил немногословно: «Придешь — увидишь». Стоял холодный сырой март. Батарея находилась близко к Невской губе. Землянки, в которых жили бойцы, за ночь наполнялись водой по колено. Спали мы в шинелях на нарах, тесно прижавшись друг к другу. Утро начиналось с того, что ведрами вычерпывали воду из землянки. До меня на батарее не было санинструктора, поэтому остро стояла проблема педикулеза (кожного заболевания, спровоцированного вшами). Я вызывала дезинсекционную машину, дважды в день проводила санобработку всего состава. И вылечила всех больных!

Вспоминаю одну очень тяжелую ночь. У одной из девушек были сильные боли в животе. Она кричала, не давала до себя дотронуться. Я хорошо помнила, как нам на курсах хирург трижды повторил: «Крепкий, как камень, живот — это «острый живот», есть опасность перитонита». Даю срочную телефонограмму в штаб полка: «Немедленно пришлите машину: «острый живот». Зину увезли вовремя, успели прооперировать и спасли. А мною заинтересовались: «Что за санинструктор на пятой батарее с такими знаниями медицинских терминов?» Вызвали в штаб полка на комиссию, чтобы отправить на ускоренные курсы врачей.

Но на войне часто случаются неожиданные повороты судьбы. Сидевший в комиссии заместитель командира полка по политчасти майор Шпак до войны был преподавателем политэкономии в Ленинградском университете. Узнав, что я там училась, он предложил мне работу секретаря. Мне

нужно было принимать сообщения обо всем, что происходит в дивизионах и на батареях, обобщать материалы в политдонесения, которые отправлялись в политотдел армии. Однако работала я недолго. Вмешался комсорг полка Гриша Запорожанов, заявивший, что ему нужен комсорг дивизиона, а бумагами может заняться кто-нибудь другой. Комсорг дивизиона утверждался политотделом армии. Когда документы на меня были туда посланы, вопрос решили иначе. Меня направили комсоргом части в 72-й Краснознаменный отдельный радиобатальон ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение и связь), куда прибыло большое пополнение ленинградских девушек.

Наверное, моя худенькая фигурка в красноармейской форме внушала мало доверия майору Ермолову, заместителю командира по политчасти 72-го радиобатальона. Однако этот немного суховатый, но интеллигентный человек вида не подал. Вкратце рассказав о боевых задачах, которые должна решать часть, он вызвал лейтенанта Кузяева и дал ему задание в течение месяца ознакомить меня со всеми подразделениями, их командирами и ввести в курс дела.

— И как прошло Ваше знакомство с подразделениями?

— Я начала с редута, находившегося в Кронштадте. Туда вместе с лейтенантом Кузяевым мы отправились на катере в четыре утра, так как ночью и днем залив простреливался немцами. Вскоре я побывала на всех редутах, познакомилась с командирами, комсоргами, личным составом.

Помню посещение редута №11 в Келомягах под Ленинградом. Командир, старший лейтенант Микитенко, на вид совсем молоденький юноша, был очень серьезен. Я подумала: «Почти мальчик, а командует подразделением, оснащенным сложнейшей техникой, имеет в подчинении офицеров с высшим образованием. Ничего себе!» Тогда я даже не могла предположить, что закончится лихое время и он станет моим мужем.

Ленинград все еще находился в блокаде. Так как комсорг части — это офицерская должность, мне пришлось сдать экзамены по материальной части РЛС и электростанции, по радиотехнике, силуэтам всех наших и вражеских самолетов. Сначала мне присвоили звание младшего лейтенанта, потом — лейтенанта. Главное для комсомольского

работника — работа с людьми, и я должна была часто бывать в подразделениях. До боевых точек добиралась на штабном «виллисе», но чаще на попутках, а то и пешком. Боевая работа, которую выполняли бойцы, командиры и инженеры 72-го КОРБ во время блокады, состояла в том, чтобы не пропустить к Ленинграду немецкие самолеты с бомбами, своевременно обнаружить на экранах локаторов не только цель, но и количество летящих самолетов и сообщить на командный пункт армии. Позже наши редуты стали выполнять задания по наведению советских самолетов на самолеты противника.

Еще до призыва на фронт, в блокадную зиму 1941–42-го, я была свидетелем страшных бедствий и разрушений, которые нанесла нашему городу вражеская авиация. Но только в 169-м зенитном артиллерийском полку и 72-м отдельном радиобатальоне я убедилась, что потери были бы еще более жуткими, если бы не защитники ленинградского неба: летчики, зенитчики, радиолокаторщики с их четкой работой.

Здравствуй, Победа!

— Вы помните, как встретили прорыв блокады, Победу?

— 27 января 1944 года закончилась битва за Ленинград. Выстоял город! А 9 мая 45-го мне довелось встретить в далеком Баку. В эти дни отмечалось 25-летие Советской Социалистической Республики Азербайджан, и я оказалась в составе делегации Ленинграда, которую возглавлял капитан первого ранга Владимир Петрович Галкин, командовавший на ладожской «Дороге жизни» крепостью Кобона.

О том, что пришлось пережить ленинградцам, в стране знали все, и потому наша делегация была окружена особым вниманием как руководства республики, так и простых жителей. Руководители Азербайджана радушно принимали нас в своих кабинетах. В виде братской помощи предложили нашей делегации вагоны битума для восстановления разбитых тротуаров и панелей.

Непосредственно о конце войны мы узнали в ночь с 8-го на 9 мая вместе с Марией Прохоровой, секретарем Ленинградского ГК комсомола, в номере гостиницы «Баку», куда к нам с радостным криком ворвались члены нашей и других делегаций: «Девчонки! Что вы дрыхнете?! Победа!!!»

Что творилось в гостинице и в городе! Всеобщие объя-

тия, крики поздравлений, слезы радости, пальба на улицах. Танцы начались! Было немного печально, что в такой день я не в Ленинграде, но радость Победы была сильнее.

Здесь, далеко от родного города, я еще раз прочувствовала, как велика была в нашей стране дружба народов, во многом благодаря которой мы победили. Провожая в обратный путь, нас, бывших блокадников, снабдили разными деликатесами и симпатичным бочонком вина. Только 11 мая в вагоне поезда я вспомнила о своем дне рождения. Члены нашей делегации открыли бочонок, и мы еще раз отметили Победу, а заодно и мой 23-й день рождения.

Когда я возвратилась в Ленинград, увидела счастливое лицо мамы, вернувшегося с фронта брата и родных однополчан, я снова пережила радость Победы. А вскоре наступило еще одно знаменательное событие. Мы перевозили домой демобилизованных ленинградских девчат. Целый день носился по улицам города грузовик, останавливаясь у подъездов домов, где радостными объятиями, веселыми песнями и плясками встречали бывшие девушки-бойцы новую мирную жизнь.

В августе вышел приказ о демобилизации женщин-офицеров, находящихся на политработе. Собрали нас, восьмерых девушек, комсоргов частей Ленинградской армии ПВО в Ольгино под Ленинградом. В наш адрес было сказано много теплых слов, член Военного совета Ленинградского фронта, секретарь обкома и горкома партии А.А. Кузнецов пожелал, чтобы вся наша дальнейшая жизнь была такой же прекрасной, как цветы, которые нам в тот день вручили. Вскоре все мы были рекомендованы на руководящую комсомольскую работу в Ленинграде. С грустью прощалась я с замечательными людьми дорогого мне 72-го Краснознаменного отдельного радиобатальона, всю войну стоявшего на страже ленинградского неба. О нашей части издано две книги, снят документальный фильм, сочинен гимн:

Все зорче, точнее и дальше
Бросают редуты свой взгляд.
Мы знаем, за нашей спиною
Победу кует Ленинград.

Анна ЗАХАРОВА,
2013 год

Ленинградские чайки

О, чайки, черные в час вечерний,
Над темнотою взмывают круче.
Их крылья
Ночи покрыли чернью
Иль черной тенью облили тучи.

И столько килей Неву копает,
И столько килей Нева качает.
А чайки крылья в дыму купают
И чернокрылы птенцы у чаек.

Промчатся слева,
Промчатся справа.
И с чернотою их нету сладу.
У невских чаек на крыльях траур
По всем погибшим тогда, в блокаду.

Борис ДУБРОВИН

Борис Адамович, Казань, 1944 г.

Б.А. АДАМОВИЧ:

В 1942 году четыре советских бомбардировщика вылетели бомбить Берлин

Опера «Наталка Полтавка» по мотивам одноименной пьесы Ивана Котляревского считается классикой украинского оперного искусства. 15-летний Боря Адамович так и не успел посмотреть ее второй акт: 22 июня 1941-го в 11 утра занавес Винницкого театра оперы и балета опустился, а вышедший на сцену человек объявил, что началась война.

Тишина

— Борис Андреевич, зал, наверное, охватила паника?

— Нет. Зрители поднялись и в полной тишине (!) покинули театр. Мы с родителями начали разговаривать, только когда пришли домой. Отец сказал нам с мамой: «Да что вы раскисли? Война все равно будет вестись на чужой территории и продлится недолго!» А 2 июля Винницу уже бомбили...

— Вы тоже надеялись на быструю победу?

— Нет, я сомневался, хотя и был совсем еще мальчишкой. Понимаете, в 1939 году, перед войной, наша армия освобождала Западную Украину от поляков. Войска проходили мимо винницкого сада, в котором мы часто играли. Это была такая серость! Тачанки, подводы, огромное количество лошадей — вся дорога в навозе! Вместо танков какие-то танкетки. Складывалось ощущение, что их броню можно молотком прошибить! Я тогда у отца спросил: «Неужели и за границей такая армия?» Но он ничего не мог мне ответить. Откуда мы знали, что там, на Западе?

Переправа

— Куда Вас эвакуировали во время немецкого наступления?

— Где я только не был: и в Воронеже, и в Мамадыше (на Вятке), и в Казани. Отец, главный бухгалтер спиртотреста, достал машину ЗИС-5, бочку с бензином, 200 литров, и упросил полковника милиции в отставке, пенсионера дядю Васю отвезти нас в Воронеж. Эвакуировались мы с мамой и еще несколько соседских семей — человек двадцать с небольшим, только женщины и дети.

Знаете, сколько добирались? Месяц! В нескольких километрах от Винницы нас остановил офицер: «Неподалеку высадился фашистский десант. Пока не уничтожим, не проедете!» Пришлось останавливаться в лесу. Достали из саквояжей немногочисленные теплые вещи, натянули их на себя и уснули. Всю ночь была стрельба. А наутро дядя Вася обрадовал известием, что десант уничтожен и мы можем двигаться дальше.

Но дальше было не легче! Дороги ужасные, машина старая — у нас через каждые 100 километров выходили из строя колеса. Три пацана из одного дома — я, 15-летний, и двое других, на год младше, — вместе с 70-летним дядей Васей каждую неделю их чинили. Вулканизировать научились...

Кое-как мы все-таки добрались до Днепра. Большинство переправ было уже уничтожено, но в районе города Черкассы, южнее Киева, уцелел деревянный мост почти километровой длины. По нему отступала наша армия с танками, вывозили добро. Днем немцы бомбили мост, он горел — наши его тушили и по ночам восстанавливали. В темноте пропускались автомобили и целый поток подвод. Мы ждали своей очереди почти неделю!

Помню, как подъехали к нам энкавэдэшники: «Ребят, чего вы тут сидите?! Война через пару недель закончится! Давайте мы вас в селе пристроим, будете ожидать победу». Это был 1941 год!

— Не прислушались?

— Несколько человек остались: женщина с грудным ребенком и две девушки. А дядя Вася ответил категорично: «Мне сказано, довезти людей до Воронежа. Значит, поедем». Тогда хотели отобрать машину — «пешком идите»! Дядя Вася вспомнил о колесах и улыбнулся: «Берите, только, ох, и намучаетесь вы с ней!» — и объяснил, что машина на ладан дышит. Может, удивитесь, но наше бедовое транспортное средство нам оставили.

Помню, как подъехали к нам энкавэдэшники: «Ребят, чего вы тут сидите?! Война через пару недель закончится! Давайте мы вас в селе пристроим, будете ожидать победу». Это был 1941 год!

Мы не раз видели, как бомбили мост и как он полыхал. Но удача все-таки улыбнулась. В один из дней бомбежка была несильная, повредило всего две опоры. Мы подождали, пока их подправят, и проскочили!

Немногим позже по этому мосту с 27 нагруженными подводами переправлялся мой отец: он был назначен начальником по вывозу ценностей из Винницы. Там он получил контузию, во время бомбежки погибли несколько его товарищей, а часть подвод утонула. Тогда мы ничего об этом не знали.

Наша команда, прибыв в Воронеж, что называется, дошла до точки, вместе с машиной. Въезжаем в город: бах! — спустило одно колесо. Бах! — спустило второе.

В Воронеже мы задержались ненадолго. Уже было известно, что немцы подойдут к городу, — нас посадили в теплушки и отправили в город Мамадыш. В этих теплушках раньше перевозили скот. Мы спали на нарах, а в качестве подушек использовали пучки соломы. Так ехали еще месяц.

В Мамадыше каждому из нас дали бумажку с адресом. Эвакуированных принимали семьи тех, кто ушел на фронт. И, надо сказать, принимали очень радушно! Мы с мамой жили в семье изобретателя. Он тоже воевал...

Была уже осень, и я пошел в местную школу, в 8-й класс.

Письмо в наркомат

— А занятия во время войны проходили как-то по-иному?

— Мы часто возвращались к фронтовой теме. Например, учитель по литературе каждый урок начинал с того, что рассказывал нам о военных действиях. Как можно было об этом не говорить?

В мамадышской школе я закончил 8-й класс и экстерном сдал экзамены за 9-й. Вкалывать же надо было! Вятка — река лесосплавная. Там, помню, было огромное количество бревен. Эвакуированные вместе с местными их вытаскивали на берег, пилили, складывали. Труд ломовой. Но нас кормили за это! Вот вам в действии поговорка «кто не работает, тот не ест»!

В свободное время я зачитывался технической литературой: в семье изобретателя ее было много. Мое увлечение дошло до того, что я подумал: а не изобрести ли мне новый тип авиационного двигателя?! Было непонятно, как можно стрелять из пулемета на самолете, если впереди винт?!

На встрече одноклассников в Виннице, 1945 г.
Из 28 человек в живых остались 11, остальные погибли в оккупации.
Борис Адамович третий во 2-м ряду

Я думал: какая-то ошибка, и ты сам себя убиваешь! «Изобрел». И отправил письмо в Наркомат авиационной промышленности СССР. И, представляете, мне прислали ответ! Дело было в 1942 году. Начальник бюро по делам изобретений указал на мои технические заблуждения и напоследок написал: «Совет Вам такой: не разбрасываясь, во многом изучить какую-нибудь, по Вашему выбору, область техники. Тогда Вы, несомненно, сможете многое улучшить или даже изобрести новое...» Это письмо я храню до сих пор. Оно для меня, теперь уже профессионального изобретателя, послужило своего рода напутствием...

Из Мамадыша мы с мамой уехали в Казань. Там находился отец, он разузнал, где мы находимся, и послал весточку. В казанской школе я закончил 10-й класс, будучи на год младше остальных выпускников (экзамены за 9-й я же сдал экстерном). Им было по восемнадцать, и почти всех забрали на фронт. Мои приятели Девятов и Зильденштейн погибли. Жаль... Такие толковые парни были...

Меня взяли в Харьковский авиационный институт, эвакуированный в Казань. А зимой пришла повестка. Нас, студентов-первокурсников, отправили в Арзамас и прикрепили к эскадрилье механиками. Мы получили телогрейки ватные, брюки ватные простроченные, валенки, попрощались с родными и уехали. Был 42-й год.

В воинской части нам объяснили: «Ребята, перед вами стоит очень важная задача. Здесь готовятся самолеты для бомбардировки Берлина...» Оказывается, в это время немцы захватили не всю Прибалтику. В Эстонии за нами оставалось два острова, на одном из которых был аэродром. По распоряжению Сталина, это обстоятельство нужно было использовать, чтобы ударить по Берлину: пусть немцы знают, что не так-то просто воевать с нашей страной. До сих пор помню, было направлено четыре бомбардировщика Ту-4Б. Они вместе вылетели, но Берлина достиг только один. Сбросил бомбы, а обратно не вернулся...

Одновременно с этим пришел приказ вернуть нас обратно на учебу. В начале 1943 года, когда Харьков освободили, мой институт уехал, и я перевелся на второй курс Казанского университета. А вскоре уехал в Москву и там уже закончил МАИ. К концу войны нас, студентов, привлекали к переводу захваченной у немцев технической литературы.

— Борис Андреевич, интересно, Вы помните чувства, которые испытывали тогда, в военные годы?

— Да, все помню. И молчаливый зал в винницкой опере, и бесконечные бомбежки моста, и это письмо в наркомат... Такое не забывается!

Елена КОЗИНОВА,
2013 год

Поезд

Дороги немец караулил строго:
где хрустнет ветка — не жалел огня.
Не помню, чтоб железную дорогу
нам видеть довелось при свете дня.

И, пробираясь к ней в кустах по пояс,
усвоили мы твердо, как закон,
в чем разница меж старым словом —
поезд
и новыми — фашистский эшелон.

Усвоили, в щебенке яму вырыв
и тол закладывая глубоко,
что если поезда — для пассажиров,
то эшелоны — для подрывников.

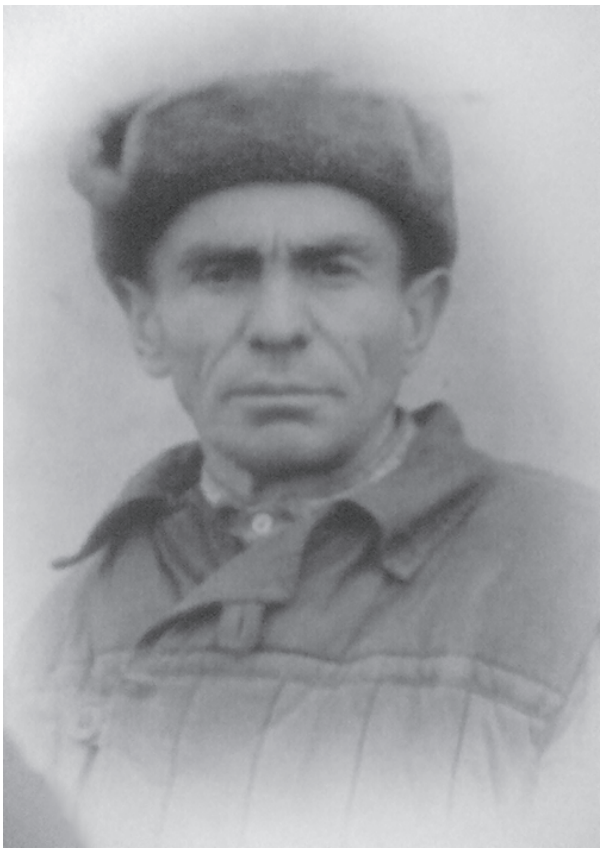
Усвоили. И вот гремят с откоса
и, превращаясь на лету в гробы
и поднимая в ужасе колеса,
становятся вагоны на дыбы.

Да, эшелоны — это ночью каждой
рывок шнура, и эхо до высот.

Но кто же не мечтал, что он однажды
нажмет кривую ручку и войдет
туда, где о делах необычайных
клубится полусонный разговор,
где пар из носика пускает чайник,
со щипчиками ходит ревизор?..

И это будет поезд.
На вокзале
ты ловко спрыгнешь, придержав слова,
как диски, чтобы вдруг не забренчали,
и только сердцем вымолвишь:
«Москва!»

Марк МАКСИМОВ

Алексей Слизов

А.Т. СЛИЗОВ:

Под Ржевом немец построил такую оборону — не подлезешь

Боевая жизнь Алексея Слизова больше напоминает сюжет фильма: столько в ней перипетий и ярких событий. Разведчик под Ржевом, пехотинец под Зубцовым, наводчик орудия в Каунасе, этот человек несколько раз был ранен и добровольно отказался от отпуска ради того, чтобы отправиться на фронт.

Начало пути

— Алексей Тимофеевич, как оказалось, что по документам Вы Николай?

— Я родился в семье простого крестьянина, помимо меня в семье было еще три брата. Младшего как раз и звали Николаем. В 1927 году многие в нашем селе погорели, и у некоторых не осталось документов. Уже позже паспорта восстановили. Да только меня по записям так и не нашли и сказали: «Берите Николая, какая разница». Ну я и взял. Думал, что потом переделаю, но все не до того было. С таким двойным именем я и в Москву отправился связистом. Проработал там недолго в Мытищинском районе, а тут уже и война. Прямо оттуда я на фронт и попал. Помню, хотели хоть что-то купить в столице с собой, ведь ни кружки, ни ложки, ни припасов. А очереди везде огромные. В одном магазине, правда, все же насыпали сушек полный пакет. Так и отправились. Уже в ноябре 41-го я стал разведчиком, прослужил им пять месяцев.

— Что помешало служить дальше?

— Ранение. Тогда под Ржевом немец построил такую оборону — не подлезешь. Проволока натянута в три ряда, на ней банки, чуть заденешь — все звенит на километр. Еще и заминировано. Мы каждую ночь ходили, и не получалось.

21 мая я ходил в разведку. А порядок такой: кто был в один день, на следующий может отдыхать. Ну я и сижу ночью, болтаю с сапожником. Увидел это комиссар разведки, сначала спросил, почему не на задании, а потом решил найти мне занятие поинтереснее. Дал пистолет, велел его почистить, прострелять, а самого комиссара через час

разбудить. В четыре утра я, как было велено, его поднял.

И двинулись мы к линии обороны. Уже были собраны отдельная разведрота и две полковые, взяли еще артиллерию, саперов. Оно ведь как обычно бывает: темнеет, и фашисты ракеты пускают свои, мол, и не сунься. А тут тишина такая, что аж в ушах звенит. Мы проволоку порезали, и вперед отправилась группа захвата. Начали взрываться мины, фашистские пулеметы застрочили перекрестным огнем. Все легли на землю. Но по плану предстояло еще наступление. Связь была тут же, и комиссар разведки позвонил командиру дивизии, доложил, что имеет большие потери. Тот в ответ: «Ничего, продолжай». Что делать, мы и продолжили. Вытащили раненых, мне достался автомат одного из убитых. Теперь уже пополз я, двигаюсь и думаю: так я до цели и к обеду не доползу. Вскочил и побежал. Тут же пули засвистели мне навстречу. Падая, соображаю — есть ли моя среди них. Одна и попалась, но не смертельно, как видите, — прошла навылет через правое бедро. А комиссару, который приподнялся посмотреть, пуля попала в висок. Рядом лежал убитый телефонист. Так что я еще неплохо отделался. В госпитале около месяца пролежал и снова на фронт.

— Куда же на этот раз?

— Я попал в пехоту ровно на девять дней. Это под Зубцовым, на Волге. Ох и непросто там пришлось! Наступление идет, мы бумажки с именами-фамилиями в карманчик вложим — и пошли. Поначалу практически никаких средств кроме простой винтовки против немцев у нас не было. Но мы боролись как могли. Из батальона в живых осталось лишь двадцать человек. Вот командир и поставил задачу: ночью дойти до оврага и на другой его стороне окопаться. Меня же оставил. Может, пожалел парнишку: знает, что связных снайперы так и щелкают. А может, и для чего другого я мог сгодиться. Несколько

Поначалу практически никаких средств кроме простой винтовки против немцев у нас не было. Но мы боролись как могли. Из батальона в живых осталось лишь двадцать человек.

часов нам удалось поспать. Дальше я получил задание отправиться к нашему батальону, узнать, как у них обстановка. Место незнакомое, везде бурьян, хорошо хоть немецкие ракеты пролетают и света дают самую малость. До самого дна оврага я спустился, зачерпнул водицы из ручья. А в какую сторону двигаться — не знаю. Дай, думаю, направо полезу. Пополз, а мне камни навстречу катятся. Вижу, солдатик копает, ну я его за ногу и схватил, в шутку. Обрадовались все в батальоне, докладывают, что живы.

Вернулся я, доложил. А вместе со мной одного старшего лейтенанта посылают, только из училища, весь с иголочки одетый, он должен был взять на себя командование двадцатью людьми. Пошли мы, в общем.

По темноте хорошо идти, немец не видит, есть возможность проскользнуть, да только лейтенант мой не торопится. То закурит, то поговорить сядет. А мне некогда, я автомат на плечо забросил и вперед рывком. И он за мной. Только светать уж начало, и фашист навострился. Пули полетели, так мы оба и упали под углом друг к другу. Очередная «моя» пуля прошла через челюсть, подсекла мне корень языка, и кровь хлынула в каску. Я то терял сознание, то снова приходил в себя. Думаю, не дай Бог, шевельнусь, а немец добьет. На лейтенанта глянул, а у него из ушей и рта кровь идет. Спас наш самолет. Пока он обстреливал, я выбрался из оврага. Шел, как в бреду. Кое-как добрел до поста, там солдатик дежуривший помог, перемотал меня. Вижу, сам с винтовкой и на мой автомат смотрит: «Дай мне, брат, свой автомат, тебе все равно в госпиталь». Отчего ж не дать, дал. Кое-как до санпункта добрался, там мне рану еще обработали, но в госпиталь все же назначили. А до него ведь еще добраться надо. Дали мне одного сопровождающего до машины санитарной.

— И все это время Вы на ногах с таким ранением?!

— А то как же?! Идем мы вдоль Волги, а жара стоит, пить хочется. Смотрю, на берегу кружка немецкая валяется. Попросил я своего товарища водицы зачерпнуть, наклонился с кружкой этой к воде, а с другого берега пулеметная очередь прямо рядышком с нами прошла. Еще бы чуть-чуть, и по нам. Вот и попили! Бросили все, да за кустами скрылись.

Дошли. Направили меня в Калининский госпиталь. С недельку я там полежал, потом решили меня перевести в специальное отделение, челюстное,

а оно в Уфе. Туда я на поезде добирался. И вот ведь какой случай, еду я и вижу лицо знакомое перед собой, кто — никак не признаю. А мужик, веселый такой, пошел вперед, ну и я за ним. Так это ведь тот самый старший лейтенант оказался! На фронте-то унылый был, а тут песни поет. Заговорил я с ним, тоже раненым, но он промолчал в ответ, так ничего и не ответил. Ну да Бог с ним.

В Уфу доехал благополучно, там мне шину наложили на зубы. Пищу полагалось специальную есть около месяца, а сама челюсть еще три месяца заживать должна была. Спасибо врачам, сделали все отменно. Одна из сестер, Ася Ивановна, раз прибежала к нам с радостной вестью: отпуск мне дали на несколько месяцев. А я и не рад. К кому мне идти в родном селе? Мои родители умерли еще до войны, нас осталось три брата. Одного убили под Ленинградом, другой воюет. Сноху же обокрали, и она к своей родне ушла жить. Отказался я, не поехал. А тогда прямо из госпиталя набирали в Астраханское военно-пехотное училище, эвакуировавшееся в город Бузулук Чкаловской области. Набрали двадцать человек, но у одного из них поднялась температура и вместо него взяли меня. Я мог бы и не ходить, но решил — пускай, куда кривая вывезет.

Об учебе и о фронте

В училище порядок строгий, везде бегом и нигде не успеваешь. Постоянно ночные занятия, тревоги. Да и челюсть моя не давала мне быстро есть. Ходил я голодный и однажды не выдержал. После команды старшины все же остался с тарелкой сидеть. Он мне тут же: «А тебя приказы не касаются?» Попытался я ему объяснить, что из-за ранения не могу есть быстро, но он мою тарелку забрал и в раздаточную отнес. И, конечно, два наряда вне очереди дал. Ну я не робкого десятка, говорю: «Ты не жалей, давай больше!» Он мне четыре назначил. Позже я подошел в особый отдел, понимал: правда на моей стороне. Узнали об этом и мои товарищи, пригрозили тогда старшине, что, как получат оружие, первая пуля будет его. Обошлось, конечно.

Учились мы уже четыре месяца, до общего войскового командира оставалось еще два. Но училище мы так и не закончили. В одно из воскресений нас построили и направили в ближайший Дом культуры для прохождения медкомиссии:

кого на фронт, а кого оставить. Мое здоровье было полностью в порядке за исключением речи, но по заверениям врачей и она постепенно должна была восстановиться. В одном из кабинетов сидел генерал-лейтенант, необходимо было пройти и через него. Около кабинета стоял солдатик, всем объяснял, как заходить правильно. Спрашиваю у него, что же мне с голосом делать? А он мне руку свою показывает, которая не разгибается, и спрашивает: «Хочешь офицером быть?» — «Естественно, — киваю, — да только вот речь...» «Будет», — заверил он. Прошла медкомиссия, всех почти распределили, а меня на карантине оставили — и ни туда, и ни сюда. Ждать теперь до пятницы нового решения. А там уже объявили, мол, не повезло вам: все воевать пойдете.

— Как Вы это восприняли?

— Да мы с удовольствием туда отправились. Ну и закричали хором: «Ур-ра! На фронт!» Попали в отдельный противотанковый истребительный дивизион, и тут снова пошла жизнь. Теперь уже в рядах 63-й стрелковой дивизии, в отдельном противотанковом истребительном дивизионе. Стал я наводчиком 76-миллиметрового орудия. Мы освобождали Польшу, Латвию, Литву, воевали в Витебске, Ельне, Каунасе, форсировали Неман, добрались до Кенигсберга. Не дошли до Берлина каких-то километров двадцать.

Мы были в головном отряде наступающих, он идет впереди всех и с рациями для ориентировки. Как-то раз мы вышли на дорогу, а мимо наши же, ну и предупредили, что впереди немецкий обоз идти собирается. Мы это дело смекнули, спрятались в кустарничке, дождались подкрепления и залегли. А по дороге уже бронетранспортер едет, задержали его, семерых человек, сидевших в нем, конвоировали, а одного капитан оставил. «Залезай, — говорит, — внутрь, показывай, как стрелять надо». Залезли они, а следом еще один бронетранспортер катит. Капитан башню развернул и дал очередью по моторной части. Дальше сам обоз показался, подвод пятьдесят. Справились и с ними, повозки сцепили и погнали в свою часть.

О везении и о наградах

— А за что Вы получили свою Красную Звезду?

— Нам была поставлена задача захватить железную дорогу. Все получилось внезапно, мы ехали на машине и, доехав до путей, увидели множество

немцев. Шофер-узбек резко разворачивается — и назад. Как он только смог, на путях-то! Приезжаем, в спешке докладываем: «Товарищ комбат, там...» Пехота немцев настигала нас. Наше подкрепление шло очень медленно. Откуда Бог послал советские танки — не знаю. Один танк дал залп прямо в центр фашистской пехоты. Выжившие немецкие солдаты попрятались в кювете. Второй танк проехал прямо по этому кювету...

Одного человека было необходимо отправить к боевому орудию. Комбат Дергач оглянулся: «Слизов, вперед!», сам залез на сарай и занял наблюдательную позицию. Я побежал что есть мочи, к орудию кое-как подтащили снаряды, окапываюсь, а сверху крик слышу: «Слизов, чего не бьешь?!» — «Сейчас, товарищ комбат!» А он в ответ: «Налево посмотри!» Глянул, а там немцы уже подбираются, девять танков, ну я тут не растерялся. Только клочья летели, и я не успевал снаряды закладывать.

Капитан Дергач тем временем уследил в бинокль, как немцы снуют около маленького белого домика в чаще леса. Я практически уже навел прицел, но через несколько секунд в паре метров от меня разорвался снаряд. Его осколки раздробили мне левую пятку. Комбат среагировал молниеносно — меня затащили в сарай, разрезали сапог. А я только бормочу: «Живой останусь, вспоминать вас буду». В машине жгут мне наложили неправильно, я потерял много крови. Прямо с сиденья меня отправили на операционный стол — и под наркоз.

Проснулся я только утром, все лежат рядами, около меня лейтенант какой-то тоже после операции, курит. И мне курить захотелось, я рот открыл попросить, да чувствую, что язык во рту не помещается. «Лейтенант, чего со мной такое?» — спрашиваю. А он мне в ответ, что я счастливчик, еще бы чуток — и поминай как звали. Дело в том, что во время операции мне дали двойной наркоз, пока лежал, случилось западение языка, его прокалывали булавкой, возвращали меня к жизни.

Слушаю я все это и вижу, как мимо комбат вместе с командиром дивизиона идут. У самих лица все перевязаны, руки подвязаны, а идут, шутят. Увидели меня, обрадовались, предложили с ними на машине ехать до госпиталя. Да куда мне, лежачему! Они мне: «Слизов, за стойкость к ордену Отечественной войны

I степени тебя представим». А получилось, видишь как, — Звезда. У меня есть и медали «За отвагу». Говорят, простому рядовому орден такой не положен, а там кто его знает.

— На этом Ваш боевой путь закончился?

— Пять раз после этого я ходил в контратаки. А за девять дней до конца войны вернулся в родное село. Там и праздновал День Победы. Сейчас его отмечают с размахом: салюты, парады... А тогда что, собрались с односельчанами, посидели, порадовались, повспоминали. И то хорошо!

Екатерина КУРМЫШЕВА,
2011 год

Бой

Навзничь рухнули ели
В ночном перелеске,
Наш окоп
Придавила сосна.
К опаленной шинели
Погон офицерский
Не успел прикрепить старшина.
Даже лычки нашить
Не успели солдаты,
Не успели поесть и поспать;
Углубляли окопы,
Считали гранаты
И штыки примыкали опять.
Бой в полночных окопах
Прерывист и краток,
Каска сорвана прочь — с головой...
Снова взрыв! —
И медаль отлетела куда-то
И смешалась с горящей травой.
Полыхала сосна,
И над мокрой корою
Штык невытертый
Вновь нависал,
Кто-то, раненный в правую,
Левой рукою,
Размахнувшись, гранату бросал.

Борис ДУБРОВИН

Дмитрий Кудрявцев

Д.И. КУДРЯВЦЕВ:
Наш расчет был на то, что румыны примут «ишачки» за свои

Дмитрий Кудрявцев родился в 1919 году. В 1939-м был призван в Красную Армию. Отважный солдат, не раз глядевший смерти в лицо. Невероятно скромный, наверное, как и все по-настоящему незаменимые специалисты. Во время войны обеспечил более 150 безаварийных боевых вылетов!

Эксперименты

— Дмитрий Иванович, Вы были призваны в армию до начала войны. А где служили?

— В 1939 году меня призвали служить в 32-й истребительный полк авиации Черноморского флота, я там был механиком-мотористом на истребителе И-16. Наш полк базировался на аэродроме в Евпатории.

— Получается, в первый день войны Вы были в строю?

— Да... Перед войной на флоте были проведены учения с боевыми стрельбами, все самолеты имели полный боекомплект, поэтому 22 июня 41-го все налеты немцев были отбиты авиацией и зенитной артиллерией. Враг значительные потери понес в тот день...

Мы, механики, ложились на крыло ТБ-3 и в нужный момент отстегивали истребители, а сами с парашютами прыгали в море.

Но на фронт я, можно сказать, добровольцем пошел. Я слесарем-механиком в экспериментальном цеху оборонного НИИ работал и был очень ценным специалистом.

— А чем Ваш институт занимался?

— Он разрабатывал системы управления, в частности, систему управления огнем на огнеметных танках. Эти танки обеспечили прорыв «линии Маннергейма» в Финской войне. На базе нашего полка проводились различные опытно-экспериментальные работы.

— Какие, например?

— Интересно проводились работы по программе «Звено СПБ». Под бомбардировщик ТБ-3 подвешивались истребители с бомбами. Тихоходный

«носитель» не входил в зону действия вражеских ПВО, но в то же время производилась бомбежка. Мы, механики, ложились на крыло ТБ-3 и в нужный момент отстегивали истребители, а сами с парашютами прыгали в море. Нас там катера подбирали.

Механики вместо стрелков

— Дмитрий Иванович, в судьбе всякого солдата есть моменты, которые он никогда не забудет. Что навсегда врезалось в память Вам?

— Дело было в начале августа 41-го... Командование поставило перед нами непростую задачу — уничтожить стратегически важный объект в Румынии — Черноводский мост через Дунай, по которому шла на восток гитлеровская техника. Бомбардировщики Ил-4 пытались выполнить эту задачу, но несли чудовищные потери. Бывали дни, когда домой вообще ни один самолет не возвращался. Те же, что все-таки добирались до родного аэродрома, были сплошь в дырах. Слишком плотно были натыканы у моста вражеские батареи, они целиком перекрывали воздух, не подпуская к мосту никого. Тут наше «изобретение» и пригодилось.

Дело в том, что сам бомбардировщик тихоходен — его немецкие зенитки в раз подстрелили бы. А вот «ишачки»... Каждый истребитель взял с собой по две 250-килограммовые бомбы — итого по полтонны на нос. Вполне приличный бомбовый запас. Стрелков же на ТБ-3 заменили механиками.

У моего товарища была задача отстреливаться от врага. Я же должен был в нужный момент, если не сработает замок и машина застрянет, выползти на плоскость летящего бомбардировщика и расстегнуть этот замок вручную. Наш расчет был еще и на то, что румыны примут «ишачки» за свои — у них тоже были И-16, Советский Союз когда-то продал несколько машин королю Михаю. Так оно и получилось. Зенитные батареи пропустили истребителей аж к самому мосту, да и мне ползти по крылу не пришлось. Операция была проведена успешно. Но есть в ней и то, о чем нельзя рассказывать даже сейчас, — военная тайна! Кстати, и список экипажей, летавших на бомбежку, не опубликован до нынешней поры.

Горный аэродром

— Что же было потом?

— Потом была оборона Севастополя. 250 дней. Отправив самолеты в боевой вылет с последнего действующего аэро-

дрома в Херсонесе, технический персонал был эвакуирован морем на Кавказ. В дорогу нам дали по бутылке спирта и никаких продуктов, но взаимовыручка с экипажем корабля помогла нам выдержать этот переход. Самолеты, выполнив штурм противника, отправились следом.

Моряки нас высадили на берегу, до аэродрома же мы добирались на своих двоих — этот «транспорт» никогда не подводил.

— Аэродром на Кавказе — где же это? Что происходило там?

— Недалеко от Сухуми, в горном ущелье. Очень хорошее укрытие — немцы много раз пробовали до нас добраться, но не могли — слишком узкая щель, хорошо прикрытая скалами, сколько ни бросали бомбы, никак не попадали — все время промахивались.

— Значит, Вам, можно сказать, повезло?

— Можно и так сказать, но повезло не совсем в этом. Немцы, поняв, что их атаки бесполезны, решили применить так называемые шаровые — круглые — бомбы, которые, угодив на склон ущелья, могли скатиться вниз, прямо на аэродромное поле. Это было опасное оружие. Новинка. Так однажды нас и накрыли. Я успел прыгнуть с берега в реку и уцелел, а вот товарищ мой спрятался за ящиками, в которых на аэродром привозили разобранные самолеты, и погиб. Так я потерял близкого друга... Это война. На ней убивают.

«Так я от смерти ушел»

— А в каких сражениях Вы еще участвовали?

— Когда на Волге шли тяжелые бои, мы с моим товарищем Алексеем Семченко подали рапорты о переводе в морскую пехоту. Все понимали, что Сталинград надо удержать любой ценой. И мы рвались туда.

— Удовлетворили ваши рапорты?

— Частично. Лешку отправили на фронт, у него тогда уже машины не было, сбили. А меня оставили, командир отчитал еще, мол, ты чего, Кудрявцев, хочешь оставить машину без механика? Сиди и работай. Так я в очередной раз от смерти ушел. А Леша погиб. Он ведь, как и я, механиком был, мы с ним все пополам делили... Что еще рассказать, я даже не знаю.

— Но это же только середина войны, а дальше что с Вами было?

— Дальше рассказывать-то нечего, нудно все, пахотно и негероично. В авиацию флота стали приходить американские истребители «Аэрокобра». Это были технически сложные машины с множеством приборов

и с точками управления на каждый вид оружия. Такая нагроможденность невероятно отвлекала внимание от поля боя. При перегрузках дверцу в кабине заклинивало и, в случае аварии, катапультироваться пилоту было невозможно. Поэтому квалифицированных механиков переводили на созданные прифронтовые авиаремонтные предприятия, на которых переделывали и ремонтировали самолеты. И меня перевели. В полках оставили только обслуживание и мелкий ремонт.

Демобилизовался в 1946 году. Тогда я сразу обратил внимание на очень красивую девушку — командира отделения медико-санитарной роты — и в скором времени предложил ей руку и сердце. Она согласилась.

***

После войны Дмитрий Иванович понял, что не жить ему без неба, без космоса, и пошел работать в НИИ приборостроения. Когда он уезжал в командировку, дома безошибочно определяли: завтра или послезавтра будет запущен очередной искусственный спутник Земли. Так оно и было. Знал почти всех знаменитых космонавтов, чем очень гордится, со многими играл в волейбол на Байконуре. Космонавты же, уходя в полет, брали с собой кассеты с его записями: Кудрявцев хорошо играл на гитаре и отлично пел.

Но об этом рассказал уже его сын Сергей, сам Дмитрий Иванович вспоминать про «космическую цыганщину» не захотел. Он проработал в НИИ до девяноста лет! Лишь совсем недавно вышел на пенсию.

Ольга БЕЛОБОРОДОВА,
2011 год

Перед броском

Длинный путь расселинами гор
Позади... И вот оно — начало:
Краткая команда прозвучала,
Словно закрываемый затвор.

И к земле доверчиво прильнули
И припали к выступу горы
Люди, молчаливые, как пули,
Что зажаты в дисках до поры.

Борис ДУБРОВИН

Марк Максимов

М.Д. МАКСИМОВ:

Блокаду прорвали на крике

Когда в первых боях 41-го политрук конной разведки Марк Максимов потерял лучшего друга, он сказал себе: «Это я убит. Ничего страшнее уже не случится». Эта мысль зомбировала, помогая смириться с тем, что война заменила жизнь...

Марк Давыдович скончался в 1986 году. Он был известным поэтом и журналистом. О его фронтовой юности нам рассказал сын, телеведущий и писатель Андрей Максимов.

«И воюют, и творят»

— Андрей Маркович, летом 41-го Ваш отец получил контузию и был захвачен немцами. Заключение в лагере для военнопленных не принесло проблем с советской властью?

— Он пробыл там совсем недолго. Удивительно, как его не расстреляли: ведь мой отец был евреем и комиссаром. Видимо, в начале войны немцы настолько были уверены в блицкриге, что не посчитали это необходимостью. Он бежал. И очень скоро присоединился к партизанскому соединению имени «Тринадцати» под командованием будущего Героя Советского Союза Сергея Гришина. Отряд этот заслуживает отдельного рассказа.

Когда отец находился в лагере, красноармейцы с самолетов сбрасывали листовки с призывом организовывать партизанские движения в оккупированных районах (это происходило на Украине). Местный учитель Сергей Владимирович Гришин и четыре его односельчанина с тремя винтовками ушли в леса. Постепенно к их отряду присоединялись новые сопротивленцы, и к концу войны это было многотысячное партизанское соединение! Мой отец примкнул к ним в 1942 году.

Гришин оказался умнейшим руководителем! Представьте себе, что во время войны ему удалось завести печати и задокументировать каждый шаг партизан своего соединения! Так, на любую претензию советской власти после войны отец предъявлял бумагу о своем пребывании в отряде Гришина и любых действиях в нем.

— Как получилось, что Марк Давыдович сменил фамилию?

— Если немцы устанавливали личность «лесного бойца», то убивали всех его родственников. Поэтому партизаны имели клички — так их сложней было опознать. Отец (его фамилия была Липович) называл себя Максим. А фронтовые стихи подписывал — Максимов. После войны этот псевдоним стал его фамилией.

Поразительно, но партизаны гришинского соединения издавали собственную многотиражную газету! Она называлась «Смерть врагам!». И редактором ее был Марк Максимов. Две, а иногда и четыре полосы заполнялись описанием налетов, побед и потерь, военными рассказами и стихотворениями, тщательно проверенными партизанским «военным цензором» — комиссаром Стрелковым. Газету распространяли по деревням, что приводило немцев в жуткое бешенство. Значит, все в порядке у советских партизан: и воюют, и творят!

Отец рассказывал мне, что газета появилась после того, как они отбили немецкий обоз с походной типографией. Там была латинская раскладка, и какой-то умелец переделал ее под русский набор...

Целая жизнь

— Он что-нибудь рассказывал Вам про бои, про налеты?

— Довольно много. Но самое поразительное — это рассказ о Бовкинской блокаде, в которой оказалось соединение Гришина в октябре 43-го. Наступление советских войск на территории Белоруссии задерживалось. И немецкая 25-тысячная группировка обрушилась на пять тысяч партизан, засевших в Городецком урочище, в междуречье Днепра и Прони. Против немецких орудий у них были только стрелковое оружие и гранаты. Отец говорил, что ночью они даже не могли зажечь костер, — засекут. Запасы продовольствия подошли к концу, приходилось есть сырое мясо. Он зарезал своего коня, а съесть так и не смог.

Жутко было, страшно... Блокаду прорвали на крике. Партизаны с криком «ура!» бросились на врага и пробили окружение. Немцы подумали, что это советские войска все-таки начали наступление и запаниковали. А паника, как известно, мешает успеху.

Много лет спустя я, еще совсем мальчишка, увидел папины военные дневники. Там было несколько страниц, жирно заштрихованных ручкой.

На мой вопрос, что в них, мама ответила: «Любовь отца с цыганкой». Это была красивая история.

На смоленских просторах в одну сторону двигался партизанский отряд, а в другую — цыганский табор, и они встретились. С одной стороны — измотанные войной, но сильные молодые мужчины, с другой — страстные и красивые цыганские женщины. Казалось, должны были начаться настоящие вакханалии, а начинались романы. За две недели между ними происходило все то, на что в мирное время понадобились бы годы: они любили друг друга, ругались, ссорились и расставались навсегда. Мой отец тоже полюбил цыганку. Когда пришло время сниматься с места, Гришин сказал: «Все, кто хочет, могут присоединиться к нам! Но командир здесь я!» А цыгане не умеют никому подчиняться, кроме своего вожака. Они продолжили свой самостоятельный путь, а партизаны — свой. Отец очень тогда переживал!

— Во время войны Марку Максимову было всего двадцать с небольшим. А фронтовые стихи у него такие глубокие...

— Раньше на стене в его кабинете висели две фотографии — он до войны и он после. Знаете, это два разных человека. Хотя между снимками прошло лишь четыре года. Каждый день стоя на пороге гибели, конечно, он пережил серьезные внутренние перемены. Но о смертях отец не рассказывал мне никогда.

На смоленских просторах в одну сторону двигался партизанский отряд, а в другую — цыганский табор, и они встретились. С одной стороны — измотанные войной, но сильные молодые мужчины, с другой — страстные и красивые цыганские женщины.

— Как Вы думаете, это из воспитательных целей? Или просто не любил вспоминать?

— Все мое детство прошло рядом с однополчанами отца и поэтами-фронтовиками, с которыми он общался. И никто из них никогда не рассказывал про то, как кого-то убивал. Никогда. Наверное, потому, что война — это целая жизнь, а не история про убийство.

Елена КОЗИНОВА,
2013 год

Листовка

Кто был одинок, но не весною,
заскучав по девичьим плечам;
кто мое — голодное, лесное —
волчье одиночество встречал,

тот поймет, как бесконечны сутки,
если не с кем в сосняке глухом
поделиться дымом самокрутки
и щепоткой соли. И стихом...
Только стужа!
Только горечь в горле...

Только залетит наискосок
маленький клочок отчизны орлей —
мелкоиспечатанный листок.

И опять я верю — час настанет:
там, где снег занес друзей моих,
врежут колею аэросани...
И друзьям прочту я этот стих!

Марк МАКСИМОВ

Александр Анисимов, 1940 г.

А.И. АНИСИМОВ:

От боли в глазах меркнет, а идти надо

Александр Анисимов ушел на фронт, как и многие тогда, добровольцем. В июле 41-го ему исполнилось девятнадцать. И кто тогда мог знать, что этот парень-весельчак всего через пару месяцев пройдет по брусчатке Красной площади, перед тем как начать свой героический путь в составе легендарного партизанского отряда «Боевой». А спустя несколько лет его грудь будут украшать медали «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» I и II степени, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», орден Отечественной войны. А еще через 67 лет он скромно расскажет об этом нам.

«Сюрпризы» для фашистов

— Александр Иванович, каким Вы встретили войну?

— Я в молодости чем только не занимался: боксом, футболом, бегом, городками, лыжами, стрельбой. Именно это и помогло мне в начале войны попасть в элитную войсковую часть, которая вела разведывательно-диверсионную деятельность в тылу врага, — отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) войск НКВД.

— Как я понимаю, отбор был серьезным, и попасть туда было непросто?

— Формирование нашей бригады началось в первые месяцы войны. В нее набирали лучших спортсменов, наиболее подготовленных добровольцев-москвичей, а также политических эмигрантов, членов Коминтерна, находившихся в то время в нашей стране. Подразделения ОМСБОНа практически сразу начали напряженные занятия: мы изучали минно-взрывное дело, тактику ведения боевых действий в особых условиях и, конечно, усиленно совершенствовали физическую подготовку. Тренировались постоянно. Например, каждый день проходили на лыжах через весь город в Сокольники и там на специальном отрезке железнодорожного полотна учились закладывать заряды и подрывать их.

— А когда Вы начали применять свои знания на практике, в условиях войны?

— До 16 октября мы пробыли в подмосковных лагерях, где минировали подступы к столице. В районе Химок на поставленных нами «сюрпризах» позже подорвалось семь или восемь фашистских танков. Немец тогда подобрался очень близко к Москве, гораздо ближе сорока километров, на которых сейчас упорно настаивают отдельные историки. И вот, когда фашистские войска приблизились вплотную к Москве, нам стали поручать важные задачи по обороне города.

— Могли бы Вы вспомнить об одном из таких заданий?

— Как-то утром мы получили приказ заминировать мост, чтобы остановить продвижение немцев. А по нему как раз в это время прогоняли скот, чтобы обеспечить жителей столицы продовольствием. Мы еле успели установить мины, пока шло стадо. Вражеские танки были уже совсем рядом, я их хорошо разглядел. Некоторые из них были желтого цвета — их перебросили из Африки и еще не успели перекрасить. Свою задачу мы выполнили.

— Это Вы участвовали в обороне подступов к Москве. А как спецназовцы действовали в самом городе?

— В самой столице мы занимались патрулированием улиц, выявляли различные нарушения светомаскировки, дежурили в канализационных люках, обложившись бутылками с зажигательной смесью; отлавливали дезертиров и мародеров. У нас был жесткий приказ — расстреливать всех грабителей без исключения на месте. Но мы, задержав, переправляли их в милицию. Во всяком случае, на мне крови нет. Готовились также к боям в условиях города. Каждому из нас назначили позицию, которую предстояло оборонять в одиночку, с винтовкой и гранатами. Как сейчас помню, мне дали точку в здании на Пушкинской площади, в одной из квартир на втором этаже. К счастью, фашисты так и не прорвались в город, и как только ситуация вокруг Москвы стабилизировалась, нас вновь собрали для дальнейших тренировок.

По партизанским рейдам

— Александр Иванович, у Вас наверняка было много друзей-спортсменов. С кем-нибудь из них Вы потом пересекались?

— Я жил в одном доме, только на разных этажах, с

боксером-тяжеловесом Николаем Королевым, впоследствии знаменитым партизаном. Вот как раз с ним в одном строю мы и прошагали 7 ноября по брусчатке Красной площади. Из известных спортсменов среди нас еще был неоднократный чемпион страны по бегу Владимир Казанцев.

— Расскажите, пожалуйста, о параде 7 ноября.

— Подняли нас тогда рано, часа в четыре. Погода стояла паршивая. Мокрый снег, ветер в лицо. А мы в легких шинелишках, яловых сапогах, правда, в зимних шапках-ушанках. За плечами вещмешки с запасами продуктов на десять дней, гранат и патронов. Винтовки нам выдали новые — десятизарядные СВТ, но в мороз они себя плохо проявили, система Мосина оказалась гораздо надежнее. После завтрака нас построили. И только тогда сказали, что идем на парад. Приказали подогнать амуницию. Так, в полной боевой экипировке и двинули к месту сбора. По пути, около Большого театра, подобрали сослуживцев. Так и сформировался наш сводный полк.

— Что у Вас осталось в памяти от самого парада?

— Да немного, честно говоря. Что там разглядишь при темпе 120 шагов в минуту с равнением строго направо! Сплошная пелена кругом. Думаешь только об одном — как не потерять равнение и не сбиться с темпа. На Мавзолее вроде угадывалась фигура Сталина в шинели. Или мы теперь это додумываем. Позже мне приписали в одном издании такой афоризм: «Для меня парад был истинным вдохновением. Показалось, что час мужества пробил». Может, так оно и было.

Сейчас вот кое-где пишут, что нам опасались доверить боезапас, что мы шли с холостыми патронами, тренировочными гранатами и прочее. Чушь полная. Мне врать ни к чему. У нас было по двести патронов на брата. По четыре гранаты на поясе — две противотанковые и две РГД. Разумеется, запалы к ним хранились отдельно, как и положено по инструкции. Иначе до беды недалеко. А танкисты, так те после парада сразу прямым ходом двинули на передовую.

Окоченели мы прилично. В принципе, было чем согреться: нам на пятерых выдали по фляжке спирта — пол-литра как-никак. Но я тогда не пил, не курил. Обошлись без спиртного. И никто всерьез не заболел, что удивительно. Потом вернулись в

казармы и стали готовиться к боевым заданиям. День-два — и по партизанским рейдам.

— Как Вы оказались за линией фронта?

— После обучения всех нас разбили на небольшие отряды для выполнения боевых задач. Так сформировались «Неуловимые» и «Боевой» — первые легионеры ОМСБОНа. Я попал в отряд «Боевой» численностью 44 человека. Задача была сформулирована четко: проход через линию фронта на территорию Белоруссии и проведение диверсионно-разведывательных и пропагандистских мероприятий. 23 февраля 1942 года нас на машинах вывезли из города. Помню, когда мы один за другим грузились на полуторки, с родными все прощались накоротке. Моя мать тогда стояла поодаль за решетчатым забором и искала меня глазами. Но подойти к ней у меня не было сил...

По дороге, в машинах, мы проверяли связь, продолжали готовиться. В общем, использовали с толком любую свободную минуту, ведь все понимали, что в тылу противника нас ждут суровые испытания. Приехали мы в Осташково, стали ждать «окно», чтобы пройти через линию фронта. И вот однажды ночью приказ — выдвигаться. В одну секунду собрались, надели лыжи, взяли заранее уложенные волокуши: в одной — продовольствие, в другой — боеприпасы. Впереди шли заслуженные мастера спорта Иванов и Андреев, а мы, молодежь, сзади. Я следы нашей лыжни заметал и прикрывал товарищей заодно. Наконец, в глухом лесу под Витебском мы разбили лагерь.

«Так немудрено и жизни лишиться»

— А сохранились ли у Вас какие-либо данные о действиях вашего подразделения за годы войны?

— За время пребывания партизан «Боевого» в тылу врага мы успели пустить под откос больше ста вражеских эшелонов, уничтожить около тысячи вагонов, захватить в плен свыше двух тысяч фашистов.

— Вы помните свой первый бой?

— Первый бой наш отряд принял после лыжного перехода линии фронта в феврале 42-го в небольшом, из двух хат, хуторке. Только отогрелись и расположились ко сну, и вдруг стрельба. Заявилась группа немцев и полицаев за хуторской горилкой, видимо, погулять надумали, да нарвались

на охранение. В перестрелке с ними ранило Хартулари — начальника разведки отряда. Это была первая наша потеря. Его положили на волокушу и — быстро в лес. Меня командир оставил для прикрытия. Я выбрал хорошую позицию, замаскировался в снегу, обложился боеприпасами и приготовился к длительному бою. Однако немцы до рассвета в хутор так и не сунулись. Приладил я тогда лыжи, чтобы своих догнать, да не тут-то было. К утру мороз поддал, ноги одеревенели, ступни примерзли к сапогам. Все, думаю, кранты. Наступаю — от боли в глазах меркнет. Но идти надо. Приторочил к ремню сосновую лапу — следы заметать и — вперед, не останавливаясь. Вскоре пошел привычным махом, догнал своих.

— А где бойцы потом брали продовольствие, ведь запасы на волокуше, наверняка, быстро закончились?

— Отряд питался в основном продуктами, пожертвованными населением, и в подавляющем большинстве случаев к партизанам относились как к родным, особенно белорусы. Им самим есть нечего было. Они спасались от голода лепешками, замешенными на лебеде, горохе, картошке, на «деревянном» масле (низший сорт оливкового масла), и делились с нами. А мы с ними — табачком, присланным с «большой земли».

Но вот однажды, прибыв за продовольствием в одну из станиц, я зашел в хатку поесть, а поев, почувствовал сильную слабость. А тут еще фашисты объявились. Еле дотащился до телеги. Хорошо, рядом лес, туда фрицы боятся захаживать. В лагере врач определил у меня отравление мышьяком.

На допросе «кормильцы» юлить не стали, сказали, что гитлеровцы отобрали у них скотину, пообещав вернуть в обмен на живого партизана.

На допросе «кормильцы» юлить не стали, сказали, что гитлеровцы отобрали у них скотину, пообещав вернуть в обмен на живого партизана. «Что же ты, разведчик, врагов прошляпил, — укорял меня командир. — Так немудрено и жизни лишиться». «Так свои же», — ответил я.

И я точно знаю, что если бы не смог добраться тогда до телеги, подорвал бы себя гранатой.

— Как долго продолжалась Ваша партизанская деятельность?

— В 1943 году я получил новый неожиданный приказ: срочное отправление с Казанского вокзала для дальнейшего прохождения службы. И через несколько суток — Ташкент, Душанбе и конечный пункт — Пянджский пограничный отряд. Здесь необходимо было усилить государственные рубежи на границе с Афганистаном. Так 3 июля 1943 года я надел зеленую фуражку. Помню, думал тогда: куда я попал?! Не край — диковина. Жара нестерпимая, комары по-особому жгучие. Название местности — Файзабад Кала, Кумсай — кишлак, что рядом с нашей 6-й заставой, с ходу и не запомнишь. Верблюды, ишаки, минареты, женщины в паранджах... Да что там — вода, воздух, небо были другими и поначалу никак не глянулись. Жутко тянуло обратно в свою бригаду. Ребята, приехавшие со мной, человек двадцать пять, тосковали не меньше моего.

— И как началась Ваша жизнь вдали от Родины, от линии фронта?

— Когда мы приехали на место, выяснилось, что жить нам негде, надо строить казарму. И вот мы с ребятами днем поочередно то работали топорами, то вели наблюдение с вышки, а ночью патрулировали вдоль границы. Мы, можно сказать, полностью построили городок на заставе. Начальник заставы капитан Лабинов (как же он в душу влезал своими матюками: и подзадорить мог, и ободрить!) приводил нас в чувство на строительстве городка. Глины, соломы, камыша было предостаточно, благо, река рядом. Глину заливали в самодельную форму, и под палящим солнцем вскоре получались готовые кирпичи. Стены — крепкие, крыша — надежная. Потом привезли железные кровати, сено для тюфяков, накомарники. Надо было еще и быстро оборудовать линию границы: выставили секреты, сигнализацию сделали по-фронтовому, из консервных банок. Просто, зато весьма эффективно. Не то что враг, дикобраз не проползет!

— Александр Иванович, чему Вас там обучали?

— За время службы на границе я прошел специальные курсы парашютной подготовки. Местность, которую контролировал погранотряд, была гористая, и руководство понимало, что пограничным нарядам тяжело догнать нарушителей, которые привычны к горам с детства и прекрасно знают все

тропы. Вот и готовили пограничников высаживаться с самолетов им наперерез.

Бывали, конечно, и несчастные случаи: у кого парашют не раскроется, у кого стропы запутаются. Я тоже один раз приземлился неудачно, ноги повредил. Но потом научился, совершив всего восемь прыжков. Причем прыгали мы с малой высоты, с крыла самолета, так что вначале было очень нелегко...

— Не всегда же приходилось прыгать с парашютом, чтобы догнать врага?

— Да, не всегда. Участок заставы, на котором я служил, проходил вдоль пограничной реки. Течение было очень сильное. И вот как-то раз мы ловили нарушителя, но он добрался до берега и попытался уплыть. Наш снайпер его достал, но тело вытащить не смогли — его мгновенно унесло течением.

А однажды мы вместе с младшим наряда издалека заметили человека, который горной тропой спускался к реке с чужой стороны. Он постоянно оглядывался по сторонам, да и одет был подозрительно. Мы спрятались недалеко и решили подпустить его поближе. Вдруг смотрим, он прямо на нас идет! Я товарищу шепнул, чтобы он обходил сзади, а сам спрятался за угол, чтобы выйти наперерез. Когда нарушитель оказался совсем близко, мы с напарником почти одновременно вышли из засады и приказали неизвестному стоять. Тот, недолго думая, бросился на меня с ножом. Я успел увернуться и ударить его прикладом, но нарушитель оказался тренированным и после такого удара не упал! Пришлось мне вспомнить боксерские приемы: левой рукой я ударил его в грудь, а правой — со всей силы в челюсть. Только после этого он прекратил сопротивление и рухнул на землю. Я связал ему руки и пустил сигнальную ракету. Наши быстро приехали на лошадях и увезли его. Позже начальник заставы поощрил меня десятидневным отпуском на родину.

О Витебских лесах да о ребятах

— Какие они, будни советского солдата на Пянджской заставе?

— Там, в приграничье, трудно было всем: и нам, и местным жителям, — ведь все мужики на фронт ушли, вот и помогали мы оставшимся женщинам выполнять тяжелую работу, частенько таскали в тюках хлопок. Взвалишь

тюк и идешь — пыхтишь паровозом, девчат смешишь. Местные благодарят, приветствуют. «Ташакур», — говорят, щурятся. Да это нам даже в радость: и помощь, и тренировка хорошая. А вообще-то все было: и нарушителей ловили, и с парашютами прыгали, и от тигров спасались, я даже малярией переболел, но все-таки служба мне нравилась, интересно там было!

— А что еще радовало Ваше сердце вдали от Родины?

— Вокруг красота была, будто из учебника. Оазис, и только: арыки, пирамидальные тополя, заросли фисташки, винограда, бахчи. Дичи — шагни, фазан вылетит. А вечерком соберемся в курилке — и все больше о витебских лесах да о ребятах. Зайдется сердце, скрипнешь зубами. Какая там красота, даже когда война!

— Долго продолжалась Ваша служба на границе?

— Еще несколько лет после Победы. Помню, 9 мая 1945-го граница взорвалась сполохами салюта — стреляли из ракетниц всех цветов. Так в отряд пришла весть о Победе. А я лишь в 1949 году вернулся в Москву и сразу пополнил милицейские ряды — стал участковым своего района. И как бы странно это ни было, свое самое тяжелое ранение я получил не в тылу врага на спецзадании, не на границе, а именно здесь, в мирном, на первый взгляд, городе. Несколько пьяных мужчин напали на женщину. Я тогда проходил мимо и вступился за нее. В драке получил многочисленные ножевые ранения груди, было проколото легкое. Тренированный организм, конечно, справился, восстановился, но я уже не мог оставаться в милиции по состоянию здоровья и ушел работать на завод «Компрессор».

— Александр Иванович, снится ли Вам война?

— Знаете, что мне иногда снится? То, как на границе нас заставляли учиться ездить на лошадях. А куда денешься, надо! Был у меня конь Везучий. Меня как шифровальщика заставы частенько отправляли в отряд с донесениями. За 22 километра. «Анисимов! Пакет! Коня!» — взлетаю на Везучего, и он везет меня до первой низинки. Спешиваюсь, даю хлеба коню, и он за мной следом хвостиком готов идти на край света. Я хоть и футболистом был, и лыжником, ноги, что колонны Бранденбургских ворот. Но после коня так не хотелось появляться в отряде враскорячку! Вечером в клубе кино, танцы, девчата подбегут, а я...

Александра РЫБИНКИНА,
2012 год

Усталость

До рассвета посты проверял. Пересек
Столько сопок, что под небесами...
Только-только прилег офицер на песок,
А глаза закрываются сами.
Не успели глаза и сомкнуться, рассвет
В них стучится тревогою снова:
Неужели заложенный в сопках секрет
Недостаточно замаскирован?
Приподнялся.
И вот на заставу вошел,
Где наряд в напряжении замер...
Только-только присел на минуту за стол,
А глаза закрываются сами.
Но, как пискнул песок под пятой сапога,
Как подковки зацокали рядом,
Как защелкнули диски наверняка
Заряжаемые автоматы, —
Встал рывком!
Нет усталости! Все нипочем:
Так годами живет —
Не часами...
Только-только к стене прислонился
Плечом,
А глаза закрываются сами.

Борис ДУБРОВИН

Иван Зарезов

И.Н. ЗАРЕЗОВ:

Вода в реке Дон была коричневого цвета от крови убитых и раненых

Обладатель девяти благодарностей от имени Верховного главнокомандующего И.В. Сталина за отличные боевые действия, Иван Зарезов по сей день занимает активную жизненную позицию. Он прошел войну с самого первого дня, когда чуть не погиб от осколка снаряда, до 14 мая 1945 года, когда вражеской пулей его ранило в плечо. Всегда находясь на передовой, корректируя огонь артиллерийской разведки, он столько раз был на грани жизни и смерти, что разговор с ним спустя более чем шестьдесят лет после всего пережитого кажется чудом. Иван Никитович поддерживает связь с сослуживцами, с родной дивизией, где он считается образцом храбрости и стойкости. Дети и внуки чтят его подвиги и трепетно относятся ко всему, что о нем пишут и говорят. Хотя сам он не считает себя героем.

Приказано дать отпор

— Война — настоящая школа жизни. А чему Вы научились до нее?

— Меня призвали в Красную Армию уже в ноябре 1939-го, и я сразу был определен в 437-й корпусной артиллерийский полк Резерва Верховного Главнокомандования, находившийся тогда вблизи Минска. Я ведь к тому моменту уже имел аттестат о среднем образовании, причем с отличием, и учился в Московском автомеханическом институте, а потому меня сразу определили в полковую школу — армии нужны были грамотные люди. По окончании получил звание старшего сержанта и был направлен в 1-ю батарею помощником командира взвода.

— Иван Никитович, свое боевое крещение Вы прошли в первый же день войны, а ведь все могло быть иначе...

— Да, нас сначала готовили для войны с Финляндией, технику и личный состав уже погрузили на железнодорожные платформы, но в последний момент отозвали и направили в Закавказье, в Кутаиси.

В июне 1941-го нас внезапно отправили из Винницы в

подвижные лагеря, и к ночи 22 июня полк стоял прямо на границе с Польшей и Румынией. Вместо отдыха был устроен сбор личного состава, и комиссар объявил: «На нас напал враг, приказано дать отпор». Утром в спешке занимали огневые позиции, но в этот момент на нас налетели немецкие «юнкерсы». Наши понесли большие потери. С меня осколком сбросило каску. Слава Богу, не задело голову...

Из котла в котел

— А дальше было долгое отступление?

— Это так. Мы не раз попадали в окружения, поскольку Красная Армия еще не стала той силой, которая в будущем освободит мир от фашизма. Не хватало организации, опыта. На нашем участке не было толком ни самолетов, ни танков, даже пехоты явно недоставало, а немцы все это чувствовали, видели, прощупывая слабые места противника, заходя с флангов и окружая наши войска.

Мост через Днестр в районе города Могилев-Подольский не был заминирован, и немцы решили с ходу проскочить, а позволить им такую роскошь мы не могли. Первым же залпом повредили несколько танков в хвосте колонны, сделав отступление для фашистов невозможным, а вторым уничтожили ее головную часть! Потом началась настоящая мясорубка!

Благодаря нам, разведчикам-корректировщикам огня, артиллерия смогла не просто уничтожить целую танковую колонну, но и разрушить стратегически важный объект. Да только, пока мы занимались мостом, немцы обошли нас с обеих сторон. Чтобы выбраться из котла, пришлось всю ночь ползти по пшеничному полю, изодрав одежду, пока наконец не соединились со своими подразделениями. Хотя, можно сказать, легко отделались.

На нашем участке не было толком ни самолетов, ни танков, даже пехоты явно недоставало, а немцы все это чувствовали, видели, прощупывая слабые места противника, заходя с флангов и окружая наши войска.

— Но ведь не всегда можно было незаметно проскользнуть?

— О да! Севернее Николаева несколько подразделений полка опять окружили немцы. Мы были сосредоточены на очень узком участке. В плен не хотел никто, а потому не оставалось иного выхода, кроме как с криками «ура!» открыть ураганный огонь и броситься в атаку. Мы смогли нарушить вражеские порядки и прорваться к своим.

Переправа через Дон

— Вы участвовали в первом освобождении Ростова-на-Дону в ноябре 1941-го, которое можно назвать первой победой Красной Армии. Трудно было?

— Мне не повезло — я отморозил руки и ноги. Хорошо, что санинструктор вовремя растер меня спиртом, так что тяжелых последствий не было. Иначе война могла закончиться для меня намного раньше. После взятия города полк был поставлен на оборону Донбасса на участке Изюм – Барвенково. Мы очень обрадовались, когда за успешные боевые действия нашему полку было присвоено почетное звание 68-го гвардейского.

— Но весной 1942-го немцы возобновили наступление...

— Да, нам вновь пришлось отступать. Артиллерийская разведка всегда уходила последней, тесно соприкасаясь с врагом. Через Дон не успевали не только переправить технику (ее в таких случаях уничтожали), но и сами переплыть на другой берег. Немецкие танки буквально наступали на пятки, в итоге сбросив нас в реку в районе Константиновки Ростовской области.

Я хорошо плавал, однако меня все равно тянуло ко дну. Тогда вытащил из кармана брюк ножичек, разрезал сапоги и сбросил их. Затем избавился и от брюк. Вот в таком виде, все больше и больше уставая, под пулеметным огнем немецких танков, я переплывал Дон.

Вода в реке была коричневого цвета от крови убитых и раненых. Всюду попадались трупы. Силы покинули меня в тридцати метрах от берега. В тот момент мне вспомнилась вся моя короткая жизнь. Но оказалось, что я уже могу нащупать ногами дно. Выбравшись на берег, окончательно обессилевший, я упал без сознания. Очнувшись, почувствовал запах костра: недалеко несколько солдат в трусах

грелись у огня. Я присоединился к ним. Такой группой мы добрались до Сальска, где я нашел своих ребят и несколько пушек, которые удалось спасти во время переправы. Одну из них из-за нехватки тракторов мне пришлось везти автомобилем ЯГ-5 до самого Орджоникидзе.

— Как же Вы смогли соединиться со своими боевыми товарищами после такой неразберихи?

— Тут была целая проблема, ведь никто не знал, что случилось с нашим полковым знаменем. Лейтенант Овечкин, взяв знамя у убитого знаменосца, две недели через тылы немцев по ту сторону Дона добирался до нашей части. Если бы не этот подвиг, полк был бы расформирован, а так его пополнили техникой и живой силой и поставили на защиту Грозного.

Там я попал под одну из жутких бомбежек. В эти моменты тяжело даже разобраться, что происходит: стреляет артиллерия, летают самолеты, немецкие и наши, воздух наполняется гарью настолько, что дышать становится трудно, порой невозможно. Это продолжается минут двадцать. Понятное дело, что напряжение после такого не спадает еще долго...

Юмор против стресса

— Как же Вы справлялись?

— У нас был один солдат, который чудесно умел перевоплощаться! Мы ведь прятались в специальных узких ровиках, защищавших от всех разрывов, кроме прямого попадания снаряда. И вот мы сидим в них после бомбежки, напряжение уже на пределе, а он как начнет петь женским голосом! Стресса как не бывало!

— А фронтовые сто грамм не помогали?

— Да, нам выдавали водку, но я ее никогда не пил: знал, что тогда реакция будет хуже, а бомбежки могли начаться в любой момент. Конечно, многие выпивали, и выпивали больше положенного, но как раз они и были первой мишенью снаряда, бомбы или пули. Укрыться надо было еще успеть!

— Но ведь не всегда отсиживались?

— Как-то раз мне нужно было отвезти из Грозного три цистерны горючего. И в этот момент началась бомбежка. Представляете, сверху топливо горит, а снизу его откачивают! Конечно, это было очень опасно, и в итоге меня обрызгало и загорелась одежда. Я нырнул в реку, но когда

вышел, вещи опять воспламенились! Спасли меня два наших водителя — Гаркуша и Скрипник, сбив огонь с помощью телогрейки и палатки. У меня сгорели волосы на голове, брови, обожглись губы, а в некоторых местах руки и ноги. Но в целом ожоги были неопасны, и в санчасти меня быстро подлечили.

В немецком тылу

— А ведь уже приближался коренной перелом в ходе войны…

— Да, успех Красной Армии в Сталинградской битве сильно повлиял на нас! Вера в победу становилась все крепче. Со своим полком мы освобождали Кавказ, Кубань, Харьков, который являлся конечной целью Орловско-Курской битвы, Крым. Наши войска теперь наступали.

В Белоруссии получил первую контузию: попал под обстрел тяжелой артиллерии немцев. От разорвавшегося вблизи снаряда меня засыпало песком, торчала лишь голова. Хорошо, что через три часа обнаружили и отправили в медсанбат. Я не мог ни слышать, ни видеть, ни говорить. Лишь к концу третьей недели, лежа в палатке, услышал гул немецких самолетов, увидел лес. Правда, еще полгода потом заикался, но и это прошло. Из медсанбата отправился в 236-й гаубичный артполк 63-й артбригады 22-й артдивизии прорыва. В этой дивизии я воевал до мая 1945-го.

— И неужели так просто было добраться до своей части?

— Всякое бывало. Как-то раз, добираясь до своих, поймал попутку. А в это время немцы отстреливались тяжелой артиллерией. Я предложил подождать, пока разорвутся снаряды, и потом продолжать путь, однако из-за спешки меня не послушали. Только мы тронулись, снаряд разорвался перед машиной.

Многие получили тяжелейшие ранения, погибли от осколков, меня самого задело, но несильно. Неподалеку стояла польская воинская часть, где всем раненым оказали медицинскую помощь, а мне даже выдали польскую форму — моя была полностью в крови.

Продолжив путь до своей части, я встретил своего товарища, техника другого дивизиона, который рассказал мне, что придется идти пешком: машин не хватает. А один танкист предложил ему своего рода сделку: если мы най-

Среди друзей, 1943 г. (Иван Зарезов второй слева)

дем подлежащий восстановлению танк, то они подарят нам пять трофейных машин! Мы так увлеклись, двигаясь вперед вместе с пехотой, что спереди нас уже разрывались снаряды «катюши», а позади — снаряды «ванюши». Деваться было некуда. Увидели недалеко от окраин населенного пункта блиндаж. На всякий случай бросили туда гранаты. Зайдя внутрь, убедились, что никого нет, но обнаружили два ручных пулемета и патефон с одной единственной пластинкой! Тут мы и уснули под музыку, предварительно проверив пулеметы. Наутро слышим — стрельба, грохот! Оказывается, ночью немцы атаковали и отбросили наших назад, таким образом, мы остались в тылу врага. И как раз утром началось контрнаступление. Мы увидели отступающих немцев. Конечно, хотелось атаковать, но и опасность этой авантюры мы осознавали. Решили выждать немного, подпустить их метров на 70, а потом стрелять. Так и сделали. Часть немцев, попав под пулеметный огонь, погибли, остальные сдались.

Нас отправили в свою часть, где уже ждали начальник штаба и командир полка, который меня хорошо знал. «Ты что творишь? Война уже

кончается, жить надоело?» — закричал он на меня. После этого нас накормили и дали отоспаться, а на следующий день вновь вызвали. Командир полка говорит: «Ты нужный для части человек, извини, что я вчера тебя обидел, но наказать тебя все равно надо. Что же делать?» На что начальник штаба отвечает: «Наказать, конечно, надо Но они ведь не в тыл бежали, а наоборот, немцев громили! Так что мы вот как сделаем: и за храбрость наградим, и по строгому выговору объявим!»

— А дальше освобождение Европы

— Под предместьем Варшавы меня второй раз контузило. Но в этот раз не так сильно. Я быстро оправился и вернулся в строй. Особенно мне запомнилась операция на Берлинском направлении: 200 прожекторов одновременно ослепили немцев! Эффект был потрясающий: они, покинув окопы, в страхе бежали к себе в тыл.

Мне представилась возможность расписаться на стене Рейхстага! Но нам не дали долго расслабляться даже после капитуляции Германии. Артиллеристы оказались нужны для уничтожения группировки немцев юго-восточнее Берлина. И 14 мая я получил последнее военное ранение. Вражеская пуля прострелила мне плечо.

Вячеслав КОВАЛЕВ,
2013 год

***

Старшина прокричал мне, стреляя:
«Не туда! С упреждением бей!»
А глаза мои дымка седая
Застилала, как недра траншей.

Под фугаской у сбитых понтонов,
Слыша бомб нарастающий вой,
Вместе вздрагивал я с потрясенной,
Исковерканной взрывом землей.

И постиг я в бою на рассвете
Там, над Вислой, у мелких траншей:
Ожидание страха и смерти —
Даже смерти и страха страшней.

Борис ДУБРОВИН

Тамара Коновалова, 1944 г.

Т.М. КОНОВАЛОВА:

У меня в сумке тряпки были, я их веревочкой свернула и руки фашистам связала

Золушка, защитница Родины, мать-героиня… Все это один человек — Тамара Коновалова, в девичестве Смолянинова. На войну она пошла в 17 лет, спасаясь от жестокости мачехи, а в первый же день на фронте получила задание выследить вражеского шпиона.

«Ночевала на маминой могиле»

— Тамара Матвеевна, расскажите о своей семье.

— Я выросла в Уфе. Отец работал железнодорожником, мать — медсестрой. Были старший брат и две сестренки. В 1932-м мама умерла, а год спустя похоронили младшую сестру. Потом отец привел в дом женщину с дочерью. И жизнь с тех пор стала для меня мучением. В зал и в спальню заходить было нельзя, ночевали на кухне. Уходя из дома, мачеха выгоняла нас на улицу. Соседи начали ее стыдить. Тогда она продала все, что можно было, и купила квартиру в частном доме. Жила я в сарае, в дом пускали только в морозы. Летом часто ходила ночевать на мамину могилку... Чтобы не пропасть от голода, пасла коз. Хозяева расплачивались едой, которую я делила с сестренкой и братом. Однажды (мне было тогда 15 лет) соседи дали одежду, из которой выросла их дочка, — юбку, чулки, рубашку и туфли. Вечером смотрю, мачехина дочь Шурка в моих обновах расхаживает. Я к ней: «Отдай!» А мачеха мне: «Ты же грязнуля, зачем тебе?» Я не унимаюсь. Тогда она говорит своей дочери: «Отдай, а я тебе денег дам, поедешь завтра с дядей Иваном в Булгаково, он тебе все новое купит». Шурка одежду в меня швырнула и на следующий день уехала с мачехиным братом.

А потом случилось несчастье. Шура пропала. Через три дня ее тело нашли в реке Уршак. Что там произошло, неизвестно, но на меня накинулась вся родня мачехи — мол, наслала беду. Даже убийцей называли, не дали к телу подойти для прощания. Хоронили 21 июня 1941-го...

— Как Вы попали на войну?

— Брата Диму сразу забрали на фронт. Мачеха, желая быстрее от меня избавиться, изменила в метрике год рождения с 1926-го на 1925-й и отправила

меня в железнодорожное училище. В общежитие городских не пускали — я ночевала в классе. В 1942-м перевели на паровозоремонтный завод — стала работать сверловщицей. Делала головки к снарядам, спала в цеху. Однажды подошел комсорг: «Призыв объявляют. В армии шофера нужны. Пойдешь?» Я сразу согласилась, лишь бы сбежать от голода и бесприютности. Училась в автошколе в Уфе, потом в Подмосковье. Летом 1944-го посадили нас в эшелон и отправили на 1-й Белорусский фронт.

Бомбы и шпионы

— Чем запомнился первый день на фронте?

— Шпионов послали ловить!

— Вы же водителем были?!

— Попала я в 4-ю батарею 87-го полка 64-й отдельной зенитной дивизии. Эшелон пришел в Ковель (это на Западной Украине) ночью. Командиры нервничали, торопили при разгрузке. Станцию часто бомбили — говорили, что по наводке немецкой агентуры. У меня был американский грузовичок «додж», я на нем потом 37-миллиметровую зенитку возила. Выгрузились нормально, расположились неподалеку от станции. А утром — бомбежка. Сараи загорелись, а рядом наши машины со снарядами. Я их скорей отогнала в безопасное место.

Потом троих раненых в госпиталь отвезла. Вернулась — вызывает командир батареи капитан Осадчий: «Вот тебе, переодевайся». И выходит из блиндажа. Я смотрю — юбка какая-то длиннющая, босоножки... Ничего не понимаю. Снаружи высокий парень ждет. «Вот тебе кавалер, пойдешь с ним гулять, — говорит капитан. — Как будто вы влюбленные. Вон, видите, железнодорожник в красной фуражке? Идите за ним, он поздоровается с одним штатским. Это вам знак: проследите за тем человеком». И точно, вскоре железнодорожник поздоровался с мужчиной лет тридцати пяти... Ну, мы за ним. Кавалер меня то обнимет, то даже на руки возьмет! Первый раз в жизни парень меня обнимал... А «наш» дядька заходит в какой-то дом. Мы следом... Слышим, морзянка запищала!

Слышим, морзянка запищала! Дверь на чердак открыта. Потихоньку поднимаемся. Пусто! Ясно – он с рацией в трубе.

Тамара Коновалова (крайняя слева) с однополчанами

Дверь на чердак открыта. Потихоньку поднимаемся. Пусто! Ясно — он с рацией в трубе (в тех краях трубы толстые делают и печным дымом мясо коптят). Мы притаились. Вот рация замолчала. В трубе дверца открывается, и этот выскакивает. Мой парень — бац ему по шее! Руки спереди связал, да еще пуговицы с ширинки скрутил. Тут не сбежишь — штаны надо держать... Привели к начальству. Оказывается, в тот день целую операцию в городе провели, поймали человек десять, работавших на немцев.

Долго их не допрашивали — свезли на станцию и выстроили на краю канавы. А напротив — нас, молодых солдат, которые их ловили. Подполковник Кузнецов, из штаба дивизии, говорит: «Объявляю благодарность! Эти агенты нам здорово вредили. Вы их поймали, вы с ними и разбирайтесь». У нас автоматы в руках. Только никто не выстрелил. Ну, вы сами подумайте, мне 17 лет — как я могу в человека стрелять? Один среди нас опытный оказался — после ранения прибыл, ему и в рукопашную ходить приходилось. Но и он безоружных не смог убить! Подполковник вздохнул: «Дети вы, дети... Как победу добывать будем?» Загнали шпионов на грузовик и увезли.

А мне капитан Осадчий новое задание дает: «Вот по этой улице поедешь, потом направо, до крайних домов, разворачивайся — и назад. Автомат оставь, возьми пару гранат на крайний случай». Опять мне ничего не понятно! Доезжаю до места, разворачиваюсь. Выскакивают из ворот четверо солдат, закидывают три мешка с мясом в кузов, привязывают корову — «Давай, поехала!» Ну, еду. С коровой особо не разгонишься. Вдруг какие-то люди на дорогу выходят. В нашей форме, но явно не наши. Один ко мне в кабину:

«Ого, тут девка!» Другие за мешки хватаются. Тут как из-под земли — солдаты с автоматами. Налетчиков повязали, а мне дальше велели ехать...

Позже я поняла: на окраине города наши заготовители работали. Перевозку продуктов «пасли» то ли бандиты, то ли дезертиры. А на них устроили засаду наши ребята — может, из пехоты, может, из СМЕРШа...

Или герой, или враг

— Что для Вас было страшнее всего?

— Что поломка случится, и я приказ не выполню. «Додж» — машина отличная. Но я совсем неопытным шофером была, плохо еще ее знала. Однажды на марше заглох двигатель. Рядом со мной — комвзвода Юра Завьялов, уфимский парень, кстати. Разозлился он страшно. Достает пистолет и говорит: «У тебя, Смолянинова, три минуты на размышления!» Понятно, ему-то тоже несдобровать, если приказ не выполнит! Руки трясутся, открываю капот. Бензопровод цел, стеклянный отстойник в порядке... Смотрю — там еще фильтр в железном цилиндре, нам про него и не говорили на учебе! Открутила — он весь песком забит! Прочистила, завела мотор, поехали. С тех пор ничего у моего «доджа» не ломалось...

Вскоре двинули нас на Польшу. Мой «додж» — первый в полковой колонне. Сплошная темень, фары включать нельзя. Дорога все хуже. Потом вообще в болото заехали. Юра выходит: «Я пешком, а ты давай за мной потихоньку». Оказывается, саперы гати сделали — настилы из бревен. Чуть рулем вильнешь, и все — застрянешь, дорогу всем перегородишь. Расстреляют тут же, как врага народа!

Сколько мы тащились, не помню. Никогда потом не было так страшно, как в ту ночь. Проехали благополучно. Заняли позиции. Утром артподготовка. Началось большое наступление. Для фашистов оно стало полной неожиданностью. Дошли мы до Вислы, пехота мост захватила, наш полк его прикрывал от авианалетов. Там мне медаль «За отвагу» вручили. «За что это?» — спрашиваю Завьялова. — «А ты не догадываешься?» «Нет, — говорю. — Я же просто приказы выполняю». — «Ну, ты дурочка бестолковая...»

«Пани, хенде хох!»

— Мы знаем, что Вы даже пленных брали. Расскажите об этом.

— В какой-то польской деревне я поехала к местному куз-

нецу, чтобы выправить погнутый бампер. Он с готовностью взялся помочь. Тут вдруг прибегает какой-то хлопчик: «Пани, хенде хох! Хенде хох!» И на край села показывает. Смотрю — два немецких солдата идут. Ну, я автомат беру — и к ним. Они безоружные, сразу руки вверх. У меня в сумке тряпки были, я их веревочкой свернула и руки фашистам связала. И еще пуговицы со штанов скрутила (как мой ковельский «кавалер» при задержании шпиона). Одного в кабину посадила, другого на крыло — и на батарею, к капитану Осадчему.

Фрицев допросили. Оказалось, неподалеку лагерь русских военнопленных. Эти двое были из охраны — то ли сдаваться, то ли прятаться шли... Они сообщили, что всех узников собираются убить. Капитан скорей к рации, связался с начальством, пехоту подняли, и по машинам. Немцев ко мне в кузов: дорогу показывать. Ворвались наши в лагерь, спасли тех, кто там еще оставался...

Дошли до Одера, там меня орденом Славы III степени наградили. А за что? Я делала то же, что и другие.

Победу встретила на Эльбе. После войны вышла замуж и вырастила семерых дочек и троих сыновей. В 1966 году мне вручили орден «Мать-героиня»

Олеся АРАМЕЛЕВА,
Ирек САБИТОВ,
2012 год

***

Шла дорога песком и щебнем
Сквозь колючки и тамариск...
Путь мой странный —
Старый учебник.
Воля.
Упорство.
Риск.
Не велела менять личины,
Облучила
Болью невзгод —
Жизнь
Меня тому научила,
Что в учебники
Не войдет.

Борис ДУБРОВИН

Людмила Волошина

Л.А. ВОЛОШИНА:

В Равенсбрюке я увидела страшную картину: людей, которые и на людей не были похожи, просто тени...

Кто-то участвовал в боях и прочувствовал смысл слова «война» под свистом пуль. А кому-то довелось увидеть войну с другой стороны... Людмила Волошина выживала в оккупированном городе, два года провела в концлагере, будучи ребенком, познала всю жестокость, на которую способны люди. Несмотря на это она смело смотрит вперед.

От Родины до лагеря

— Людмила Александровна, расскажите, с чего для Вас началась война?

— Мы жили в Одессе, но из-за войны на Украине начался голод, и нам пришлось перебраться в Донецк, оставив все — документы, вещи. После многие эвакуировались и из Донецка, но мой папа наотрез отказывался бежать. Он считал немцев культурным народом, с детства учил нас, своих детей, немецкому языку и не хотел верить в трагедию. Считал, что это пропаганда. Раскрыл глаза на всю катастрофичность ситуации его брат. Он пешком добрался из Киева к нам, по пути попал под расстрел, но чудом уцелел. Услышав рассказ брата, папа «прозрел», но эвакуироваться было поздно. Оккупированы были практически все города. Мы остались в Донецке.

В семье нас было четверо детей: я, самая младшая, училась в школе, трое старших к тому времени закончили Донецкий мединститут. Брата сразу забрали на фронт, двух сестер, квалифицированных врачей, распределили в разные госпитали. С родителями остались я и четырехлетний сын старшей сестры. Было сложно.

— Как семье с еврейским происхождением удалось выжить в оккупированном фашистами городе?

— Был приказ: всем евреям носить на одежде метки — шестиконечные звезды. Но я никогда не была похожа на еврейку, да и говорила только на чистом украинском языке. А родителей выпускать я боялась — знала, что они могут не вернуться. Поэтому продукты добывать приходилось самой. Вместе с соседями мы ходили в деревни, за 40–60 километ-

ров от города, менять одежду и какую-то утварь на еду.

— Долго удалось так продержаться?

— Сложно сказать, сколько. Но в один из дней, возвращаясь из деревни, я встретила маму своей школьной подруги. Она сказала, что домой мне нельзя, что всех расстреляли. Не только родителей, даже четырехлетнего ребенка. Куда деваться, я не знала. Первое время жила у этой женщины, но долго так продолжаться не могло, и мне пришлось уйти.

— Каким образом Вам удалось бежать из города?

— Без помощи хороших людей мне бы это никогда не удалось. Нашли студенческий билет на имя некой Максимовой, эта фамилия стала моей на долгое время, даже после войны я не могла никому раскрыться — настолько был сильный шок.

Мама подруги дала мне буханку хлеба и помогла выйти из города, 24 километра мы шли вместе.

— Сколько Вам было лет тогда?

— Честно признаться, до сих пор не знаю, сколько. Когда мне задают этот вопрос, я говорю: «Столько, сколько было написано в этом студенческом билете». В нем стояла дата — 8 марта 1926 года. То есть по этому документу мне сейчас 84 года. Но я считаю это не столь важным.

— Куда дальше лежал путь юной Людмилы?

— Когда меня оставила мама моей подруги, я пошла одна. Через какое-то время была задержана украинской полицией. Меня избили, разрезали хлеб — думали, в нем что-то спрятано, пригрозили отдать немецкой жандармерии. А по мне — лучше уж пусть немцы бьют, чем свои. На все вопросы я отвечала, что никого у меня нет, что я сирота, пришла из детдома.

Ничего не добившись, меня отдали жандармерии, где каждый день в один и тот же час я должна была снова и снова говорить, кто я и откуда. Так целый месяц.

Жандармерия располагалась на узловой станции железной дороги. Мимо шел грузовой, именно грузовой, состав с людьми, которых отправляли в Германию с оккупированных территорий, и меня отправили.

В поезде была женщина с девочкой примерно моего возраста. Потом мы познакомились, они оказались из Таганрога. Марина Николаевна Матёкина и ее дочурка Лиля, в честь которой я потом на-

звала свою дочь. Они мне очень помогли, поддерживали всеми силами. Помню, Марина Николаевна сказала: «У меня была одна дочь, теперь будет две». Чистая и светлая память этой замечательной женщине.

— Поезд увозил Вас в Германию. Что там ожидало?

— По прибытии в Германию, нас направили на завод, где изготавливалось оборудование для военно-морского флота. Год я проработала там, пока однажды меня не захотели перевести в другой цех. Мы знали, что это цех «смертников», люди работают в помещении, где огромное количество металлической пыли, и нет никакой защиты от нее. Я отказалась переводиться, в наказание меня посадили в тюрьму, продержали с месяц и отправили куда-то составом с другими пленными разных национальностей.

Приехали, как оказалось, в Берлин. В тюрьму на Александр-плац, в самом центре города. Это был предварительный этап заключения — отсюда нас направляли по разным лагерям.

— Вас — в Равенсбрюк?

— Да... Когда открылись ворота, я увидела страшную картину: людей, которые и на людей не были похожи, просто тени... в каких-то непонятных робах... Равенсбрюк — самый страшный женский концлагерь в Германии. Вновь прибывшие проходили так называемую дезинфекцию: нам сбривали волосы на голове и загоняли в подобие душа. После было еще одно распределение. Я попала в филиал Равенсбрюка, Нойбранденбург, где располагался подземный авиационный завод.

— Какой распорядок дня был в лагере?

— Поднимали нас в четыре часа утра. Выстраивали на так называемую appell, перекличку, которая длилась иногда больше двух часов. В любую погоду, даже в самый сильный дождь и холод, мы стояли на улице. После нам давали часто холодный кофе и отправляли под землю, к станкам. Я работала в шлифовальном цехе. Это был ад.

Однажды вместе с новыми пленными привезли девочку девяти лет. Ей тоже нашли работу — поставили около меня подавать детали. Девочка была совсем истощена: не ребенок, а скелет. Очень жалко ее было. Мы договорились, что, когда мастер или надзирательница рядом, она работает, когда никого нет — отдыхает. Не знаю, как об этом стало известно. Но ко мне подошла надзира-

тельница, взяла, как щенка, за толком не отросшие волосенки, подвела к деталям и начала мотать меня из стороны в сторону так, что я билась об них головой. За то, что я пожалела ребенка...

Каждую неделю или две из Равенсбрюка приезжал эсэсовец, проводил «селекцию» — тех, кто был слаб, болен или что-то еще, увозили с собой, а потом отправляли в крематорий. Вот такие распорядки...

— Удавалось ли следить за временем, как-то узнавать о событиях за территорией лагеря?

— Мы ничего не знали: ни времени, ни дней, ни новостей. Был только один способ узнать что-то. Бывало, мастер или кто-то другой, проходя мимо, как бы нечаянно ронял газету, порой даже с кусочком хлеба. Были среди этих зверей и люди.

Бывало, мастер или кто-то другой, проходя мимо, как бы нечаянно ронял газету, порой даже с кусочком хлеба. Были среди этих зверей и люди.

— В лагере содержались люди разных национальностей. Какие были отношения между заключенными?

— Там были заключенные из двадцати двух стран, в бараках содержалось по 360 человек! Несмотря на жуткие условия, солидарность и взаимопомощь были обычным делом среди нас. Раз в месяц приходили посылки из Красного Креста, каждая страна получала какой-то продукт. Но ни один человек не съедал сам то, что ему присылали. Продукты делились буквально на крошечные квадратики, которые раздавали всем. Мне эти квадратики надолго запомнились.

Дорога смерти

— У Вас сложились с кем-то более тесные, доверительные отношения?

— К нам, русским (всех советских граждан называли русскими), почему-то особенно тепло относились французы. Именно француженка и стала мне очень близка, профессор мадам Жюли. В лагере она оказалась, потому что была в Сопротивлении. Еще были три девочки: одна из Ленинграда и две из Запорожья. Мадам Жюли у нас была как мама. Мы потом бежали вместе.

— Как это произошло?

— Когда фронт подошел близко, всех заключенных

выгнали на улицу и повели по городу в сторону моря. Людскому потоку не было ни начала, ни конца. Мы назвали это «дорогой смерти». Тех, кто ее не выдерживал: ослабевал, падал, — пристреливали.

Один из наших привалов был около какого-то завода. Надзирательницы ушли переодеться (как мы потом увидели) и увели с собой собак. В этот момент мадам Жюли сказала: «Девочки, мы должны спрятаться». Единственным укрытием был чердак этого завода, куда мы и поднялись. Надзирательницы, вернувшись, приказали всем построиться, а тех, кто не встанет в строй, обещали расстрелять, спустили собак. Мадам Жюли нас удержала. Мы с ужасом наблюдали в щелку за собаками. Особенно страшно было, когда собака подошла к лестнице. Одна из девочек уронила куртку, поднимаясь на чердак, и мы боялись, что собака учует запах. Но она, не дойдя одного пролета, остановилась, постояла немного и повернула вниз. Нас это спасло. Все ушли дальше, а мы остались.

— Что же вы делали на брошенном заводе?

— Это был конец апреля. Днем мы иногда выходили в поле, искали хоть что-нибудь съедобное, а ночью прятались в подвале. Так прошло несколько дней. Иногда видели отступающих немцев. Однажды, находясь в здании, услышали русскую речь: «Выходите, кто там?» Мы испугались, но когда фразу повторили несколько раз, решили показаться. Мы не то что вышли, мы выползли просто... Силы были на исходе. Это оказались русские солдаты или офицеры — нам было все равно. Главное — русская речь! Мы обнимали их ноги, целовали обувь... Наши чувства были настолько искренними! Невозможно передать словами ту огромную радость и бесконечную благодарность, которые мы испытывали...

Красноармейцы взяли нас на руки, посадили к себе в машины и привезли в город. Разместили в доме, утром обещали забрать и только наказали еду там не трогать: она могла быть отравлена. Когда мы вошли в дом, увидели людей, но все они были мертвые. Гражданские боялись прихода советских войск и шли на самоубийство. Кто-то топился в озерах (их в городе было много), кто-то травился...

— Утром вас забрали из этого жуткого дома?

— Да, повели к себе в часть. Первое, что с нами сделали, — сняли эту страшную, грязную арестантскую одежду, дали

какую-то другую. Потом попросили каждого рассказать подробно, кто он и откуда. Я, как и раньше, рассказала, что я из детдома. А когда нас забирали из части, ребята каждому написали записку. Я ее храню как зеницу ока. «Первое мая 1945 года. День освобождения наших сестер из германской каторги. День освобождения Людмилы Максимовой военной частью Полевая почта 54233 «т». Лавренов Василий Иванович. Улыбин Алексей Николаевич».

— Куда Вас отправили?

— Так как я знала немецкий язык, меня сразу взяли в полевую комендатуру переводчицей. Но я долго там не пробыла. Пришли из оперативного сектора контрразведки (как я потом узнала) и сказали: «Вы себе найдете другую девочку, а нам отдайте эту». Так судьба привела меня в контрразведку, где я проработала два года, тоже переводчицей.

— Что стало с Вашими подругами?

— Когда нас спасли солдаты и привели на ночлег, мадам Жюли с нами не осталась, сказала: «Я спешу домой». Мы расстались навсегда. Валентина из Ленинграда не выдержала всего этого, скончалась в госпитале. Другие две девочки проработали какое-то время у нас на кухне, а потом уехали домой.

Светлые люди

— Почему Вы остались в Германии?

— Я очень долгое время не могла никому открыться. Всем так и рассказывала, что я сирота. А потом не выдержала, попросилась в штаб к генералу Никитину. Он первый, кто за время войны узнал обо мне правду. В этот день шел сильный дождь, и генерал, выслушав меня, сказал: «Вот видите: млад плачет, стар плачет, даже природа вместе с нами плачет. Поднимитесь в секретариат, там все запишут. Какую хотите фамилию, такую и носите: хотите двойную, берите двойную — только живите!» Потом он помог найти мою сестру, я уехала к ней, в Москву.

— На родину Вы больше не вернулись?

— Нет... Ведь людей там расстреливали, я это видела. Потом решили не тратить патроны, просто бросали людей в шахты и топили. Живыми. Сколько меня ни уговаривали родственники, я так и не смогла туда вернуться.

— Скажите, в лагере были люди, которые сдавались, может быть, доносили что-то надзирателям?

— Из советских, пожалуй, нет. Да и из других стран тоже. Держались все очень сплоченно. Был негласный закон: «Если кто-то выдаст другого, его сами заключенные убьют».

Понимаете, несмотря на все тяготы, это было такое время — светлое для светлых людей. Например, когда я уходила из Донецка (уходила — мягко сказано, я шла из села в село), попросилась к одной женщине, она прятала меня какое-то время на печке. Даже договорилась с батюшкой, чтобы тот покрестил меня. Помогала, пока однажды ее не вызвал к себе председатель и не предупредил, что мне находиться дальше у нее опасно. То есть эти два чистых человека меня спасли. Марина Николаевна в поезде Мадам Жюли Свет-
лые люди были, и о них забывать нельзя.

Даже сейчас, выступая перед молодежью, я всегда говорю: «Будь Человеком, будь Красивым Человеком, порядочным. Эти качества — основа основ».

— Что помогало не опускать руки, держаться в лагере?

— Наверное, девиз жизни. Я не из религиозных людей, но знаете, как будто бы Бог сверху говорит: «Ты единственная, которая осталась, чтобы рассказать все, что было». И так оно действительно в моей жизни и получилось. Я хотела жить.

Эльвира ИСЛЯМОВА,
2013 год

Плач

То чуть дальше, то ближе
Ночью, точно спросонок,
Неожиданно слышу:
Где-то плачет ребенок.

От подножия сопки
До казармы раскрытой
Нестихающий робкий
Плач души позабытой.

Мне спасти ее надо,
Чтобы горя не стало.
Но толкуют солдаты:
«Это воют шакалы».

Успокоиться можно
Здесь, в песках погребенным...
Ну, а может быть, все же
Где-то плачет ребенок?..

Борис ДУБРОВИН

Юрий Рыбиков

Ю.К. РЫБИКОВ:

На войне кто кого пересилит: либо человек — страх, либо страх — человека

Пиджак Юрия Рыбикова с непривычки кажется неподъемным. Так много на нем наград! Среди них медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», ордена Отечественной войны I и II степени, орден Славы III степени, орден Красной Звезды. Но после всех тягот войны вес орденов и медалей для ветерана совсем не важен. Главное — поступки, которые стоят за наградами.

Маленькие эпизоды большого значения

— Юрий Константинович, как Вы получили медаль «За отвагу»?

— Это первая моя награда. Я начал воевать в 1943 году, командиром отделения разведки 26-го артиллерийского полка 63-й стрелковой дивизии. Дело было в Белоруссии, у деревни Орвяница, за рекой Лучеса. Немцы находились на очень удобной позиции — на возвышенности, мы — в низине. Они занимали деревенскую школу и каждое утро, часов в девять, выходили на плац тренироваться. За плацем стояли три мощные сосны. Однажды на рассвете я с небольшой группой людей пробрался туда, чтобы пристрелять местность: произвели прицельные выстрелы, засекли, какую поправку сделать, чтоб не по соснам бить, а по плацу. Я вылез вперед, нашел место, где все отлично просматривалось, и нанес на карту. Потом взял чуть левее, поближе к Лучесе, и пристрелялся там. Ох уж непросто было выпросить у командира батальона для этого снаряды!

И вот, в один прекрасный день, когда немцы вышли опять на плац, мы их уже подстерегали. Маршируют себе спокойно в одну сторону, делают разворот, назад идут. Они-то думали, что нам их не видно — возвышенность все-таки. Но я выполз на такое место, где фрицы были у меня как на ладошке! Один раз их пропустил, а когда второй раз проходили мимо нашей притаившейся группы, я дал команду: «Огонь!» Целую роту мы уничтожили почти полностью.

— А после медали были ордена. Они за что?

— Орден Отечественной войны II степени — за пленных.

Мы с моим отделением разведки вычислили, что взвод немецкий в определенный час каждую субботу в баньку ходит. Была осень, прохладно. Мы залегли в кустарнике и ждали. Пропустили весь взвод, а сзади шли фельдшер с ассистентом — их и взяли. Один из пленных кричать начал — пришлось угомонить финским ножом. Но мы его на себе дотащили, тут же сдали в медсанбат, там вылечили. Ценные «экспонаты» оказались: все данные о своей части выложили.

— Как же допрашивали?

— Я знал немецкий. Еще в военном училище в Сарапуле изучал: надо же понимать язык врага! Я и в Прибалтике по-немецки выступал, агитацию вел: «Долой Гитлера любыми путями! И Германия будет спасена!»

— Неужели это имело смысл?

— Знаете, бывали даже перебежчики. А вообще, это оказывало психологическое давление: у немцев складывалось ощущение проигравших войну. Хотя реагировали они понятно как. Я в рупор метров за пятьдесят вещаю, а они по этому месту из минометов садят!

— Юрий Константинович, а орден Славы при каких обстоятельствах получили?

— Прорвался танк немецкий и шел за кустарниками вдоль нашей полосы. Мне удалось незаметно пробраться и внезапно выползти к нему со связкой гранат. Когда я появился, танк уже не мог меня расстрелять, потому что я находился слишком близко. Он дал задний ход, и в этот момент я швырнул гранату...

Танк загорелся, из него выскочил экипаж. Одного немца мне удалось ранить. Такой вот маленький эпизод...

У немцев складывалось ощущение проигравших войну. Хотя реагировали они понятно как. Я в рупор метров за пятьдесят вещаю, а они по этому месту из минометов садят!

— Зато большого значения. Ничего себе — в одиночку вывести из строя танк!

— Ну, ребята мои меня поддерживали огнем.

Как немцев гнали

— У Вас такой солидный фронтовой путь: участие в Смоленской наступательной

операции, в битве за Днепр, в освобождении Белоруссии, Прибалтики, Восточной Пруссии. Расскажите про форсирование Днепра.

— Рассказывать здесь особо нечего. Мы переправлялись в том месте, где Днепр нешироки, за Калугой. Гнали немцев, те отступали. На берегу реки бревна были: кто из фрицев схватил, тот поплыл. Мы за ними! Они, мокрые все, — в лес. Немцев взвод был (40 человек), а нас рота (120). Постепенно настигали их и уничтожали.

— Скажите, а в Прибалтике как народ вас воспринимал — как освободителей или враждебно?

— Враждебности я не видел. Все недовольные ушли в леса, а те, кто остался, нас приветствовали.

— И много было опустевших, оставленных домов?

— Не скажу чтоб совсем мало. Но, понимаете, с жителями мы особо не контактировали...

— Самые тяжелые бои для Вас где были?

— Под Кенигсбергом. Там меня и «грохнуло». Артиллерия там была мощнейшая, крупнокалиберная — стреляли не жалеючи. Ведь до Берлина недалеко, война к завершению шла! Нам важно было не растерять пыла. У немцев был мандраж отступающих, у нас — азарт наступающих.

— Юрий Константинович, на войне столько ужаса. Как же можно было обойтись без психологических травм?

— Страх, конечно, давил. Но нужно было его перебороть. Здесь кто кого пересилит: либо человек — страх, либо страх — человека. Нам давали по 50 грамм водки перед боем, в неделю раз, — прихлебывали... И немцы тоже, шнапс пили. Так все-таки полегче было.

Плюс самонастрой. Я себе говорил: «Если и погибну, все равно хоть что-то сделаю для страны!» И из стороны в сторону не бросался: на войне так... куда бросишься, там и накроет!

Елена КОЗИНОВА,
2012 год

Баллада о часах

Мы немца в полночь навестить хотели.
Разведчик сверил время. И — в седло!
Следы подков запрыгали в метели,
и подхватило их и — понесло...

...Но без него вернулся конь сначала,
а после — мы дошли до сосняка,
где из сугроба желтая торчала
с ногтями почернелыми рука.

Стояли сосны, словно часовые.
И слушали мы, губы закусив,
как весело — по-прежнему живые —
шли на руке у мертвого часы.

И взводный снял их. Рукавом шершавым
сердито льдинки стер с небритых щек
и пальцем — влево от часов и вправо —
разгладил на ладони ремешок.

— Так, значит, в полночь, хлопцы!
Время сверьте!.. —
И мы впервые поняли в тот час,
как просто начинается бессмертье,
когда шагает время через нас!

Марк МАКСИМОВ

Мирон Манилов, 1941 г.

М.Ш. МАНИЛОВ:

Воинский долг оказался сильнее смерти, и я приказал переходить через минное поле

Для ветерана войны Мирона Манилова существует пять слагаемых Победы: это безграничная любовь к Родине, глубокая вера в успех, ненависть к врагам-агрессорам, героизм тружеников тыла и дружба народов. Именно это и объединяло людей в те страшные годы, придавало им сил для преодоления тяжелейших испытаний, выпавших на их долю. Так ковалась Победа. И так нам с вами подарили жизнь.

Самая высокая награда

— Мирон Шулымович, Вы можете вспомнить один из самых значимых для Вас эпизодов войны?

— 30 июня 1941 года, на восьмой день войны, я, 19-летний лейтенант, начальник разведки, получил приказ от командира дивизиона майора Михайлова: доставить снаряды для пушек с окружного артиллерийского склада к назначенному часу. В мое распоряжение были выделены два лейтенанта, двенадцать водителей и столько же автомашин ЗИС-3 (каждая по три тонны). Но на пути к складу наши двенадцать трехтонок были атакованы с воздуха «мессершмитами». Пришлось ехать перекатами. Рывками добрались до окружного склада. Еле нашли начальника и потом долго убеждали его выдать нам снаряды, потому что никаких подтверждающих документов командование выписать просто не успело. С трудом, но мы все-таки уговорили его выдать нам боеприпасы — всего тридцать шесть тонн.

Но из-за того что под обстрелами немецкой авиации мы долго добирались до склада, времени до наступления пехоты, к которому мы должны были доставить боеприпасы, оставалось совсем мало. Тогда, посоветовавшись с подчиненными, я решил сократить путь и двигаться через поле напрямик, но, подъехав, мы увидели табличку — «Заминировано!».

— Что же Вы предприняли?!

— Я собрал двух лейтенантов, которым было по восемнадцать лет, и водителей автомашин и спросил, что будем делать. Наше время на выпол-

нение приказа заканчивалось, впереди — верная смерть на минном поле, за плечами — снаряды. А мы обязаны вернуться вовремя. И жить-то всем хочется. Подчиненные мне тогда ответили: что прикажешь, то и сделаем. Воинский долг оказался сильнее смерти, и я приказал переходить через минное поле.

Распределились мы с лейтенантами на ширину автомобильной колеи, чтобы машина могла проехать и не взорваться. Шли выступом: я впереди, лейтенанты по сторонам, и тридцать шесть тонн смертельного оружия ехало по минному полю за нами.

Сколько времени мы шли, я не знаю, какое расстояние преодолели, не помню. Но снаряды на огневую позицию мы доставили. Узнав о том риске, на который нам пришлось пойти, командир дивизиона собирался представить всех нас к правительственным наградам. Но какие могут быть награды на восьмой день войны? То, что три лейтенанта и двенадцать водителей остались живы, — это и было самой высокой, самой дорогой наградой.

— Вы начали войну лейтенантом. Получается, Вы были кадровым военным?

— Да, в 1939 году я окончил 14-ю Харьковскую артиллерийскую школу. После окончания спецшколы поступил в Первое Московское артиллерийское училище, которое с отличием окончил в 1941 году. По своему выбору тогда же был направлен в Северо-Кавказский военный округ, где 18 июня получил назначение командира огневого взвода 302-го отдельного краснознаменного артполка. А через четыре дня — война.

— Каким было ее начало для Вас?

— Ночью 28 июня наш полк по железной дороге прибыл на станцию Вязьма, где подвергся сильнейшей бомбардировке крупных сил немецкой авиации. Больше половины орудий были разбиты, четверть личного состава погибла. Однако артиллерийский дивизион тяжелых 152-миллиметровых пушек-гаубиц, в котором я был начальником разведки, уцелел. И после марша на юг мы вступили в бой с гитлеровцами.

— Мирон Шулымович, были ли Вы ранены на войне?

— В одной из смоленских рощ мои разведчики обнаружили двадцать немецких танков. Я доложил об этом командиру дивизиона майору Михайлову, и он открыл по роще массированный огонь. Некоторые танки загорелись,

но остальные двинулись в атаку. Я стал корректировать по ним огонь батарей. Взрывы тяжелых снарядов, даже рядом с танком, выводили его из строя. Так было подбито тринадцать танков. Только несколько из них сумели отойти на исходные позиции.

Корректируя тогда огонь дивизиона, я находился в первой траншее стрелков, и рядом разорвалась мина. Осколки попали мне в живот и перебили кость левой руки. Медпункт, медсанбат, госпиталь, санитарные поезда... Лечение длилось долго. Медкомиссией я был признан инвалидом войны, но, тем не менее, добился того, чтобы меня оставили на фронте.

— И как развивалась дальше Ваша фронтовая судьба?

— Я принимал участие в Сталинградской битве, командуя артиллерийской батареей. Левая рука тогда почти не работала: на ней образовались свищи, из которых сочилась кровь и выходили маленькие осколки кости. От командования полка я скрывал свои боли и продолжал командовать батареей, но опасность возникновения гангрены все-таки заставила меня обратиться в госпиталь.

Я был признан ограниченно годным к военной службе (лишь в военное время), и меня отправили командиром батареи в артиллерийский полк. А после Сталинградской битвы мой 54-й полк стал учебным. В нем обучались артиллеристы-политработники, готовящиеся стать командирами артиллерийских подразделений.

От командования полка я скрывал свои боли и продолжал командовать батареей, но опасность возникновения гангрены все-таки заставила меня обратиться в госпиталь.

Когда рука стала заживать, я подал несколько рапортов с просьбой отправить меня на фронт, но мне отвечали, что сотни новых командиров-артиллеристов, которых готовит наш полк, важнее для фронта, чем я один.

«От нового поколения — великому поколению»

— Мирон Шулымович, сегодня, к сожалению, не очень хорошо отзываются о нашей армии. А что в Ваши молодые годы значило быть солдатом?

— В первую очередь — честь. И готовность всегда и при любых обстоятельствах защищать свою Родину. Чувство патриотизма в годы Великой Отечественной войны оказалось сильнее инстинкта самосохранения.

— Я вижу, у Вас много боевых наград. Какие из них особенно дороги Вам?

— Я награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «Ветеран труда», «Отличник РККА». Всего 27 правительственных наград. И очень дорога мне медаль «От нового поколения — великому поколению». Это уникальная награда! Она была сделана ребятами из молодежной организации Белгорода и Орла. Эти города были первыми освобождены советскими войсками 5 августа 1943 года. И в связи с этим по приказу Сталина в Москве был дан первый артиллерийский салют. А еще перед вами участник трех Парадов Победы. Сейчас уже я присутствую на параде 9 Мая как почетный гость.

— Мирон Шулымович, сегодня Вы занимаетесь военно-патриотическим воспитанием молодежи в Совете ветеранов. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Мирон Манилов после войны

— Я с большим удовольствием выступаю перед учащимися школ, колледжей и лицеев. Все они для меня двоюродные правнучки и правнуки. И общение с ними является для меня жизненной потребностью, смыслом жизни. Я счастлив, потому что востребован новым поколением, которое хочет меня видеть и слышать. Своими выступлениями я стараюсь воспитать в ребятах дух патриотизма, любви к школе, району, городу и, конечно же, к Родине. Призываю их быть достойными славы своих прабабушек и прадедушек.

Александра РЫБИНКИНА,
2012 год

***

Так встречаются с правдой
Лицом к лицу,
Так под пули
Шагают в рост...
Мне, тогда необстрелянному бойцу,
Друг мой бросил
Такой вопрос:

«Смог бы ты — как Матросов?..»
Искал ответ,
Только я промолчал тогда.
И себе не решался признаться:
НЕТ.
И не мог я ответить:
ДА.

Пусть медали звенят
На груди,
Пусть дорог фронтовых
Не счесть,
Слышу
Первую в жизни команду:
— Иди!..
И свое неокрепшее:
— Есть!

Борис ДУБРОВИН

Лев Липович

Л.Б. ЛИПОВИЧ:

При столкновении двух воздушных армад в небе творилось нечто невообразимое

Биография хабаровчанина Льва Липовича — готовый сценарий для захватывающего блокбастера, на котором с неподдельным энтузиазмом могла бы воспитываться наша современная молодежь. Рядом с ним голливудский «Авиатор» смотрелся бы как не заслуживающая интереса поделка. Мало кто из ныне живущих отлетал, как Лев Борисович, три войны подряд (с Финляндией, с Германией и с японцами на корейской земле), освоил все типы боевых самолетов, а затем еще 30 лет отдал гражданскому воздушному флоту! Если сложить все вместе, выходит без малого полвека летного стажа и почти сорок тысяч часов за штурвалом в небе.

Первые вылеты

— Лев Борисович, Вас можно смело заносить в Книгу рекордов Гиннесса. Откуда такая неиссякаемая любовь к авиации?

— После того как я окончил семь классов, отец отвез меня в интернат в Керчь. И уже в 15 лет я начал летать при керченском ДОСААФе на беспилотном планере, а в 16 — на одномоторном тренировочном истребителе УТИ-2. Самолеты осваивали над Коктебелем, с его уникальными восходящими и нисходящими потоками воздуха, там, где начинал свой путь первопроходец космоса Сергей Королев.

В 20 лет я успел закончить горно-металлургический техникум и заочно — институт в Днепропетровске. Затем летное училище военно-морской авиации. Сделал более ста прыжков с парашютом.

— Как Вы выдерживали такой темп?

— Сколько себя помню, всегда тянулся к технике и учебе. Молодых сил было столько, что хватало на все! После летного училища, в декабре 1939-го, меня отправили на финский фронт. У армии Маннергейма авиации не было. Финнов на своих боевых машинах прикрывали асы со всей Европы. За три недели боев на истребителе И-16 я сбил два самолета — один итальянский и один французский. Сбитый француз спасся на парашюте. Им оказался

опытный воздушный боец. Он был изумлен моей молодостью. А я убедился, что мощней и маневренней наших самолетов ни у кого нет.

После финской войны продолжил осваивать новую технику. До нападения немцев успел переучиться на скоростной и на дальний бомбардировщики.

— Чем врезалось в Вашу память 22 июня 1941 года?

— С рассвета этого дня немцы двумя заходами своих бомбардировщиков уничтожили в капонирах все самолеты на крымской авиабазе в Саки, под Евпаторией, где я проходил службу. Если бы мы ожидали нападения, то рассредоточили бы авиацию по запасным аэродромам, и катастрофы удалось бы избежать. Гитлер напал подло, исподтишка, без объявления войны. Несмотря на то что мы остались без боевой техники, по указанию И.В. Сталина нас распределили по авиационным частям. Вскоре я начал летать на разведывательном Р-5 в составе ВВС Черноморского флота. Разведку вели только ночью или в густую облачность, поэтому для немцев были неуязвимы. Летчики люфтваффе, в отличие от нас, всю войну летали исключительно днем.

На Курской дуге

— Когда было покончено с немецким господством в воздухе?

— В 1943 году советская авиация была полностью переоснащена новыми типами боевых самолетов. По своим летным качествам, вооружению и количеству они превосходили немецкие образцы.

Решающее сражение в небе развернулось на Курской дуге — одновременно с битвой танковых группировок. Встречными курсами сошлось примерно по четыре сотни крылатых машин с обеих сторон. К этому времени я пересел на новый пикирующий бомбардировщик Пе-2 — с тремя пушками и семью пулеметами. По боевой мощи он не имел себе равных. При столкновении двух воздушных армад в небе творилось нечто невообразимое. Советские пилоты и самолеты оказались сильней. Авиации Геринга был нанесен такой тяжелый урон, что она прекратила лобовые массированные атаки против наших новых машин. Инициативу полностью перехватили советские ВВС. В те решающие дни я со своим экипажем сбил три «мессершмита».

— Расскажите о Вашей встрече с маршалом Жуковым.

— Перед событиями на Курской дуге Жуков прилетел в нашу 16-ю смешанную авиадивизию, чтобы выяснить, сможем ли мы сфотографировать вражеские позиции между Брянском, Орлом, Белгородом и Харьковом. Цель разведки — по концентрации гитлеровских войск выявить места намечаемых ими ударов. Армейских летчиков во время дневных разведок немцы сбивали, поэтому потребовались ночные разведчики ВМФ. В число четырех отобранных экипажей включили тот, в котором я летал флаг-штурманом полка. После взлета мы разошлись в разные стороны фронтовой полосы Курской дуги, чтобы ввести в заблуждение немцев, а потом пошли навстречу друг другу на разных высотах. Осветив при этом мощными светящими бомбами САБ-250 всю прифронтовую полосу, мы провели ее успешное фотографирование. Полученные сведения помогли командованию своевременно укрепить оборону в наиболее опасных местах.

После взлета мы разошлись в разные стороны фронтовой полосы Курской дуги, чтобы ввести в заблуждение немцев, а потом пошли навстречу друг другу на разных высотах.

Когда гитлеровцев погнали к Днепру, Жуков еще раз прилетел в нашу дивизию. Он поставил задачу вывести из строя железнодорожный мост через Днепр по направлению к Днепропетровску и тем самым вынудить к сдаче отступающую группировку противника примерной численностью 65 тысяч солдат. Меня представили маршалу в числе тех, кто проводил по его приказу воздушную ночную разведку. Получив задание, два экипажа, включая мой, не стали разрушать весь мост, а с ювелирной точностью разбили только одну его секцию. Отступавшие немцы оказались в ловушке и стали сдавать оружие. За эту операцию я получил из рук Георгия Константиновича орден Красной Звезды.

— Приходилось ли Вам действовать не по приказу, а на свой страх и риск?

— На Курской дуге около Старой Руссы партизаны условным сигналом из зажженных костров запросили срочную помощь. Мы сели, не оповес-

тив командование, чтобы не стать мишенью для немцев. Партизаны привели двенадцать отбитых у оккупантов мальчишек. Смотреть на них без содрогания было невозможно: кожа да кости в лаптях и лохмотьях. Делать нечего — закрепили десятерых стропами в пустых бомболюках, еще двоих положили на пол в кабинах, и вперед, через линию фронта! Перед посадкой нас чуть не сбили свои зенитки. Но рисковал не зря: все хлопчики вышли потом в люди, выучились, завели семьи, родили детей. Некоторые, по моему примеру, стали летчиками и постоянно вели со мной переписку. К сожалению, многие уже умерли. И товарищей по фронту давно уже нет. Вот что значит быть долгожителем.

Японское «противостояние»

— Куда еще бросала Вас судьба?

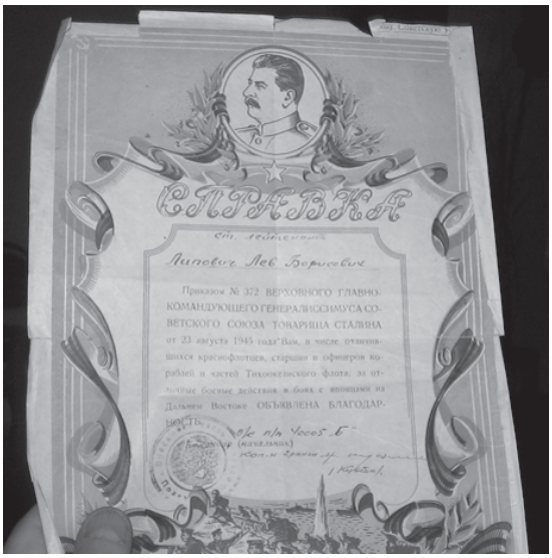
— Затем перегонял американские морские бомбардировщики «Каталина» из Канады на наш Дальний Восток. Для предстоявшего разгрома Японии. Сделал три рейса над водами Тихого океана. В 1945-м участвовал в воздушном сопровождении английских транспортных судов «Либерти» в Мурманск. Защищали их от немецких подводных лодок. В одном из рейсов мой самолет без всякого повода сбили свои же зенитки. Командир и радист погибли. Я провел в холодной воде шесть часов. Подобрала наша подлодка. Ее врач несколько часов растирал меня спиртом, пока я не почувствовал руки и ноги.

— Где встречали Победу?

— В Севастополе. Затем на Пе-2 через всю страну в Советскую Гавань. Планировали нанести удар по Хоккайдо. Но операцию отменили, и нас перебросили под Владивосток. С приморского аэродрома мы вылетали на ночную поддержку морского десанта Героя Советского Союза Леонова в корейские порты Юки, Расин, Сайсин, Гензан. Небольшими световыми бомбами ослепляли противника, подавляли его огневые точки и указывали путь нашей морской пехоте. Корейские порты были освобождены за одну ночь.

В Гензане была школа японских морских летчиков-смертников, но когда мы появились, ни одного японца и японского самолета там уже не было. Все бежали на юг Кореи. Остался один повар.

После Гензана мы отправились в маньчжурские порты Дальний и Порт-Артур на несколько дней раньше сухопутных советских войск. За учас-

СПРАВКА

Липович Лев Борисович

Приказом № 372 ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГЕНЕРАЛИССИМУСА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩА СТАЛИНА от 23 августа 1945 года Вам, в числе отличившихся краснофлотцев, старшин и офицеров кораблей и частей Тихоокеанского флота, за отличные боевые действия в боях с японцами на Дальнем Востоке ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодарность от И.В. Сталина Льву Липовичу «За отличные боевые действия в боях с японцами на Дальнем Востоке»

тие в освобождении корейского побережья мне вручили второй орден Красной Звезды.

— Так наступил долгожданный мир?

— Не совсем. Уже после официальной японской капитуляции от берегов Японии в сторону Владивостока отправилась боевая эскадра в составе четырех миноносцев и одного крейсера с десантом из 1200 человек на борту. Эти смертники могли принести нам немало бед. По тревоге были подняты бомбардировщики и Пе-2 (в их числе мой самолет), которые двумя волнами атаковали эту эскадру в 300 километрах от Владивостока. Наши самолеты повредили крейсер, уничтожили десант, потопили один миноносец. Уцелевшие японские корабли свернули к корейскому берегу. Это был последний аккорд Второй мировой войны.

«Земля давала нам все, что нужно»

— Как Вы оцениваете тыловое обеспечение вашей дивизии в течение всей войны?

— Земля давала нам все, что нужно: первоклассные самолеты, боеприпасы, горючее, запасные части, техническое обслуживание. Одевали нас тоже отлично — в зимнюю и летнюю форму, хорошо кормили и обеспечивали бортовым пайком. Были и наркомовские 100 грамм, но перед вылетом никто не употреблял. Все понимали, что к добру это не приведет. Боевой дух у морских летчиков и без того был высоким. Даже в 41-м мы не сомневались, что победим. И доказали это на деле в смертельном противоборстве с врагом. С 1941-го по 1945 год четвертая часть летного состава моей дивизии выбыла из строя в связи с гибелью или тяжелыми ранениями. При этом не было ни одного сдавшегося в плен. Мы знали, что в гитлеровском плену нас ожидают пытки и казнь. Слишком большой урон мы наносили фашистам, чтобы рассчитывать на их снисхождение.

— В свои 93 года Вы выглядите по-боевому и почти не сидите дома. Кстати, Вам очень идут чапаевские усы. Говорят, Вы регулярно встречаетесь со школьниками и студентами. Где черпаете столько энергии?

— Каждое утро по полчаса занимаюсь усиленной физзарядкой, с отжиманиями, гантелями и холодным душем. Это для тела. А главное правило для души: жить для народа и общаться с народом. Общение с людьми — это и есть жизнь. Чем больше отдаешь людям, тем больше получаешь от них хорошего.

Виктор МАРЬЯСИН,
2012 год

Пламя

Я помню: заря зажигала
Полнеба в далекие дни,
Где в доме отцовском, бывало,
Так долго не гасли огни.
И жили любимые лица,
И прядь материнских волос,
И желтое пламя пшеницы,
И белое пламя берез.

Я помню военные годы,
На сердце, как шрамы, они.
Казалось, во тьме непогоды
Исчезнут родные огни,
Исчезнут любимые лица
И прядь материнских волос,
И желтое пламя пшеницы,
И белое пламя берез.

Но снова спокойно светает,
И тянется к дому листва...
Как эта заря молодая,
Так Родина вечно жива.
И живы любимые лица,
И прядь материнских волос,
И желтое пламя пшеницы,
И белое пламя берез.

Борис ДУБРОВИН

Марина Башкинова

М.В. БАШКИНОВА:

Когда шли боевые действия, в эфире черт знает что творилось! Ни слова, бывало, не разберешь!

Потерять самого родного человека — мать — Марине Башкиновой суждено было еще до войны. Вся забота о младших брате и сестре легла на плечи совсем еще юной девушки. Она хотела стать телефонисткой. Но пришла война, которая сделала из девушки радиста первого класса.

«Маловата для фронта»

— Марина Васильевна, Вы помните, как началась война?

— Да, был летний, очень хороший июньский денек. Я находилась в поселке Щербинка, на нашей даче. Около дома протекал ручей, а вокруг него росло много незабудок. Мы собирали цветы, когда до нас донеслась новость о том, что напали немцы.

На даче было безопаснее, чем в столице, но я сразу же пошла в военкомат. В то время молодежь была воспитана по принципу: сначала отдай Родине, а потом можешь взять себе то, что останется. А я всегда была настроена как патриот. На призыве мне сказали: «Девочка, подрасти, ты еще маловата». Пришлось дожидаться совершеннолетия. Отец перевез нас в Москву, где я полгода работала учеником телефониста в ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт). А когда мне наконец исполнилось восемнадцать, пришла к папе и сказала: «Я хочу на фронт!» Он ответил, что я уже взрослая и сама могу решать, что мне делать. В военкомате на этот раз претензий не было. Почему шли на фронт? Не сказать что это была какая-то романтика, это было чувство долга. Ничего в этом героического нет. Это нормально.

— Куда Вас отправили воевать?

— Меня сделали радистом. Сборы проходили в Истре. Город тогда сильно разбомбили. И знаете, что меня там поразило? Трубы стоят, печки, а все остальное обрушено. И вокруг мальва цветет. Почему-то очень много мальвы было: розовой, белой, красной... Думаю: «Ведь люди строили, люди надеялись, а вот что от этого осталось...»

После учебы меня отправили в Волоколамск, где я и

проработала до самого конца. Называлась моя служба ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь.

В смену на трех радиостанциях работало по радисту. Скажу честно: слушать сообщения — трудная наука. Пропустил буковку — все, информация уже будет неточная.

Жили в землянках где-то в поле. Причем располагались так: на одной стороне в землянке — парни, на другой — девчонки. Нам всем было по 18–19 лет. Как самая опытная в хозяйстве, я кашу хорошо варила. А многие девчонки даже этого не умели.

За три с половиной года я была простым солдатом, потом ефрейтором, затем сержантом и старшим сержантом и, наконец, стала старшиной. Все давали по заслугам, поэтому и росла профессионально. Стала радистом первого класса, а это немалого стоит. Но за всем этим стоит серьезная работа.

Было очень тяжело, когда бомбили Волоколамск. Самолеты летали на бреющем полете, да так, что даже летчиков в кабине хорошо было видно. А мы, радисты, сидели в землянках — своего поста не покидали. Когда шли боевые действия, в эфире черт знает что творилось! Ни слова, бывало, не разберешь!

Взаимопомощь — верное средство от холода

— Тяжело было девушке служить наравне с мужчинами?

— Тяжело. Не всегда к девушкам достойно относились. Я была очень симпатичная, всегда находилась в компании. Из-за меня частенько парни ходили на кулачные бои друг с другом. За мной как-то начал ухаживать командир нашего взвода и так стал на меня давить, что пришлось пожаловаться командиру батальона. Парня этого сразу же отправили куда-то, а меня оставили в части. Сказали, что радист нужнее.

Война, конечно, дело не женское. Девушки носили сапоги огромных размеров и часто натирали ноги. А ведь нужно было еще и портянки научиться носить, уметь стрелять из оружия. Но что ж делать? Всему мы научились. Считали это своим долгом перед Родиной. Надо — значит, надо.

Ходили по 20 километров пешком с разными донесениями по частям. Один раз я пошла с посланием в соседнюю часть, а на улице — сильный мороз со снегом, у меня вся шинель колом встала. Смотрю, стоит какой-то дом. Зашла в него, а там бабушка. Она меня спрашивает: «Доченька,

ну как же ты в такую погоду пешком пошла?» А у меня руки не двигаются, ног не чувствую. Еле ответила, что хожу в любую погоду. Бабушка меня отогрела.

— Что помогало на войне преодолеть лишения и холод?

— Взаимопомощь. Однажды я ехала из Москвы в Волоколамск. Поезда ходили редко, но раньше в них всегда были специальные печки, а в той, в которой я ехала, не было. Вижу, около меня сидит солдатик — дрожит от холода. Я ему говорю: «Слушай, повернись спиной ко мне, мы, может, хоть как-то согреемся». Прижались друг к другу спинами, так и доехали до места.

В Волоколамске у нас жила одинокая бабушка. Мы ей с девчонками всегда помогали. Приносили то сахарку, то еще чего-нибудь — ей одной тяжело было. А мы придем, бабушке все повеселее! Она была нам за родных, вдали от которых мы воевали.

— А у Вас получалось иногда послать родным весточку?

— С трудом выкраивала время, для того чтобы написать им, что жива и здорова. Тогда еще газеты обращались к девушкам, чтобы мы писали письма воюющим ребятам. Я взяла три адреса, по ним и отправила письма. Ответы пришли быстро. После я переписывалась только с одним парнем — лейтенантом Александром Евтушенко. У нас с ним была теплая переписка, как будто знали друг друга сто лет. Он получал мое письмо и шел читать к своим ребятам в окопы. Ему завидовали, что у него есть такая подруга. Он мне всегда писал: «Здравствуй, дорогой Кудряшик». Я тогда кудрявая была...

Вижу, около меня сидит солдатик — дрожит от холода. Я ему говорю: «Слушай, повернись спиной ко мне, мы, может, хоть как-то согреемся». Прижались друг к другу спинами, так и доехали до места.

Однажды я очень долго ждала от него письма. Думала, что убили парня. Потом наконец-то пришло долгожданное письмо. Мой лейтенант писал, что был ранен, и просил прощения, что так долго мне не отвечал. Спустя какое-то время мне написала младшая сестра, благодарила за высланные деньги. А я никаких денег не посылала. Оказывается, деньги отправил

Саша: он знал, что у меня никого не осталось, только маленькие брат и сестра. Отец наш пропал без вести Мы с Сашей переписывались до самой моей демобилизации. Я вспоминаю его до сих пор.

— Как Вы встретили Победу?

— Этот день мы ждали с нетерпением. И встретили его с морем слез. После войны я пришла домой и начала все с нуля. Много трудилась, чтобы нажить хоть что-то. Затем переехала из Москвы в город Жуковский, где проработала 10 лет комсомольским секретарем. Жизнь торопливо бежала и с каждым годом набирала обороты, но, думаю, тот День Победы не забудется никогда.

Анна ЗАХАРОВА,
2011 год

Школа связи

Губы курсантов сжатые...
Снится и на заре
Азбука замысловатая
С точками и тире.

Курсантам не до парада еще —
Из-под тяжелых век
Видит это командующий,
Пристальный человек.

Подарит улыбкой дружеской,
Неторопливым кивком,
С задиристым, юношеским,
Но седым хохолком.

Под орудийными ливнями
Тянул он дорогой бед —
Через Европу линию,
Которой прямее нет.

Лентами перепутанными
Белели шоссе в январе,
Меж точками башен
Орудия
Чернели, словно тире.

И над дорогой извилистой
Вился, как ветерок,
Юношеский, задиристый,
Седеющий хохолок.

...Неторопливой фразою,
Чтобы заре помочь,
Азбукой Морзе
Связывает
Накрепко
День и ночь,
Связывает в мгновение
Выверенной рукой
Приказ
И его исполнение,
Встревоженность
И покой.

И ночью над черной бездною
Проносятся, не устав,
Линии — нервы железные
Пограничных застав.

Борис ДУБРОВИН

Борис Дубровин

Б.С. ДУБРОВИН:

Раз пятно на мне есть, я хочу смыть его своей кровью: сделайте меня воздушным стрелком!

Детство Бориса Дубровина закончилось в девять лет: в 36-м году его отца, комиссара Первой конной армии, героя Гражданской войны, объявили врагом народа, а вслед за ним арестовали и мать — за то, что не донесла на мужа. Борис с сестренкой жили у бабушки, кое-как сводя концы с концами. С тринадцати лет он самостоятельно зарабатывал на хлеб. А в пятнадцать закончилась юность — ее оборвала война.

Доказательство

— Борис Саввович, во время войны молодые люди были взрослее, чем сейчас?

— Правильно говорите. Дело в том, что условия жизни были другие, и, главное, война... она все поменяла местами!

Я пошел на фронт добровольцем, в 17 лет. Думал: может, радистом стану. Но, как узнали, что я сын «врагов народа», не разрешили. И я попросился в пехоту, автоматчиком. Пробыл там совсем недолго: из пехоты перевели в авиацию. Хотели мотористом сделать или оружейником. Я пришел к начальнику СМЕРШа со словами: «Мои родители арестованы, но я верю, что они чистые и честные люди! Раз пятно на мне есть, я хочу смыть его своей кровью: сделайте меня воздушным стрелком!»

Я знал, что воздушные стрелки гибнут чаще других. Они охраняли нижнюю полусферу самолета. Зачастую снаряды, выпущенные врагом, взрывались под самолетом, осколки прорывались в кабину и убивали воздушного стрелка. Но желание оправдать, защитить доброе имя моих родителей было сильнее страха, честное слово!

Отец у меня так и погиб в тюрьме. А мать вышла из лагерей инвалидом. На поселении, после заключения, она стала женой одного ссыльного. Перед тем как уйти на фронт, я перевез сестренку с бабушкой к ней, на реку Васюган.

— Из-за ареста родителей Вы сталкивались с отчуждением со стороны друзей и знакомых?

— Ребята во дворе поначалу обходили меня стороной, но во время войны такого уже не было. Куда там!

Если б я хотел к немцам, я мог бы выбросить пулемет и прыгнуть с парашютом на их территорию. Но мне даже не приходило такое в голову!

Я воевал на 1-м Белорусском фронте. Летал на американских самолетах «Бостон» — A-20B, A-20E, A-20G, полученных Советским Союзом по ленд-лизу. Наши усовершенствовали их. «Бостон» задумывался как бомбардировщик-разведчик с экипажем из трех человек: летчик, штурман и стрелок-радист (охранял верхнюю часть самолета и осуществлял радиосвязь). В Союзе его перевооружили: вместо кольцевого прицела сделали оптический, пулемет поставили — «Березина синхронный», 12,7 мм, и добавили в экипаж воздушного стрелка (охранял заднюю часть самолета). Потом стали больше бомб вешать, добавили бензобак, чтоб увеличить дальность полета. Хорошие были самолеты!

Важно, что штурвал был не только у летчика, но и у штурмана, и одна ручка управления была даже у стрелка-радиста. В нашем полку произошел случай, когда погибли трое из экипажа, а радист из своей кабины управлял самолетом, смог посадить его и остался жив!

«У каждого была своя война»

— Борис Саввович, сегодня Вы признанный поэт. А во время войны Вы писали стихи?

— По-моему, все, что на фронте написал, я уничтожил... Честно говоря, не то это было. Я же совсем мальчишкой тогда был! Был у меня друг на два года старше, Александр Ширман. Он тоже стихи писал. А я ему подражал очень. До сих пор даже букву «т» пишу так, как он... Он потом стихи бросил, а у меня на всю жизнь, как болезнь, осталось.

Если б я хотел к немцам, я мог бы выбросить пулемет и прыгнуть с парашютом на их территорию. Но мне даже не приходило такое в голову!

Первые стихи были какие-то бессильные. Когда после войны я приехал в Москву, осознал совершенно другой уровень образного мышления и понял, что надо все начинать сначала!

Не так давно делали фильм о войне, одна из серий в нем

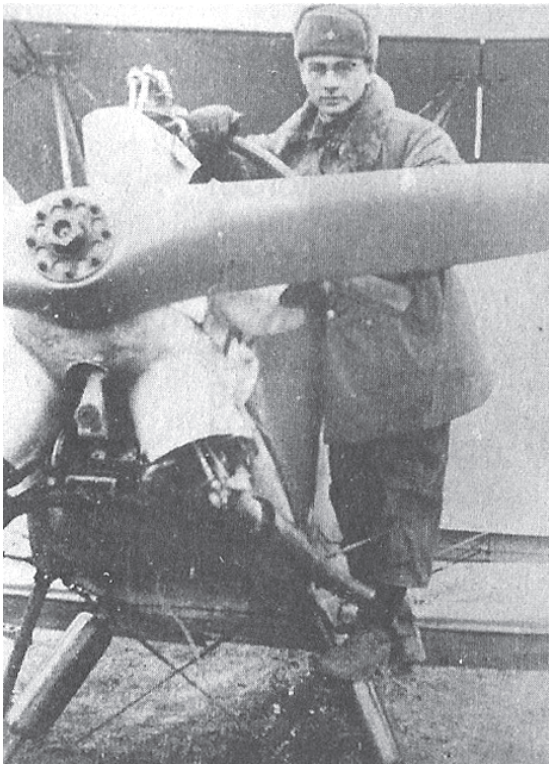
была посвящена мне. Меня в Трептов-парке снимали и у Рейхстага. Странное такое было ощущение... Режиссер попросил написать к «моей» части несколько строк. Вот они:

У каждого была своя война,
У каждого была своя победа.
Но та война —
будь проклята она!
Пусть никогда
не повторится это...

Их потом поставили ко всем сериям.

— А у Вас ведь раньше была другая фамилия?

— Да, Борис Галл. Это партийная кличка отца. Но, когда я после войны стал пробовать печататься, в полной мере ощутил на себе силу антисемитизма! В редакциях, где я оставлял стихи, говорили: «Все хорошо, мы вам позвоним». И не перезванивали. Потом добрые люди подсказали сменить фамилию. И дело начало двигаться потихоньку.

Борис Дубровин у самолета, 1946 г.

А вот во время войны все объединены были! Меня выделяли как человека, который пошел на фронт добровольцем, относились хорошо. Когда мы из пехоты переходили в авиацию, писарь заполнял книжки военные. Спрашивает: «Фамилия?» — «Галл!» — «Национальность?» — «Еврей!» Все смеются: «Да ну?» — «Я вам серьезно говорю — еврей, так и записывайте!» Я очень старался на войне быть смелее других, чтобы лишний раз подтвердить — евреи люди достойные! Когда предложили пойти в офицерское училище, отказался. Хотелось быть рядовым. Увидеть жизнь эту простую и писать, какая она была.

— Про воздушные сражения что-нибудь расскажете?

— Очень уж сильно это звучит! Мы же выполняли локальные задания: разбомбить мост, помочь нашим и т.д. Когда шли бои за Варшаву, наш командир эскадрильи майор Шалва Абазадзе сказал: «Нужно поддержать наступление! Будем эскадрильей летать, даже если понадобится

поддержать хоть одного пехотинца!»

Я награжден орденом Отечественной войны, медалями «За освобождение Белоруссии», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и польскими медалями «За Варшаву», «За Берлин» и «За боевое содружество».

— Во время боев за Берлин какие были ощущения? Страх смерти обострился, когда финал уже был близок?

— Конечно, чувствовали, что дожимаем... Недавно я закончил работу над текстом песни «Последний день войны» (музыка написана Валерием Калистратовым, народная артистка России Анна Литвиненко исполняла ее в честь 65-летия Победы в храме Христа Спасителя). Она о том, как во время свадьбы жених узнал о войне и ушел на фронт; был награжден тремя медалями «За отвагу», орденом Славы, но погиб в самый последний день войны. Жена хранит все его награды и колечко обручальное, «венчальное-печальное»... Это ведь не вымысел! Подобное действительно случалось. Война такая вещь...

Вот ехали бойцы на фронт, налетели немецкие самолеты, начали бомбить поезд, и погибли те, кто минуты не провоевал. Непредсказуема человеческая судьба. Я выжил. Меня Бог хранил для чего-то. Не знаю. Может быть, для моих стихов...

Елена КОЗИНОВА,
2013 год

***

Вернулся самолет. Стрелок убит.
Его уносят. И опять — к полету.
— Кто за стрелка со мною полетит? —
Спросил пилот.
Я лег у пулемета.
Глядел я в окровавленный прицел,
Когда осколок полоснул над бровью,
И друга кровь стереть я не успел:
Она с моей перемешалась кровью.
Меня уносят. И к полету — вновь,
Подшлемник чей-то промелькнул, белея.
И самолет ушел. И чья-то кровь
Смешалась с кровью друга и с моею.

Борис ДУБРОВИН

Иван Жучков

И.И. ЖУЧКОВ:

Немцы везли горючее на аэродром, не зная, что он уже захвачен танкистами нашей армии

Полковник в отставке Иван Жучков — человек неиссякаемой энергии и удивительной судьбы. Он начал воевать в 1943 году и прошел боевой путь от Полтавы до Берлина. Свидетели тех мужественных и суровых дней — его награды.

«Штурм» и «осада» военкомата

— Иван Иванович, как Вы попали на фронт?

— Как только Молотов объявил о начале войны, юноши и девушки стали «штурмовать» военкоматы. Все хотели попасть на фронт.

Мы с другом Толей Франчуком были несовершеннолетними — два раза приходили в военкомат, а нас отправляли обратно. Своего добились следующим образом... Комбинат в Ташкенте, где я работал, был на военном положении. Нас назначили дежурить по управлению, и мы познакомились с секретарями. Наши личные дела находились в отделе кадров комбината. Мы переправили даты рождения с 17 лет на 18. Месяца через три в военкомате про нас уже забыли. Пришли туда с личными делами. Нас записали, и в октябре 1943 года направили в Одесскую авиашколу, эвакуированную в город Беловодск.

— Сколько там проучились?

— Шесть месяцев. Окончили курсы младших специалистов (авиамехаников) и были направлены на 1-й Украинский фронт. По пути следования нас бомбили в городе Лиски Воронежской области. Получили первое боевое крещение. Нас сопровождали офицеры, раненые фронтовики. Они учили, как укрываться от бомбежек. Мы не верили сначала, что такое вообще может быть. А когда понюхали пороха при первой бомбежке — так сразу кто куда! В панике кто под вагоны прячется, кто в лес бежит...

Второй раз бомбили недалеко от Полтавы. Затем в Полтаве нас распределили по авиационным частям, я попал в 169-й ОБОН. Это особое базирование особого назначения по обслуживанию

авиации дальнего действия, советская секретная база. Был авиамехаником, готовил самолеты к полетам. Участвовал в Венской и Берлинской операциях, на полевых аэродромах обслуживал истребительную авиацию.

Когда наша армия приступила к освобождению Польши (с января 1945-го), нас на двух самолетах перебросили под Варшаву на полевые аэродромы, обслуживать полеты истребителей. Полевые аэродромы использовались впервые. Как только самолет садился, мы сразу подъезжали, заправляли, подвешивали бомбы. После этого самолеты вылетали на боевые задания.

Случай под Кюстрином

— Вы сталкивались с немцами напрямую?

— По прибытии на местный аэродром, только отбитый у немцев, мы увидели, что от разрушенных складов еще идет дым. Наши танкисты пошли дальше. Поступила команда подготовить в короткий срок этот аэродром для приема наших самолетов. Приехал генерал Руденко, построил нас и сказал: «Будьте бдительны! Немцы рядом — они в любую минуту могут напасть, их автоматчики и техника вас перебьют, как мух». После этого командир дал команду усилить охрану. Я, старший сержант, и ефрейтор Толя Франчук получили автоматы ППШ, чтобы охранять северную часть аэродрома.

Шел проливной дождь. Мы поехали туда, на окраину. Натянули плащ-палатку от дождя, замаскировались. Наша основная цель была — наблюдать за проселочной дорогой возле оврага. Оттуда в любой момент могли появиться немецкие машины и танки. Нам приказали, в случае чего, в бой не вступать, а ракетой подать сигнал в сторону аэродрома. Только сели передохнуть, послышались гул такой отрывистый и немецкая речь, нас это насторожило. Толе говорю: «Подожди, я потихонечку пройду по оврагу, а ты держи на прицеле, если что — прикрой».

По оврагу прокрался поближе. Смотрю, один большой, на 8 тысяч литров, немецкий бензовоз стоит в ложбине, а второй — наверху. Вижу немецкого офицера и двух водителей-солдат. Один бензовоз прошел овраг, где вода и грязь, а второй забуксовал. Они трос цепляли, чтобы второй вытащить, да никак не получалось. Я по-

смотрел, есть ли еще кто, и вернулся к Толе. Говорю ему: «Давай с той стороны заходи потихонечку и посмотри, есть ли там кто в кабине, в первой машине. Будь осторожен, я тебя здесь прикрою». Он возвратился с немецким автоматом из кабины. На мой вопрос «не засветился?» ответил: «Нет, нормально». А немцы все кричали, шумели, машина гудела.

Мы выждали момент, когда они начнут цеплять трос. Я справа пошел, Толя слева. Офицер что-то говорит. Они только нагнулись, я кричу: «Хальт, хенде хох!» — и очередью из автомата прямо перед ними даю в землю, а Толя — в воздух с другой стороны. Офицер только полез за пистолетом — мы опять очередь. Солдаты сразу подняли руки. Он пистолет выбросил, тоже поднял руки. Немцы вышли на возвышенность. Я подошел поближе, держу их на прицеле, даю команду снять брючные ремни — они снимают. Я ножом обрезал им все пуговицы на штанах, чтобы у них руки были заняты. Потом мы их связали и привязали к ящикам с раздаточными шлангами. Сели в один бензовоз и поехали по направлению к аэродрому, чтобы доложить обстановку.

Подъезжаем к аэродрому — нам навстречу боевая группа на бронетранспортере: они слышали выстрелы. Останавливаюсь, машу им рукой, мол, это свои. Старшему доложил обстановку. Он вызвал тягач и направил группу за вторым бензовозом. Пленного офицера и солдат повели в штаб на допрос. Цистерны в бензовозах были заполнены горючим. Немцы везли горючее на этот аэродром, не зная, что он уже захвачен танкистами нашей армии.

Этим горючим заправили четыре оставленных немцами самолета. Наши летчики на них взлетели и по переднему краю немцев, где была противовоздушная оборона, нанесли удар: фашисты не успели отреагировать, так как приняли самолеты за свои. Командование нас потом отблагодарило.

О нас тогда в газетах написали. Когда спрашивали о совершенном подвиге, мы отвечали: «Никаких подвигов мы не совершали — любой человек на нашем месте поступил бы точно так же».

Я вырос в детдоме и всегда считал, что у меня две матери: первая — та, что родила, а вторая — которая воспитала. А воспитал меня советский детский дом: дал образование,

научил любить свою страну. Я готовил себя защищать Родину-мать и поклялся посвятить ей всю жизнь. Где бы я ни был, где бы ни жил, первостепенным делом считал государственное, а вторым — личное.

Металлические «лягушки»

— Ранения у Вас были на войне?

— Да, при освобождении Вены. Когда на новый аэродром приехали, стали приземляться наши самолеты, сел полк — немцы про это узнали. Они ночью начали бомбить и набросали «лягушек» — это мины с пропеллером, в кассетах. Мины разлетаются, падают, например в траву, в 3–5 метрах одна от другой. Идет человек, ногой зацепил, и — взрыв! И ноги отрывало.

Самолеты наши загорелись от бомбежки. Надо было их эвакуировать, а водителей не было. Мы завели тягачи и растаскивали их. Так вот и попали на такую «лягушку». Она взорвалась: мне в спину двенадцать осколков засадило и еще два в правом легком оказались. Отвезли сразу в полевой госпиталь, под наркозом делали операцию. Вытащили только те осколки, что были сверху. Врач-хирург, как сейчас помню, сказал: «Молодой организм, все выдержит. Внутри осколки окутаются жиром». Спросил, курю ли. Я ответил: «Нет». — «Вот и не кури». Чтобы в правое легкое зайти, надо было два ребра резать. После этого я много прослужил в армии, занимался спортом, и осколки мне не мешали, а если бы курил — они б заржавели, и вряд ли я прожил до сих пор...

— Страшно было на войне?

— Те товарищи, которые говорят, что на войне не страшно, чушь несут. На войне страх присущ любому. Но ко всему человек привыкает. В первую бомбежку мы не знали, куда деться. При артобстреле тоже терялись — молодые ребята! А «старички» нас оберегали, учили...

Немного о быте

— Боеприпасов хватало?

— Случались и перебои: и с оружием, и с боеприпасами, и с пищей. Особенно в начальный период войны, когда мы были курсантами, ходили в караул. С вооружением было очень плохо. Нам дали иранские винтовки — они были совсем никудышные.

Помню, жили в Беловодске в клубе большом. Отопления

никакого не было, а зимы там суровые. Спали на тюфяках. Длинный мешок набивали соломой — это матрас. С подушками так же. Кладешь мокрую портянку, на нее простыню, и ложишься. Портянка от тепла тела сохнет, а потом утром ее наматываешь.

Был такой момент. Я спал, а ботинки на полу у двери стояли. И вот утром тревога, а у меня и еще десяти человек ботинки замерзли: мы не могли их надеть. Хватаем в руки и на ходу выбегаем на мороз и снег. С дисциплиной тогда жестко было! Сначала построение в «полной боевой», затем марш-бросок десять километров.

И вот утром тревога, а у меня и еще десяти человек ботинки замерзли: мы не могли их надеть. Хватаем в руки и на ходу выбегаем на мороз и снег.

— В землянке жили?

— Рыли землянки, там грелись, делая примитивные печки. Внутри все как надо. Из гильзы снаряда делали светильник. А кружки, например, из консервных банок. Чай пьешь — руки обжигаешь, но зато согреваешься. Зимой перед наступлением давали спирта. Когда ели, была поговорка: «Жора, рубай компот, он жирный», чтобы сытнее наесться. Утюг у нас был. Внутрь бросим несколько угольков, и все. Когда 2–3 месяца в окружении, в землянке, заводятся вши и не дают спать солдатам. На посту стоишь — там холодно, и более-менее нормально. А как только пришел в землянку чуть отдохнуть — жарко, вспотел, пот едкий, и вши как начинают тогда кусать!

Все ждали весточку из тыла, от родных. Мне неоткуда было ждать. Но я всегда поддерживал друзей. В авиации особенно дружили летчик и механик. Все знали, что механик готовит самолет, от него зависит жизнь летчика. Самое главное было — дружба. Дружба это все, без нее там никак.

Иван ГОРБУНОВ,
2011 год

В январской мгле

Окоченелыми руками
Ломая спички на ветру,
Дрожащее, слепое пламя
Совал я мертвому костру...
О, как остались руки целы?!
Без рукавиц в январской мгле
Я узнавал лопатой цену
Землянке в каменной земле.
Насквозь метелями просвистан,
С сугробами наедине
Я спал на лапнике смолистом,
На бревнах спал и на броне.
И, не припав к блаженной фляге,
Смиряясь с кочковатым дном,
Я, как в хрустальном саркофаге,
Храпел в окопе ледяном.

Борис ДУБРОВИН

Александр Жогин

А.И. ЖОГИН:

И я оставил подпись на стене Рейхстага...

Александр Жогин воевал под Москвой и брал Берлин. Он знает войну со всех сторон: видел ее изнутри, помнит массу исторических фактов о Великой Отечественной. А помимо этого он очень интересно рассказывает о тех временах. Поэтому я обойдусь без долгого предисловия.

Не верится, что это — война

— Александр Иванович, расскажите, пожалуйста, о своей семье.

— У меня было два брата. Старшего, Ивана, призвали в армию на второй день войны. Он воевал под Смоленском и под Москвой. Получил два тяжелых ранения. Инвалидом войны второй группы был комиссован из армии, награжден орденами и медалями. Младшего брата, Константина, призвали в армию в конце войны. Он служил в танковом полку, в Рязани, был командиром танка Т-34. А три мои сестры — старшие, Анна и Ольга, и младшая, Тамара, — были заняты на трудовом фронте. Так что вся моя семья помогала ковать победу над общим врагом.

— 22 июня Вы сразу поняли, что война и Вас затронет, что продлится она не год и не два?

— 22 июня 1941 года в Киеве был назначен футбольный матч между киевским и московским «Динамо». Мы с ребятами договорились на него сходить. Но рано утром, в 4 часа, услышали шум в коридоре. Там сновали люди с носилками и в противогазах. На рукавах — красные кресты. Спрашиваем: «Что случилось, что за беготня?» Говорят: «Объявлена воздушная тревога».

В тот момент мы так и не поняли, что за тревога — боевая или учебная. Когда вышли на улицу, увидели, как в небе летят самолеты, разрываются снаряды наших орудий, стрелявших по ним. Потом нам сказали, что это румынские самолеты прорвались на нашу территорию, поэтому орудия ПВО вели по ним огонь. Но мы, ничего толком не узнав, все равно пошли на станцию, чтобы поехать на футбол. На станции долго ждали электричку.

Расписание поездов к тому времени уже было нарушено, конечно. Электрички не шли, и пришлось ехать на первом попутном поезде.

В Киеве по Крещатику мы добрались до стадиона имени Сталина. У кассы увидели объявление: «Футбольная встреча откладывается на неопределенный срок. Желающие могут сдать билеты в кассу или оставить их у себя, так как они будут действительны до времени, когда состоится футбольный матч на этом стадионе». Было также объявлено, что в 12 часов будет передано важное правительственное сообщение с речью Председателя Правительства Молотова.

— После этого, думаю, о футбольном матче уже никто не вспоминал...

— Да. Люди стали собираться толпами вокруг включенных репродукторов. Ровно в 12 часов мы услышали голос Молотова.

Чуть позже, в связи с началом войны, нам, студентам, проходящим практику в Киеве, было велено срочно возвратиться в Москву. Собрались быстро, но пассажирские поезда до Москвы уже были отменены. Пришлось ехать от станции Дорница на крыше товарного вагона-ледника до станции Пахмач, где мы пересели на другой товарный поезд в сторону Москвы.

— Расскажите, какой Вы увидели Москву, когда Вам все-таки удалось до нее добраться?

— 22 июля 1941-го фашистские самолеты совершили свой первый налет на город. Столица регулярно подвергалась бомбовым ударам. С этого времени все студенты, ходившие на занятия, были переведены на казарменное положение: ночевали прямо в здании техникума. Днем были занятия, а в вечернее и ночное время мы дежурили на чердаках и крышах зданий, чтобы во время воздушных налетов сбрасывать с них зажигательные бомбы. И каждый день в ночное время по нескольку раз объявлялась военная тревога...

После ночного дежурства, не выспавшись, мы шли на занятия. Засыпали за партой. А ночью снова на дежурства по чердакам... Так продолжалось до 14 октября 1941 года, пока немцы не перешли в наступление и техникум не эвакуировали в Самарканд.

К октябрю мы, учась на 4-м курсе, ускоренно закончили учебную программу и приступили к сдаче госэкзаменов, но из-за эвакуации они были прерваны.

Я тогда не поехал в Самарканд вместе со всеми, а пошел домой, где меня уже ждали две повестки из Сокольнического райвоенкомата. 18 октября 1941 года я явился туда и подал первую повестку — в летную школу. Мне говорят: «Опоздали, эта команда уже отправлена вчера из Москвы». Подал вторую повестку — в саперную часть. Эта группа как раз собиралась в одной из школ. Туда меня и отправили. Там я получил армейскую шапку с зеленой звездочкой и уже на следующий день покинул Москву. В городе Йошкар-Ола Марийской АССР формировался мой саперный полк.

Москва — Берлин

— Александр Иванович, расскажите о контрнаступлении под Москвой.

— 2 декабря 1941 года меня вместе с полком направили в Москву. Ехали мы в товарных вагонах. По окружной дороге нас отвезли на западное направление, на станцию Кунцево, и далее — до станции Одинцово, где и выгрузили. До ближайшей школы добирались бегом: по 30-градусному морозу, да еще в летнем обмундировании! И в школе, конечно, тоже было холодно. Пришлось затопить печь. На дрова использовали стулья и скамейки. Дым заполнил помещение, резал глаза.

5 декабря рано утром наши войска перешли в контрнаступление на западном направлении в районе Одинцово. Впереди была слышна боевая канонада и бомбежка. После артиллерийской подготовки в наступление пошли танки и пехота...

В одном населенном пункте, в доме на холме, немцы оставили для прикрытия смертника, прикованного цепью к станковому пулемету.

Наш второй батальон получил приказ стремительно продвигаться вперед. Шли мы, в основном, в темное время суток и должны были перекрывать пути отступления противнику. Сначала двигались пешим ходом, затем на лыжах. На пути мы встречали выжженные деревни. От домов остались только печи да трубы. Попадались тела немецких солдат, трупы убитых лошадей, брошенная немецкая техника. В одном насе-

ленном пункте, в доме на холме, немцы оставили для прикрытия смертника, прикованного цепью к станковому пулемету.

Продвигаясь безостановочно вперед, мы оторвались от всех своих обозов, артиллерии. Питались сухим пайком, который был уже на исходе. Пришлось перейти на подножный корм. Брали, что находили в оставленных домах. Ели жмых, ели убитых лошадей. От такой пищи болел желудок. Где-то просили еду у местных жителей. Хлеба у них самих не было, но все старались что-то дать нам: картошку, тарелку щей. Это продолжалось весь декабрь. В начале января наша рота с боями продвинулась на 250 километров от Москвы и вышла к городу Великие Луки. Завязались уличные бои с немцами.

— А что было после? В таком же безумном темпе наступления прошли и следующие годы войны?

— В августе 42-го меня командировали в Брянское военно-политическое училище. До этого я ведь служил на должности заместителя политрука роты.

До середины октября училище обустраивалось на новом месте. Готовились помещения. Заготавливали дрова на зиму, вылавливая бревна из реки. Учеба проводилась по сокращенной программе в течение шести месяцев. В конце апреля 1943 года мы сдали экзамены и получили звания лейтенантов или младших политруков. Я был откомандирован в резерв Главного политического управления Красной Армии в город Горький. После двухмесячного пребывания в резерве мне предложили переучиться на строевого командира любой специальности. Я решил — на артиллериста.

В учебном офицерском полку занятия проводились по программе артиллерийского училища, рассчитанной на год. Но в связи с начавшейся операцией «Багратион» и освобождением Белоруссии, мы закончили обучение за 10 месяцев. Затем отбыли на фронт.

В начале июля 1944 года 1-й Белорусский фронт получил приказ усилить наступление в Белоруссии. 18 июля 44-го войска 1-го Белорусского фронта начали Люблинско-Брестскую операцию. А на левом крыле фронта оборона противника была прорвана западнее Ковеля. Город был освобожден, и форсирование Западного Буга наши войска осуществили совместно с

польскими соединениями. 24 июля освободили Люблин. 28-го — Брест.

Я участвовал в операции по штурму Варшавы. 22–25 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта подошли к Познани и, преодолев оборону Померанского вала, 29 января вступили на территорию Германии. Однако противник еще не был разгромлен окончательно, ситуация в конце января на фронте резко ухудшилась. Высокие темпы наступления привели к растяжке и значительному отставанию тыловых частей.

— Я знаю, что Вы участвовали в Берлинской операции

— Это так. 16 апреля 1945 года за два часа до рассвета грохот артиллерийской канонады из более чем 40 тысяч орудий и минометов оповестил о начале завершающей операции войны. Это была самая мощная и короткая артподготовка: длилась она всего 20 минут. А перед этим, ночью, 743 дальних бомбардировщика нанесли удар по оборонительным пунктам немцев. В артподготовке мне во главе батареи 120-миллиметровых минометов довелось принять участие в подавлении огневых точек противника. На огневых позициях батареи от канонады были такие рев и грохот, что команды передавались не голосом, а разноцветными огнями ручного фонарика.

К исходу 19 апреля наши войска прорвали одерский и нейсенский рубежи обороны и продвинулись на 30 километров. Я воевал и на подступах к Берлину, и в самом городе Бои шли трудные — немцы отчаянно сопротивлялись.

Кстати, за эту операцию 1141 воин награжден орденами и медалями. В том числе я и мои друзья. А тысячи воинов-победителей оставили свои подписи на стенах Рейхстага. Среди них была и моя подпись.

Сергей ЛЕПЕШКИН,
2011 год

Москва 1941 года

Страна со вспоротыми венами
У всей планеты на виду.
Москва насупилась военная
В Сорок Обугленном году.
Затемнена Москва печальная,
Ей час от часу тяжелей,
И ощетинилась молчанием
Противотанковых ежей.

Как «ястребками» неустанными
Нам оборонить высоту,
Как заслонить аэростатами
Приговоренную Москву.
А женщина, как опаленная,
Как обнаженная душа.
Уже под сердцем нерожденное
Трепещет сердце малыша.

Пора жестокая военная,
И над страной смертельный суд...
Но руки женщины священные
Жизнь защищают и спасут.
То время кажется легендою,
Страна спасенная жива.
И нашей первою победою
Была несданная Москва.

Борис ДУБРОВИН

Александр Кузнецов

А.В. КУЗНЕЦОВ:
Ну, воевал, учился, в танке горел...

Орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и на всю жизнь закаленный характер — итог фронтовых лет Александра Кузнецова. Сразу после войны, в 45-м году, он соединил свою судьбу с девушкой, защищавшей блокадный Ленинград, и их семья, в которой каждый знал цену жизни, была крепкой на зависть.

Люди уходят, но воспоминания о них остаются. Историю своих родителей нам рассказала Лариса Короткова.

Не остаться в стороне

— Лариса Александровна, почему Ваш отец не любил рассказывать о войне?

— Знаете, когда внучки подходили к нему с просьбой: «Дедушка, расскажи что-нибудь о войне, нам сочинение писать задали», — он обычно отвечал так: «Ну, воевал, учился, в танке горел...» Очень сдержанным человеком отец был. Я думаю, эта выдержка появилась не просто так: тяжело было вспоминать о пережитом, вот и приходилось себя настраивать, «загонять в рамки».

Он однажды пошел на встречу фронтовиков, однополчан своих там не нашел и вернулся с каким-то осадком, очень расстроенный. Больше на такие встречи не ходил. А 9 мая 2010 года, в день 65-летия Победы, у него случился инсульт, думаю, тоже неспроста. Те эмоционально тяжелые фильмы, передачи, которые показывают в этот день по телевизору, фронтовикам смотреть очень сложно: они ведь воспринимают это не так, как мы, а через личный горький опыт... С воспоминаниями иногда сложно справиться.

— Как Александр Васильевич попал на фронт?

— В 30-е годы его семью причислили к кулакам (дом был покрыт железной крышей!), и отцу, молодому начальнику почты, имевшему дело с секретными документами, настоятельно посоветовали оставить эту работу. Он уехал из своей деревни в Ржев

и там устроился в дорожно-фуражную службу. Она давала бронь от армии, но, когда началась война, отец сразу пошел в военкомат добровольцем. В его трудовой книжке так и написано: «28.06.1941. Мобилизован в РККА». Потом уже он говорил: «А как я, взрослый мужчина, мог остаться в стороне, когда другие воюют?!» Ему было тогда двадцать три года.

Рядового красноармейца Кузнецова отправили в рабочий батальон 33-й учебной бригады, потом в учбат связи при этой бригаде, а в 1942 году он, уже старшина, стал морпехом.

Моего отца, 1 м 92 см ростом, она метров четыреста тащила на себе до повозки. Он кричал ей: «Брось меня! Ведь убьют же!» А девушка ни в какую.

Отец участвовал в жутких боях на Кавказе. Немцы там стояли стеной — за нефть. Отец рассказывал, что высоко в горах было холодно, и немцы сильно мерзли, поэтому советские войска старались планировать наступление на ранние часы, когда враг еще спит, а холод ощущается особенно остро.

— На своих поздних фронтовых фотографиях Ваш отец всегда заснят в одном ракурсе. Это неслучайно?

— Я долго не обращала на это внимания. Потом поняла: отец прикрывал обгоревшую часть лица. В 43-м его послали учиться в Харьковское военно-политическое училище, эвакуированное на Кавказ. Но неожиданно это училище перепрофилировали в танковое, и он стал танкистом. После окончания его назначили командиром танка Т-34. В Венгрии, близ озера Балатон, отец и получил тяжелейшее ранение. По приказу, ночью они заняли огневую позицию. Сверху, с холмов, должно было пойти наступление наших, которое танкисты (так планировалось) поддержат огнем. Однако вместо наших с холмов посыпали немцы и начали стрелять по танкам прямой наводкой. Водитель испугался и побежал. Отец, находившийся наверху, в башне, спустился вниз, чтобы развернуть танк и начать отстреливаться. Представляете, как раз в это время у танка снарядом снесло башню! Еще секунда промедления, и он бы погиб. Отец начал вытаскивать стрелка и мотористa. Сам жутко обгорел, но людей спас.

На этом «чудеса» не закончились. Рядом оказалась наша санитарка, совсем молоденькая девчушечка. Она ехала на повозке и увидела их. Я не знаю, как добирались стрелок и моторист (видимо, могли идти), но моего отца, 1 м 92 см ростом, она метров четыреста тащила на себе до повозки. Он кричал ей: «Брось меня! Ведь убьют же!» А девушка ни в какую.

Отец потом разыскивал ее, но, сами понимаете, не нашел...

Победу он встретил в госпитале, в Венгрии. Когда я спрашивала его про эмоции, он отвечал: «Ты не представляешь! Не верилось, что удалось выжить в этой мясорубке». А на мой вопрос, где было труднее — в танке, за броней, или в пехоте, где ты совершенно открыт, — он говорил, в танке. Потому что танк на виду у всех, он в лоб идет, а в пехоте укрылся за любой бугорочек, и вроде бы спрятан. Вот так он считал.

Таисия Макарова, будущая жена Александра Кузнецова

Она дождалась

— А как Ваша мама Таисия Петровна пережила блокаду?

— Она говорила, как ни странно это звучит, что в первую очередь от голода гибли здоровые мужчины, которые привыкли к нормальному постоянному питанию.

Мама служила телефонисткой на военном аэродроме в Ленинграде. Там паек был немного побольше, чем у обычного горожанина. Но и этого, естественно, не хватало. Подружка мамина потихоньку продавала вещи, и они покупали, что могли, из еды.

В 1944 году мама получила письмо от своего любимого человека, моего отца (познакомились они еще до войны), в него была вложена фотография: «Вспоминай! Жди! Твой Шура». Она дождалась. И в 45-м, после войны, мои родители поженились.

Елена КОЗИНОВА, 2013 год

Конверт

Ты помнишь: треугольники без марок,
на штампах номер почты полевой?
В твоем письме вчерашнем был подарок:
пустой конверт и адрес — близкий, твой...

Вчера ушло в года. А нам с тобою
не довелось ни слова написать.
И оказалось, что берутся с боем
любимых дорогие адреса.

Но я храню пустой конверт без жалоб —
от пуль и вьюг, от ливней и гранат —
и не как вещь, что в пальцах ты держала,
не как цветы и карточки хранят!

Храню, чтоб верить: снова в адрес близкий
его доставит почтальон с утра,
что есть такая с прошлым переписка,
такие письма — в юность, во вчера.

Марк МАКСИМОВ

Борис Балабанов

Б.А. БАЛАБАНОВ:

Не зря нашу пехоту называли «прощай, Родина!»

Кавалер двух орденов Красной Звезды Борис Балабанов живет в Хабаровске. Несмотря на почтенный возраст его очень трудно застать дома. Каждый день он старается наполнить полезными встречами, передать свой опыт и знания молодежи.

Пехоту не берегли

— Борис Александрович, как Вы себя чувствуете в свои 89?

— Намного лучше, чем в 1944–45 годах — в первых рядах нашей наступающей армии. Там была жуткая кровавая каша. До сих пор не пойму, как выжил. Все наши надежды разбила эта война.

— Потому что ее не ждали?

— Нет, народ на войну настраивался. Но в 41-м немцы почему-то оказались сильнее. Когда они шли на Москву, паника среди гражданского населения докатилась и до Хабаровска. Все были уверены, что Гитлер возьмет столицу. Но Москву отстояли, потому что в ней оставался Сталин. Уверен: если бы не он, город не удержали бы.

— А может, в первую очередь благодаря героизму солдат — таких как Вы и Ваши товарищи?

— Моя очередь пришла в 1943 году. После призыва — саперная учебка и запасной полк. Готовили почти год. Других призывников обычно уже через месяц бросали в бой. Длительная всесторонняя подготовка очень помогла мне в дальнейшем. В марте 44-го в звании сержанта в составе 178-й стрелковой дивизии попал на Калининский фронт, потом на Ленинградский, а оттуда через Прибалтику и Польшу дошел до Берлина. Много раз в составе всей армии ходил в атаки, трижды был ранен, участвовал в штурме Рейхстага. Из 127 человек моей роты с весны 1944 года до 9 мая 45-го дожили лишь семеро...

— Чем объяснить такие потери?

— По себе знаю: пехоту не берегли и гнали, как на убой. Наступали впроголодь, кормились тем, что под руку подвернется, полевых кухонь почти не видели. Зато выдавали спирт без всякой закуски, хотя я тогда не пил. Никаких кон-

сервов и сухпайков мы не получали. Моя саперная собака получала консервы, а я нет. Иногда съедал ее пайку, а ее кормил мясом убитых животных. Носили рванье, вместо сапог — красные, как лапы гуся, американские ботинки и сверху обмотки. Бани не видели, по самые уши во вшах, и никакого транспорта — все на своих ногах. Не считая нескольких лошадей с телегами для перевозки снарядов, патронов и раненых. Вплоть до самой Победы не хватало боеприпасов. В атаку давали не больше шестидесяти патронов и двух гранат. Их выстреливали махом, потом — погибай или сдавайся. Не зря нашу пехоту называли «прощай, Родина!». Потери у пехотинцев были несравнимо больше, чем у артиллеристов, фронтовых разведчиков, летчиков, моряков. Неслучайно среди нескольких сот хабаровских ветеранов войны нашего брата — считаные единицы.

— Как же вы побеждали?

— Благодаря упорству, смекалке, двужильной выносливости, готовности идти до конца. Заградительные отряды, которые за нами шли по пятам и которые мы, мягко говоря, не любили, тут ни при чем. Просто мы понимали, что Гитлер несет нам рабство, и без колебания шли в бой.

— С возгласом «За Родину! За Сталина!»?

— Да, поднимаясь из окопа, большинство по примеру командиров кричали эти слова. Первые два-три шага. И от души. Потом было уже не до того.

«Оборванная толпа» против «слаженной машины»

— А чем удивляли немцы?

— Это был геройский, нацеленный на победу народ. И очень организованный — хоть в атаке, хоть в обороне. Немецкая пехота почти всегда передвигалась на автомобилях, мотоциклах или бронемашинах. Потому была быстрая, свежая и мобильная. Не то что мы. Пока доберемся под огнем до немецких позиций, а фашистов уж след простыл. Когда шагали по Эстонии и Польше за отступавшими фрицами, эстонцы и поляки над нами открыто смеялись: как вы такой оборванной и плохо вооруженной толпой собираетесь разбить моторизованную слаженную машину?! Они не верили в нашу победу.

— Неужели в конце войны не ощущалось нашего превосходства?

— Не знаю, как другие рода войск, но наша пехота по снабжению и по вооружению уступала немецкой. Чего скрывать: немецкие пистолеты, автоматы, пулеметы, фаустпатроны по всем показателям превосходили советские образцы. При первом же случае я снял с убитого немца «шмайссер» и заменил им свой автомат ППШ.

Даже в 1945-м германские самолеты постоянно висели над позициями наших войск и охотились за каждым бойцом. Одного такого охотника мне удалось свалить из 20-килограммового противотанкового ружья прямо с телеги, на которой я ехал, когда он на нас прицельно пикировал с двумя бомбами. За этот удачный выстрел меня наградили орденом Славы III степени. При этом я почти ни разу не видел, чтобы наши летчики как-то препятствовали немецким. Когда мы спрашивали, почему, они отвечали — нет керосина. Конечно, попав в окружение, немецкая пехота тоже голодала, покрывалась вшами, испытывала нехватку боеприпасов. Но в остальное время мы ей завидовали.

— Как Вы лично переносили военные тяготы?

— При росте метр семьдесят весил пятьдесят килограммов. Не поверите, но сейчас, несмотря на возраст, во мне больше сил, чем тогда! Потому что нормально питаюсь. А в 1945-м в разгар рукопашной в Рейхстаге дюжий эсэсовец ударом кулака чуть меня не убил. Таким я был щуплым. Сытый солдат не чета голодному.

— Что было самым опасным?

— Лобовые атаки против укрепленных позиций врага. Только во время штурма Зееловских высот под Берлином наших полегло почти столько же, сколько американцев за все время Второго фронта. До сих пор не могу понять: неужели нельзя было бить не в лоб, а по флангам и прочим уязвимым местам? Ведь наступающие и так теряют больше, чем оборона. Но все эти мысли не дают покоя сейчас, а тогда шли в атаку без рассуждений.

Конечно, попав в окружение, немецкая пехота тоже голодала, покрывалась вшами, испытывала нехватку боеприпасов. Но в остальное время мы ей завидовали.

— Кого набирали в стрелковые части и как показали себя выходцы из разных республик и регионов?

— Брали всех — от восемнадцати до шестидесяти лет, со всех уголков СССР. И не было ни одной трусливой национальности. Будь то русские, грузины или евреи.

— А как же иногда звучащие разговоры о том, что евреи от передовой уклонялись?

— Не верьте. Самый мой надежный фронтовой друг — Миша Элдештейн из города Гомеля. Ему было лет 35. Воякa был отчаянный. Покруче, чем я. Это он зарубил саперной лопаткой эсэсовца, когда тот оглушил меня кулаком в Рейхстаге. Разница между нами была лишь в том, что мне немцы без оружия нравились, а ему нет. Миша рассказывал, что его семья погибла в Гомеле от рук нацистов.

Если смотреть в целом, то лучше всех дрались сибиряки и дальневосточники. Они показали себя самыми решительными, яростными, выносливыми, способными сломить любого врага. Немецкие генералы говорили: с русским солдатом мы бы покорили весь мир. А по-нашему, с такой техникой и снабжением, как у немцев, русская пехота разгромила бы их намного быстрей и без таких тяжелых потерь.

— При наличии опытных командиров…

— Командиры наших полков и дивизий ни в чем не уступали немецким. В любых ситуациях. Не могу забыть лето 44-го, когда наш полк в чистом поле был накрыт из дальней засады минометно-артиллерийским огнем женского финского батальона. Дело было под Выборгом. Этот женский батальон по подготовке и вооружению мог дать фору любому обычному. Командир полка бросил мой взвод в отвлекающую атаку, а сам в это время с основными силами зашел с другой стороны и уничтожил финскую артиллерию. Во время отвлекающей атаки через лес почти все бойцы моего взвода были убиты минометным огнем. Во взводе было всего трое русских, остальные — узбеки, которые шли на смерть без всякого страха. Мне навылет пробило осколком голову, но я все-таки выжил. И получил орден Красной Звезды.

Никто не поворачивался спиной

— Вы освобождали Европу. Как вели себя освобождаемые и освободители?

— Очень хорошо встречали простые прибалты и немцы. Старались нас накормить, угостить, пригласить в гости. Никто не поворачивался спиной. По глазам было видно, что не прикидываются. Да и за что нас было плохо встречать — ведь мы же никого не грабили и не насиловали, как об этом сейчас болтают. Были настолько измотаны наступлением, что нас хоть самих насилуй. Зато чем могли, делились со стариками, женщинами, детьми, несмотря на то что их сыновья и отцы продолжали сопротивляться. Хуже всех к нам почему-то относились поляки. Во всей Польше, сколько ни просили, ни разу никто не помог. Словно мы какие-то оккупанты.

В Германии больше всего поразила их жизнь. В любом городе и деревне все ухожено, чисто, красиво, богато, культурно, дороги заасфальтированы, в каждом доме мотоцикл, автомобиль или велосипед с прицепом.

— А что немцы говорили о войне и о Гитлере?

— Ругали изо всех сил. Говорили так: если Гитлеру и Сталину очень хотелось повоевать, то пускай бы вышли куда-нибудь и друг друга прикончили. Но не втягивали бы в это наши народы.

— Где Вы встретили Победу?

— После падения Рейхстага я выменял у пленного немецкого генерала свои старые сапоги на его хромовые. Он сам мне это предложил, добровольно, но меня посадили на гауптвахту. А через несколько суток выпустили и вручили за Рейхстаг второй орден Красной Звезды. К этому моменту я уже был переведен в роту охраны маршала Жукова при его штабе в Карлсхорсте.

Выдали новую форму, фуражку, начали нормально кормить. Появилось время для личной жизни. Случайно, после дорожной аварии, познакомился с ее виновницей — переводчицей Эльзой из нашей армии. Высокая, белокурая, она мне сразу понравилась. И я ей тоже, несмотря на свой скромный рост. Вспыхнула любовь, но после моей отправки в Союз все связи с нею порвались. Тем более, что даже переписываться с иностранцами запрещалось.

А в день Победы я был в карауле. Вечером 8 мая на моих глазах в Карлсхорст перед подписанием акта о германской капитуляции начали съезжаться немцы, англичане, французы, поляки, американцы... А в три часа ночи все делегации покинули штаб.

— Каким был Георгий Константинович Жуков?

— Он почти каждый день проходил мимо моего поста у парадного входа. Невысокий, властный, решительный, мощный, выражение лица каменное, почти злое. Ни разу не повернул головы в мою сторону, только отдавал честь. И, насколько помню, никогда не разговаривал и не здоровался ни с кем из охраны. В отличие от Жукова, маршал Рокоссовский даже в окопах здоровался с каждым солдатом за руку, и в войсках его очень любили. Рокоссовский берег людей, и побед у него было больше, а потерь значительно меньше, чем у других командующих. Зато Жуков обычно шел напролом.

— Вы только один раз попадали на гауптвахту?

— Арест за сапоги был девятым по счету. До этого наказывали за излишнюю инициативу или за то, что не давал собой понукать. Однажды в Польше взяли под стражу, после того как не подорвал, а разминировал авиабомбу. Но если бы она взорвалась, рухнул бы стоящий рядом дом. Для меня было важнее его сохранить. И так тогда поступали многие. Все были друг за друга, не пахло никакой дедовщиной, унижениями, хотя каждый ходил под пулями. Иначе немцев мы не одолели бы.

Виктор МАРЬЯСИН,
2012 год

***

Нет, не угрюмым стал и грубым
кто на прицеле глаз держал:

тому,
кто вправду шел по трупам,
примять ногой травинку жаль.

Он стал взыскательней и, верьте,
он любит жизнь еще нежней!

А хвастает привычкой к смерти
лишь тот,
кто не встречался с ней!

Марк МАКСИМОВ

Алексей Петров

А.И. ПЕТРОВ:

Несколько глухих разрывов — и с гарнизоном было покончено

О звании Героя Советского Союза молодой парень из деревни Филатова Гора Алексей Петров даже не мечтал. Сегодня он говорит, что делал то, что должен был, скромно упоминая о том риске, благодаря которому и получил высокое звание.

«Кому-то и на земле оставаться надо»

— Алексей Иванович, Вы начали свой фронтовой путь стрелком-бомбардиром под Сталинградом. А потом вдруг Вас отправили в пулеметное училище. Не жалко было расставаться с самолетом?

— А что делать? Рожденный ползать — летать не может. Жалел, конечно. Тогда вся молодежь в авиацию рвалась. Но кому-то и на земле оставаться надо. Такой землей для меня стал Ленинградский фронт, на котором и провоевал до конца войны. Там за первый бой я получил Героя Советского Союза.

— Расскажите, пожалуйста, об этом бое.

— После того как прорвали оборону противника на Карельском перешейке, наши войска устремились вперед. На одном из направлений наступал 468-й стрелковый полк, в котором я служил командиром взвода разведки. При подходе к небольшой речке он был остановлен мощным огнем. Нас очень волновал вражеский дот, который прикрывал подступы к переднему краю противника. Несколько атак на этом направлении закончились безуспешно. С большими потерями подразделения вынуждены были отойти.

Во второй половине дня командир полка подполковник Толстиков вызвал меня и приказал взводу уничтожить дот к утру следующего дня. Задача была сложная. С фронта к нему не подберешься, зайти в тыл невозможно: справа и слева тянутся траншеи, занятые фашистами. И все же я избрал последний вариант — рискованный, но дававший те несколько шансов, которых порой бывает достаточно, чтобы выполнить ответственное задание.

Готовясь к его выполнению, я скрупулезно изучал оборону противника, особенно

подступы к его переднему краю, схему траншей и ходов сообщения, которые предстояло преодолеть. Затем собрал личный состав и отдал боевой приказ. В нем я сообщил задачу взвода и отделений, назначил дозорных, распределил обязанности, установил сигналы. Затем проверил, как подчиненные усвоили мою задачу, каждый ли понимал сложность выполнения предстоящего задания.

Приказано уничтожить

— Были те, кто из-за страха отказался выполнить эту задачу?

— Нет, таких не нашлось. В последние минуты перед боем мой помощник сержант Владимир Новиков рассказал несколько забавных фронтовых историй. Это подняло настроение солдат.

Нервы были напряжены до предела. Один неверный шаг, и фашисты насядут со всех сторон, засыпят пулями, забросают гранатами.

В назначенное время двинулись в путь. Опустившийся туман помог незаметно подойти к реке. Первыми вошли в воду дозорные. За ними остальные. Плыли осторожно, держа оружие над головой. Бесшумно вылезли на противоположный берег. Мокрая и холодная одежда прилипала к телу. Пробирала легкая дрожь. Дальше двигались пригнувшись, чутко прислушиваясь к каждому звуку. Первую траншею преодолели ползком. Солдат в ней не оказалось, лишь невдалеке обнаружили пулеметчика и нескольких засевших в окопах немцев. Нервы были напряжены до предела. Один неверный шаг, и фашисты насядут со всех сторон, засыпят пулями, забросают гранатами.

Несколько раз над головой взмывали ракеты. Замерев, мы оставались на месте, зорко осматривая окружающую местность. Миновали вторую траншею. Начали забирать влево и здесь наткнулись на ход сообщения, который, по нашим расчетам, должен был привести к доту. Для прикрытия взвода с тыла я оставил двух солдат. Группа двинулась теперь уже по направлению к фронту. Впереди следовали опытные разведчики — Сергей Плотников и Николай Ермолаев. Они уже не раз хо-

дили в тыл противника, отличались беспримерной храбростью и завидным хладнокровием.

Ох и трудными были для нас эти 500–700 метров. Малейшая неосторожность могла сорвать выполнение задачи, привести к гибели всего взвода. Первый фашист встретился, когда до дота оставалось 70–80 метров. Он стоял в ходе сообщения и к чему-то прислушивался. На мгновение мне показалось, что успех задания висит на волоске. Но вот фашист отвернулся, и этого Сергею Плотникову оказалось достаточно, чтобы одним прыжком преодолеть несколько метров и нанести ему смертельный удар.

Постановочное фото. Алексей Петров крайний справа

На подступах к цели обнаружили еще двух часовых. Решили снимать их одновременно, чтобы ни один не смог вбежать в дот и прочно закрыть за собой дверь.

И опять вперед поползли Плотников с Ермолаевым. С другой стороны двое разведчиков создавали легкий шум и, имитируя птичий крик, отвлекали часовых. Наши убрали часовых врага, и путь к доту был открыт.

— Как дальше развивались события?

— Для охраны дота снаружи я оставил трех солдат, остальные тихо вошли внутрь. В двух ярусах находились два орудия и четыре станковых пулемета. Метровые железобетонные стены надежно защищали гарнизон от снарядов и бомб.

Солдаты действовали сноровисто и быстро. Дремавшие

около орудий и пулеметов фашисты были уничтожены огнем из автоматов в первые же секунды. В казематах подвала отдыхали более 30 солдат и офицеров. Одна за другой туда полетели гранаты. Несколько глухих разрывов — и с гарнизоном было покончено.

Расставив разведчиков у орудий и пулеметов, я приказал дать две красные ракеты. И в ту же минуту лавина огня с той стороны берега обрушилась на позиции противника. Враг в панике заметался по траншеям, а тем временем наши подразделения уже переправлялись через реку. Они вплотную подошли к молчавшему доту, и тогда, очевидно, поняв, в чем дело, фашисты бросили из тыла подкрепление, чтобы блокировать огневую точку и не допустить прорыва наступающих в глубину обороны. Однако, как только фашисты приблизились к нам на 150–200 метров, мы открыли сильный огонь из амбразур дота. Противник залег, а в это время с фронта накатывалась лавина атакующих подразделений. Наш полк выполнил поставленную перед ним задачу. И мы были очень рады, что внесли свой вклад в спасение Родины!

Анна ЗАХАРОВА,
2011 год

***

Помню, в горы врубались
На тропке витой,
Ослепленные брызгами льда...
Трудновато впервые
Досталось мне то,
Что давалось потом
Без труда.

И я понял,
Что мужество,
Сила и честь —
Все, что званье солдата дает,
Начинается
Кратким и собранным:
— Есть!
А кончается —
Грудью на дот!

Борис ДУБРОВИН

Раиса Сенина

Р.М. СЕНИНА:

Вот стоишь на вышке, а немцы над головой летают

Мы бежим по улицам своего города, постоянно спешим и хотим успеть куда-то. Это суета, от которой никуда не деться. И часто мы даже не замечаем лиц, которые нас окружают. А ведь они хранят в себе нашу историю.

Вот маленькая, худенькая женщина смотрит спокойно и ласково, и в ее глазах ты читаешь тяготы нелегкой судьбы. А ведь можешь так никогда и не узнать, что перед тобой участница Великой Отечественной войны, награжденная медалями «За оборону Советского Заполярья», «За оборону Карелии» и очень редкой — «Радист-партизан». Ты можешь этого так и не узнать, но, посмотрев ей в глаза и поговорив хотя бы несколько минут, обязательно все поймешь. Ведь после разговора с такими людьми ощущаешь, что рождаешься заново.

«Люди воюют, а я ворон считаю»

— Раиса Михайловна, если Вы не против, давайте вспомним о Вашем детстве... Где родились, учились?

— Родилась я в Орловской области, а в 30-х годах переехала с родителями в Москву. Как приехали, меня сразу в больницу положили с воспалением почек. Мы же детьми там, в деревне, коров пасли, вот я в поле на холодной земле и застудилась. Так что свое первое московское лето провела в больнице... После окончания восьмилетки пошла с подружкой на курсы чертежника-конструктора. Но так и не доучились. Война началась.

— 22 июня... Каким был этот день для Вас?

— Мы с подругой в Парке Горького были, гуляли, лето же. Помню, люди тогда кричать начали: «Война! Война!» Все и побежали кто куда; трамваи облепили — домой бы скорее. Мы решили тогда, что нам тоже надо на фронт, и пошли в военкомат. Говорим, что добровольцами хотим. А нас спрашивают: «Что умеете? Что вы на фронт-то рветесь?» А нам ведь по 17 лет было, говорим, медсестрами можем. Нас отправили в Яузскую больницу, в которую уже раненых привозили: «Там курсы сани-

тарок ведут, может, успеете». Пришли, а курсы закончились, ребят уже на фронт отправляют. Вот мы и остались.

А время трудное, карточки появились, и устроилась я на завод, манометры делать. Сначала у конвейера стояла, потом меня перевели в так называемый живописный цех, тогда на манометрах вручную писали. А через месяц, 20 июля, в Москве бомбежки начались. С подружкой мы к тому времени уже потерялись, и отец устроил меня на завод «Серп и Молот», в охрану. Вот ты стоишь на вышке, а немцы над головой летают. Постояла я так с месяц, потом думаю: что это, люди воюют на фронте, а я тут ворон считаю.

— Но с завода Вас ведь не должны были отправлять на фронт?

— Не должны. Надо было, чтоб меня сначала уволили. Я решила тогда прогулять один день или опоздать на работу. И не вышла на смену. Думала, что дадут мне расчет — и я опять в военкомат, проситься на фронт. Прихожу на завод, а мне — повестка в суд. Осудили на четыре месяца тюрьмы и прямо из суда увезли под стражей в Щербинку, под Подольском. А там, в основном, молодежь, комсомольцы. И ходили мы каждый день за три километра на строительство аэродрома. Гравий утрамбовывали, бетонировали, в общем, все делали. Я тогда и лошадь научилась запрягать.

Кто норму работы выполнял, тому на трассу привозили обед: немного перловки и 800 граммов черного хлеба. Наша бригада все время выполняла норму, и даже больше, и мы этот паек всегда получали. Это нас и спасало.

За неделю до освобождения у меня опять воспаление почек случилось, положили в изолятор с температурой. Вышла я оттуда, села на пригорке, долго сидела и никак не могла осознать, что уже не за колючкой, а на свободе. Когда в поезде ехала, мне казалось, что на меня все смотрят и все знают, где я была.

Неожиданное столкновение

— А как Вы все-таки оказались на фронте?

— Когда домой приехала, попалась мне на глаза газета. А там объявление, что радиоклуб производит набор добровольцев на курсы радистов для Красной Армии. Вот, думаю, наконец-то! И помчалась туда. Спустя три месяца обучения к нам пришли из центрального штаба партизанского движения и спрашивают: «Кто хо-

чет радистами в партизанские отряды?» Так мы все и пошли. Закончили еще курс обучения в спецшколе №3. Изучали строевую, стрельбу, радиотехнику и все, что может пригодиться нам во вражеском тылу. А потом приехал к нам полковник с Карельского фронта и отобрал пятерых радистов в партизанские отряды. Так я попала в Карелию.

— Расскажите, пожалуйста, как началась Ваша работа во вражеском тылу?

— Штаб моего отряда находился в 50 километрах от Беломорска, в деревне Вехта. Мы уничтожали связь противника, продовольствие, ходили в разведку и, конечно, участвовали в боях. А однажды случилось нам со своими же сойтись!

— Ничего себе! Как же это произошло?

— Мы своим отрядом в гарнизон шли. И надо было нам незаметно через реку перебраться. А территория неизведанная, и пошел разведчик все проверить. Трава высокая была, он и напоролся на мину. Как ухнет по всему лесу! Наши партизаны бросились искать его, не оставлять же. Паренек остался жив, ухо ему оторвало. Нам бы идти дальше, но рассекретились уже. Финны на том берегу нас заметили, переправились в лодках и за нами. Мы — отступать. Уже темнело, но разведка доносила, что финны следом идут. Долго мы от них уходили. Когда оторвались, то расположились на ночь, а из штаба нам по рации тогда сообщили, что своих в нашем квадрате нет. Только стали засыпать, как вдруг разведчики докладывают, что внизу, за сопкой, в полутора километрах от нас, расположились люди и разговаривают они вроде бы не по-русски. Значит, финны?

Посадил он меня тогда под большущую сосну и говорит: «Сиди здесь, не шевелись, чтобы рация цела была».

Утром, чуть стало рассветать, наши три взвода обошли их с тыла, а мы с флангов. И началось! У «противника» убили одного человека, который во время перестрелки полез за котелком с кашей! Сорок минут бой шел. Наша сопка оказалась редколесная, и все видно, как на ладошке, а у них кругом валуны. Тогда наш командир нескольких партизан в обход отправил, а сам с остальными ребятами решил в лоб идти. Посадил он меня тогда

под большущую сосну и говорит: «Сиди здесь, не шевелись, чтобы рация цела была».

Опять начался бой, и вдруг оттуда, снизу, «финны» кричат: «Твою мать! Медведков, ты куда прешься?» Оказалось, это был отряд наших пограничников. Они, как и мы, на базу шли. Сообщили мы потом об этой ошибке в штаб, там нас, конечно, обматерили как следует.

«Веточек настелешь — вот и постель»

— Раиса Михайловна, партизанские будни — какие они?

— В те годы мы по карельским болотам хорошо побегали. Сначала у нас проводник был, довел нас до границы, а дальше — сами. Уничтожали вражеские радиостанции, пункты связи, обозы с продовольствием громили. Иногда делали небольшие передышки. Когда была очень слякотная погода, дожди, то недельку-полторы на отдыхе стояли. А потом опять бегом по валунам, рвам, с рюкзаками за плечами. А каждый рюкзак весил по 40 килограммов! Мы ж в тылу, провизией надо было запастись надолго, одних только сухарей каждый нес по 15 килограммов. А еще топоры, пилы, котелки, оружие, да много всего. У нас ребята умели специальные костры разводить, бездымные, чтобы с воздуха не заметно было. На привале ягод сварим, поедим и спать. Веточек настелешь — вот и постель. Ребята все смеялись: «Почему вшей у нас нет? А потому, что мы спим на земле, а они на земле не водятся».

— Наверное, помимо тягот войны, карельские просторы таили в себе и другие опасности?

— Был такой случай — один из наших во время боя неправильно сориентировался и потерялся. Двадцать один день пограничники вели поиски. Потом его все-таки нашли. В первые дни, как потерялся, он еще выходил на связь по рации, пытался дать свои координаты. Но заряд у рации садился, да к тому же сигнал могли враги перехватить, и ему приказали рацию больше не включать. Вот парень и бродил по тайге почти месяц. Благо, лето было — ягод, грибов много. Наберет брусники, черники — тем и сыт. Когда пришел, не узнали его. Худенький, бледный! С ложечки потом кормили, выхаживали. Фельдшер у нас была в отряде, они дружили, а после войны поженились и уехали в Ригу.

— Наверняка это не единственный пример того, что любовь не покидала человека даже в самое трудное время?

— А у нас там семь семей сложилось. Вот как дружили ребята с девчатами, так потом и поженились.

«А поток эшелонов все шел»

— Насколько я помню, осенью 1944 года мы заключили перемирие с финнами. Как в дальнейшем сложилась Ваша судьба на войне?

— После этого командующий нам, девчатам, говорит: «Отвоевали свое, хватит с вас, я вам даю дембель, и идите по своим военкоматам, откуда вас призывали». Я пришла в военкомат, мне выписали красноармейскую книжку, но сказали, что радистов кругом сейчас не хватает, и не отпустили меня.

Послали нас тогда в 133-й зенитно-артиллерийский полк на станцию Костерево под Москвой. Но мы же не зенитчики, и для нас там работы было мало. Постоянно ходили к командующему, просились в действующую армию, у нас ведь опыт уже был.

Ходили, ходили, он нас с подругой и отправил 226-м бронепоездом на станцию Дно, недалеко от Ленинграда. В то время как раз Ленинградскую блокаду прорвали. Немцы с самолетов бомбили станцию, не переставая, а поток эшелонов с продовольствием все шел. Мы отстреливались, старались сбить их.

— А в самом Ленинграде Вы не были?

— Нет, не довелось. Но я и на станции всего насмотрелась. Целые эшелоны под откосами валялись искореженные, и убитые были, и раненые. Бои шли страшные.

— А как у Вас, семнадцатилетней девушки, получалось ни в чем не уступать мужчинам?

— Нет, не все так просто было. Набегалась я тогда по лесам, получила растяжение суставных связок на обеих ногах. Потом мучилась месяцев восемь. Сеточку мне йодом сделают, перевяжут ноги, в сапоги — и пошла. Отряду останавливаться нельзя: дальше в лес уходит. А я посижу несколько минут на привале, боль немножко поутихнет, потом своих догоняю. Ребята мне помогали: заряд для рации носили. Батареи тяжеленные — 50 килограммов! А саму рацию всегда при себе держала: я ж за нее жизнью отвечала!

— Раиса Михайловна, какие еще примеры мужества и стойкости наших людей Вы можете вспомнить?

— С одной десантной группой у нас история неприятная произошла. Были в этой группе два радиста, начальник штаба и десятка два партизан. Когда их забросили в разведку, всех раскидало так, что потом не нашли они друг друга.

В живых тогда остались начальник штаба и радистка Лида, подруга моя. Их вместе выбросили. При них рация была: по очереди дежурили, спали, сменяя друг друга. Начальник штаба заболел, слег с температурой. У Лиды тогда возникли сомнения: хватит ли у него мужества, готов ли он идти дальше. И пока он спал, она радиостанцию и шифр в лесу спрятала. Когда вернулась, командир у нее оружие отобрал и сказал, что они будут сдаваться, требовал шифр. Она ответила, что потеряла, но он все-таки отвел Лиду к финнам. Ее там и били, и голодом морили, чтобы коды выведать, но так ничего и не узнали. Тогда финны заставили ее работать на их штаб — радисты всем нужны были. А у нас, у радистов, сигнал определенный есть, который означает, что ты работаешь под принуждением врага. И его в радиотелеграмме могли определить только наши радисты. Вот Лида этот знак в виде точки после определенного слова постоянно и передавала.

А после войны, когда заключили перемирие и русские с финнами стали военнопленными обмениваться, начальника штаба расстреляли сразу же, прямо на месте, а Лиду очень долго таскали в СМЕРШ. И, в конечном итоге, дали ей восемь лет! До того, как ее посадили, это была энергичная, красивая женщина, а вернулась оттуда вся больная... Но она, когда вышла, подала на реабилитацию, и специальная комиссия занялась расследованием ее дела. Нашли все засекреченные сигналы, которые она посылала, работая под принуждением. И Лиду реабилитировали.

— Кого еще из своих подруг Вы вспоминаете спустя годы?

— Когда мы в спецшколе радистов были, с нами дочь Рокоссовского, Ада, училась. Ее отец тогда с фронта приезжал, уговаривал, хотел забрать, но она ни в какую, так и осталась. Потом при штабе работала радистом. И уже после войны к нам на встречи радистов приходила. Хорошая она была, да и отец ее был человеком очень приятным.

Александра РЫБИНКИНА,
2013 год

Поля

Нетерпеливы и легки,
Разбрасывая зелень,
Продавливают каблуки
Податливую землю.

Пружинят мирные поля
У фронтового леса...
Какая мягкая земля,
А сколько в ней железа!

Борис ДУБРОВИН

Григорий Кульбака

Г.Н. КУЛЬБАКА:

Нас погрузили на пароходы, чтобы затопить в водах Балтики

Для нас 3 мая — очередной день перед великим праздником — Днем Победы. А для Григория Кульбаки он особенный. И светлый, и трагический. 68 лет назад, в этот самый день 1945 года, ему удалось спастись в одной из крупнейших морских катастроф за всю историю человечества.

«Григорий! Петро!»

— Григорий Никонович, Вы ведь жили в оккупации?

— Да, и довольно долго. В нашем доме, в Томаковском районе Днепропетровской области, квартировал немецкий офицер. А в большущем колхозном сарае во дворе была сосредоточена вся их техника: танки, самоходки... Там же ее и ремонтировали. Я, 16-летний мальчишка, в сарае появлялся редко, а брат мой младший, Петя, только там и торчал: его вечно просили что-нибудь принести да подать.

Мой двоюродный брат Давыд жил неподалеку. Он служил летчиком, попал в плен, но был отпущен. Удивляетесь? Дело в том, что немцы военнопленных, живших на оккупированной ими территории, возвращали домой: собирать урожай для отправки в Германию. Давыд — партиец, патриот, безропотно работать на врагов было не в его правилах. Он ушел в леса, организовал партизанский отряд и занялся диверсиями.

Я виделся с ним вечерами. Партизанам необходима была немецкая форма, и Давыд обратился ко мне с просьбой: «Гриша, нельзя ли для нас раздобыть какое-нибудь обмундирование, хоть рваное, грязное?!» Я не раз видел, как немцы сбрасывали в ров какую-то одежду, и обещал помочь. Дома на всякий случай шепнул Пете: «Видел, где они раздеваются, куда одежду вешают? Если засечешь, как выбрасывают что-нибудь, припрячь!»

А через два дня мой Петя меня в конюшню ведет. Там до потолка у нас «кирпичи» из навоза были сложены — на протопку зимой. Он несколько таких «кирпичей» вытаскивает, и — что бы вы думали? — достает две формы немецкие! Новые совершенно! Я чуть не поседел! Только тогда понял, что

если, не дай бог, засекут, пропали мы... Еле-еле вымолвил: «Никому ни слова!» — и отправился Давыда разыскивать.

Тот велел дождаться, пока ночью заснет часовой, забрать форму из конюшни и закопать в огороде. Мне удалось. Но после этого из дома пришлось исчезнуть: через два дня после пропажи немцы хватились и начали искать виновных. По дому только и раздавалось с акцентом: «Григорий! Петро!» А я к тому же уже был у них в «черном списке». Как только началась оккупация, немцы разослали подросткам повестки на работы. Я туда не пришел и ходить не собирался. Поначалу это вроде бы никак на мне не отразилось, а теперь припомнили!

В один из вечеров я все-таки прибежал домой: есть-то где-то надо было... Меня тут же схватили и закрыли в сарае вместе с Петром. Уж не знаю, сколько пришлось там просидеть. Помню, как нас вытащили и подвели к навозной куче во дворе. Немецкие солдаты встали вокруг с автоматами. Подошел офицер.

— Вы поняли, что вас с братом собираются расстреливать?

— Я подумал, запугивают. И Пете так сказал. От расстрела спасла нас мать. Она увидела в окно, как окружили ее

Григорий Кульбака в лагере, г. Киль, октябрь 1942 г.

сыновей, и пулей вылетела во двор. Я никогда не видел, чтоб мать так бежала! Она бросилась в ноги офицеру, начала целовать сапоги с криками «Киндер! Киндер!». А он стоял в замешательстве и переводил взгляд то на нас, то на нее, рыдающую. Потом взял Петю за шкирку и пинком швырнул его матери. Меня забрали в полицию...

В октябре 1942 года я был отправлен в немецкий город Киль, в лагерь. Работал на Кильском канале. Нам тогда говорили, что это «убежище для немецких подводных лодок».

Труд был тяжелый, на канале все мокрые ходили, голодные. На три дня получали

только буханку хлеба, зернистого такого — зерна почти целые! И однажды мой друг Николай Дружко сказал: «Гриша, подохнем мы здесь! Давай бежать!» А как бежать-то?

Нас поднимали часов в пять утра и в шесть гнали на работы. Заключенные шли колонной по асфальтированной дороге, где встречались автобусные остановки. Спереди и сзади шагали вооруженные полицаи. Передние были нам не страшны: они нас не видели. И вот, мы подловили момент, когда отвернулся задний, и шмыгнули за автобусную остановку, потом в овраг и в лес!

Подшутила судьба

— На что же вы надеялись во время побега?! Ведь вы в чужой стране, куда идти, не знаете, кругом немцы...

— Мы действительно не знали, куда бежим. Но так боялись в лагере быть! У начальника лагеря были такие выслуживающиеся полицаи. Ох, уж как они издевались! Как били!

Мы с Николаем семнадцать километров прошли. Из леса вышли на широкую дорогу, по направляющим надписям на поворотах ориентировались. По пути встретили елочные насаждения, и так на сон потянуло! Не выдержали — рухнули в елках. После отдыха наш поход длился недолго...

Обогнали нас на дороге два немецких солдата — велосипедисты. Посмотрели так подозрительно и вперед поехали. Я Николаю говорю: «Слушай, похоже, взяли нас на учет!» Он отмахнулся. А дорога на поворот пошла, мы поворачиваем — начинается село, а у первого дома... два велосипедиста, те самые! Они нам: «Ком, ком!» Ну как же тут было не «ком»? Мы же безоружные.

Отвели нас немцы в контору. Там долго держали. Потом явился какой-то старичок, в фуражке черной, со значком (он оказался участковым полицаем), и увел нас в сарай. Там стояли сеялки-веялки всякие... А в углу было окошечко маленькое: немецкие мальчишки с криками «рус! рус!» кидали в него снежки. Через несколько часов он нас оттуда забрал, по кусочку хлеба сунул каждому, и оказались мы в конце концов в тюрьме города Киля. Горько подшутила над нами судьба: больше всего боялись мы кильского лагеря, а оказались в еще более страшном месте — концлагере Нойенгамме. Стоял январь 1943-го, я пробыл в Нойенгамме почти два с половиной года.

— Столько времени! Вам удавалось как-то поддерживать себя морально?

После войны Григорий Никонович (крайний слева) сумел найти фото, где он находится в концлагере Нойенгамме в плетельной команде

— Только этим и жили! Когда Паулюс под Сталинградом в плен попал, знаете, какое торжество было?!

— А вы знали, что творилось на фронте?

— Да. Немцам тяжело было все контролировать. Польша рядом, оттуда многие заключенные письма и даже посылки получали (по мере продвижения советских войск на запад немцы смягчали условия содержания). Охранники у нас разные были: некоторые нет-нет да и расскажут что-нибудь.

Представляете, в Нойенгамме действовала целая подпольная военная организация! Возглавлял ее Василий Букреев. Узникам давали указания, и они устраивали саботаж.

Катастрофа

— Есть сведения, что советских офицеров немцы опознавали по «интеллигентным лицам»...

— Это правда. Вот в Маутхаузене, концлагере на австрийской территории, начальник в день рождения своего сына учил его стрелять из пистолета по движущейся цели: сорок «интеллигентных лиц» расстрелял, пока учил...

Весной 1945 года союзные войска наступали, и Гиммлер

приказал: «Ни один узник не должен попасть в руки врага живым». Нас погнали в порт Любека и погрузили на пароходы «Кап Аркона», «Тильбек» и «Атена», чтобы затопить в водах Балтики. Каждый корабль был окружен двухметровыми деревянными щитами. Знаете, для чего? Чтобы с проходящих пароходов не было видно, что там творится!

На суда погрузили около 13 тысяч человек. Эсэсовцы, одетые в спасжилеты, расстреливали пленных на палубах. Днем корабли подверглись атаке с воздуха. Но это были не немецкие, а английские самолеты! Есть версия, что у них был приказ уничтожать все немецкие суда в данном районе. Они его и выполняли...

Бомба попала и в «Тильбек», на котором находился я. Корабль пробило насквозь, капитан погиб. Вода хлынула в пробоину, и пароход с невероятной силой сотрясло! Нас кидало по всему пространству. Нижний трюм с огромной скоростью наполнялся водой. Железная лестница, ведущая наверх, забилась до отказа. Ее загромождали люди, которые лезли на палубу, и трупы расстрелянных на палубе, скатывающиеся в проем. Я помню, как одной рукой ухватился за эту лестницу, а дальше продвинуться не мог: у меня висли на ногах, тянули за руки, за голову даже!

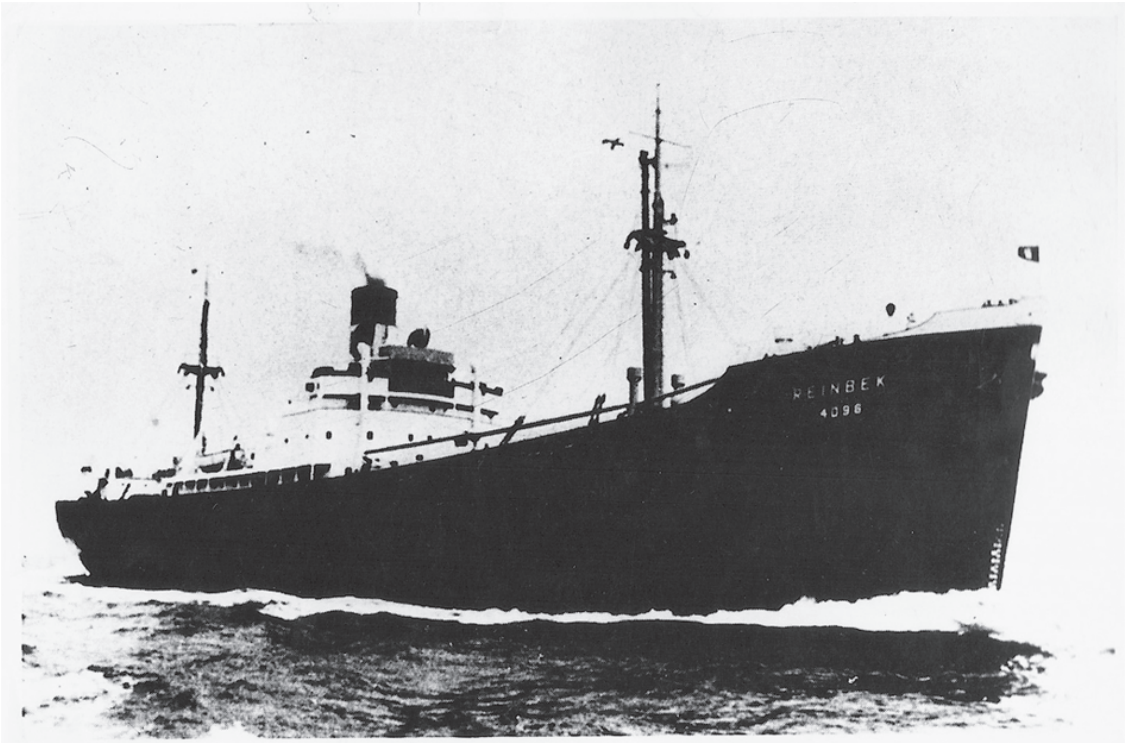
Когда пароход стал совсем заваливаться на бок, эсэсовцам стало уже не до нас. Я не соображал ничего, просто лез и все. Помню, за борт были спущены веревки. Ограждающие щиты уже давно снесли. Пароход задрожал, меня ударило о борт, я схватился за веревку и... перевалился в воду...

Вода хлынула в пробоину, и пароход с невероятной силой сотрясло! Нас кидало по всему пространству.

Это было 3 мая 45-го. Ледяная вода. Смерть. Страх. И, как выяснилось потом, 7000 погибших! Я взгромоздился на доску в полубессознательном состоянии, со мной еще несколько человек. И сейчас перед глазами эти веревки, по которым выбираются люди. Оборванные, абсолютно голые...

Рядом со мной на двух досках проплывал какой-то поляк, я попросил у него одну. Услышав в ответ ругань, со злости ухватил его за ногу.

Die „Thielbek" nach der Wiederherstellung: Dampfer „Reinbek".

Пароход «Тильбек»

Поляк выпустил доску, и я кое-как взобрался на нее. Не было сил грести. Волны подогнали меня к Эдику — другу, с которым мы вместе плели веревки в Нойенгамме. Он забрался на мою доску.

Из порта Нойенштадт, обеспокоенные судьбами эсэсовцев, на катерах прибыли молодые немецкие курсанты. Они стали спасать и заключенных! Нам с Эдиком подали багор. Теперь с трудом вспоминаю, как же я забрался на катер... Это было колоссальное нервное напряжение! Я, контуженный, попал в госпиталь Нойенштадта. К вечеру город уже заняли англичане.

Вылечившись, я присоединился к войскам Красной Армии и прослужил до 1950 года. Как потом узнал, в 1945-м скончался мой брат Петя. Он выжил во время оккупации, а умер от аппендицита...

— Григорий Никонович, Вы до сих пор ездите в Нойенгамме. Стоит ли?

— Да, нас каждый год туда приглашают и принимают очень хорошо. Тяжело становится, когда у памятника стоишь. Воспоминания как нахлынут! Как волна в пробоину «Тильбека». Но это же Память...

Елена КОЗИНОВА,
2013 год

Ваши следы

Снег на висках обелиска,
Только почудилось вдруг,
Словно вы ходите близко,
Видите все, что вокруг.

Словно решились о чем-то
Не отболевшем спросить...
Тучей задернута черной
Неба истлевшая синь...

Пусть набежали сосенки
К стыку былых рубежей,
Пусть запахали воронки,
Пусть не увидишь траншей, —

Помню, отчетливо помню
Возле невидимых троп
Около каменоломни
Каждый отрытый окоп.

Помню я, помню, ребята,
Здесь, где с горбинкой увал,
Кто в нем с последней гранатой
И с карабином стоял.

Помню за каждым отсеком
Каждую гильзу в бою...
Кажется, даже под снегом
Ваши следы узнаю.

Борис ДУБРОВИН

Яков Астановский

Я.З. АСТАНОВСКИЙ:

8 мая 1945 года мы всех погибших вспоминали поименно

Война — тяжелое слово для всех ее участников. Каждый день, проведенный в бою, глубоко врезается в память. Спустя столько лет полковник Яков Астановский может вспомнить каждого, кто воевал с ним в ту страшную войну.

Из Европы в Азию

— Яков Захарович, где Вы находились, когда началась война?

— Как раз закончил восьмой класс, в поселке Андреаполь Калининской области. Отца сразу же взяли на фронт. И я в свои шестнадцать лет остался за старшего в семье. Брат был на три года младше, сестра — совсем еще ребенок. Конечно, матери трудно приходилось с нами.

В июне 41-го мы жили надеждой, что война — это ненадолго. Но когда 22 июля (я точно помню дату) немцы начали бомбить наш поселок, мы поняли, что дело гораздо серьезнее, чем мы думали.

Вскоре нам сказали, что нужно эвакуироваться: близится фронт. Подали эшелоны. Мы взяли с собой необходимые вещи — и на вокзал. Нас повезли в Калинин (сейчас Тверь), там распределили, покормили горячей пищей, а потом, не помню на какой день, посадили на баржу и по Волге-матушке отправили до Чебоксар.

Мать заболела плевритом. Для лечения надо было банки ставить — мы на барже собирали стаканы, у кого есть. Спирта не было; сворачивали газеты, поджигали и ставили ей банки.

Из Чебоксар отправились в деревню Кугеси. В колхоз пошли работать. Потом — учеба в школе, до 1943 года. Оттуда взяли меня в армию и направили в Чкаловское пулеметное училище (г. Чкалов теперь называется Оренбург). Там я пробыл около года. У нас все время все менялось: то минометчиков из нас будут готовить, то пулеметчиков. Мы с ребятами смеялись, что каждый день переходили из Европы в Азию. Там река Урал течет, само училище располагалось на европейском берегу, а занятия проходили

в Зауральной роще — на азиатском. И утром после завтрака нас строем через мост — в другую часть света. В апреле 1944 года я закончил училище.

На фронте

— На какой фронт Вас направило командование?

— В апреле 1944-го я попал на 1-й Белорусский фронт командиром пулеметного взвода. Там воевал, был легко ранен. Вскоре после этого меня назначили командиром стрелковой роты. И меня еще раз ранило — уже покрепче. Отправили в город Пинск в Западной Белоруссии. Там я три с половиной месяца лечился, а оттуда попал в 274-й отдельный моторизованный батальон особого назначения (ОМБОН). Интересная штука тогда приключилась... В госпитале я познакомился с одним лейтенантом. Он мне говорит: «Ну сколько ты будешь ползать на брюхе в этой пехоте? Толку-то что?! Вот на 1-м Белорусском фронте есть один батальон — 274 ОМБОН. В задачи батальона входит форсирование водных преград, захват плацдармов и удержание их до подхода пехоты. Тяжелое дело, но там ты видишь свой труд. Приезжай в наш батальон, там нужен командир пулеметного взвода, это твоя специальность». Девчата из секретариата госпиталя вместо «младший лейтенант 132-й стрелковой дивизии Астановский...» написали справку «младший лейтенант 274 ОМБОН Астановский направляется в свою часть» — и все!

Опять на фронт! Приняв взвод, снова начал воевать. Во взводе — человек двадцать. И с этим батальоном я прошел до конца войны. Во всей Красной Армии всего четыре ОМБОНа было. На 1-м Белорусском фронте всего один — наш.

— Много товарищей потеряли?

— Да... Мы же форсировали водные преграды. А при форсировании много потерь было... Когда дошли до Берлина — расписался на Рейхстаге. Наш батальон 4 мая расположили на центральном берлинском стадионе «Олимпия» с задачей воспрепятствовать высадке десанта армии немецкого генерала Венка. Мы там были с 4-го по 8 мая, а никакого десанта не было. Вечером 8-го стрельба по всему Берлину началась. Непонятно почему, но стреляли вверх, кто из чего мог. И мы стреляли, кто из чего. А радистки наши, которые на связи сидят,

говорят: «Война кончилась...» Наш командир подполковник Бородин приказал собрать маленький офицерский вечер. Помню, накрыли на стол, что смогли, и вот тогда-то это был праздник со слезами на глазах. Вспоминали погибших... 8 мая 1945 года мы всех вспоминали поименно.

— Расскажите, пожалуйста, о форсировании.

— У нас были американские машины «амфибии». Они идут и по земле, и по воде. Нас три роты — порядка 30 машин. Форсирование начинается затемно, потому что если будет светло, нас с того берега враз немцы перебьют. Еще до наступления утра заводят машины, звучит команда «вперед», и мы идем. Добираемся до нужного берега, выскакиваем из машин. Они отправляются обратно. Мы окапываемся. Лежать иногда приходилось практически в воде. Окоп выроешь, а толку никакого! При форсировании Одера я заболел желтухой. Паршивая болезнь. До этого ею заразился командир роты капитан Куприянов и отправился в госпиталь. Когда доложили командиру батальона еще и про меня, он сказал: «А кто же теперь в роте останется из офицеров? Лечитесь здесь!» Ну а тут форсирование. И что вы думаете? Когда форсировали, мы пролежали там часов шестнадцать, наверное. Сверху бомбили самолеты, немцы атаковали, а мы отбивались. И желтухи как не бывало!

День рождения

— Были ли моменты, когда Вы думали, что уже не выживете?

— Особенно тяжело было в пехоте. Меня назначили командиром стрелковой роты — имел почти сто человек в подчинении. Все они были старше по возрасту (мне-то всего восемнадцать было!), у многих семьи, дети. И я отвечал за этих людей.

Были моменты, когда я боялся. 23 августа 1944 года меня ранило осколком в ногу. Меня перевязали, хромаю, но не иду ни в какой госпиталь — ротой же командую, младший лейтенант. Ну и 25 августа вечером меня вызывает командир полка и говорит: «Ты учился в училище, грамотный. Хочу поручить твоей роте большое дело». Берет карту и рассказывает: «Вот впереди лес. За лесом поляна, метров четыреста, наверное, и деревня. Скоро начнется армейское наступление. Нашему полку приказано

взять эту деревню. Как ее взять? Я решил таким образом: ты со своей ротой на рассвете без стрельбы проходишь лес и через эту поляну врываешься в деревню и захватываешь ее. Если выполнишь задачу, даю тебе слово, представлю к Герою». Я с воодушевлением говорю: «Возьмем деревню!»

Рано утром мы проходим этот лес, а в лесу стоит немецкая артиллерийская батарея. Сидят немцы и из котелков кушают. Нас никто не ожидал — без стрельбы же идем. Когда ворвались, они только руки подняли. Времени нет, я приказал солдатам вытащить замки с орудий, чтобы обезвредить батарею. Выделяю трех человек, чтобы пленных немцев отвести. Вырываемся из этого леса, впереди деревня, и на «ура!» туда бежим. Вдруг откуда ни возьмись справа три немецких танка! Начинают стрельбу по нам вести... А мы вперед, только вперед, больше некуда. Вот я бегу, смотрю на солдата, он тоже бежит. Жить-то хочется — и он старается не вырываться вперед. И вот, наверное, метров за сто от деревни, — мне в бедро сильный удар. Я раза три перевернулся через голову и больше ничего не помню, отключился.

Проснулся через день, глаза открыл — тишина. Стоят палатки, сестры в белых халатах — понял, что это полевой госпиталь. Я лежу на одеяле на траве забинтованный. Посмотрел, огляделся. Сестра увидела, что я пытаюсь встать на ноги, и подбежала: «Сейчас я вам завтракать принесу!» И несет мне гречневую кашу. Спрашиваю: «Сестричка, а какое сегодня число?» — «28 августа». — «Не может быть!» — «Почему?!» — «Мне сегодня 19 лет...»

Спрашиваю: «Сестричка, а какое сегодня число?» – «28 августа». – «Не может быть!» – «Почему?!» – «Мне сегодня 19 лет...»

Тогда и она говорит: «Не может быть!» Я лезу в карман гимнастерки, вытаскиваю удостоверение личности, даю ей посмотреть. Сестричка мне: «Погодите, не кушайте!» Убежала, а потом несет мензурочку медицинского спирта: «С днем рождения!» Я спирт этот выпил, кашу съел, а вскоре машину подали. Погрузили раненых в санитарный поезд и

отправили в белорусский город Пинск. Оттуда-то я и попал в ОМБОН. Когда был в госпитале, писал в свою часть, но так и не получил ответа, взяли мы ту деревню или нет.

Встреча

— Ваша семья всю войну находилась в Чебоксарах?

— Когда освободили нашу местность, семья уехала опять в Андреаполь. Я им писал. Так мы нашли друг друга. Отец потом с фронта пришел, раненый. Его в Великие Луки перевели, когда война кончилась. Семья туда и перебралась...

— Когда Вы впервые после войны встретились с родными?

— Это был март 1946 года. Уже лейтенантом служил в Германии, и мне дали отпуск. Я добрался до Великих Лук, а никто меня не ждет. Приезжаю рано утром, день был воскресный. Выхожу с чемоданчиком и вещмешком. От станции до города три километра, автобус не ходит. Подходит ко мне мужичок с саночками: «Давайте чемоданы, отвезу. Мне деньги не нужны, талоном заплатите». Нам, офицерам, давали талоны на получение продуктов. Договорились. Идем, он рассказывает про город. Дошли до рынка, я говорю: «Давай подальше, вдруг мать на рынке, увидит меня, и плохо ей станет: столько ведь лет прошло!»

Добираюсь по адресу, рассчитываюсь с мужичком. Поднимаюсь на второй этаж, стучу. Дверь открыл младший брат (он тогда в 10 классе учился) и единственное, что он смог сказать: «Кого я вижу! Кого я вижу!» А на мне шапка, шинель, пистолет в кобуре. Тут и сестренка выскочила и как бросится мне на шею. Мать на кухне была, ничего не подозревая, идет к двери и видит меня. Я говорю: «Ну здравствуй, мамаша, принимай сына в гости!» Она бросилась мне на плечо и давай плакать...

И повели меня в комнату (коммунальная квартира, в одной комнате они все жили). Полати отгороженные, столик срубленный, вместо стульев — чурбаки. Я спрашиваю: «Где отец?» (Я его не видел с 41-го года.) — «Да пошел по делам, он работает, придет скоро». Я раздеваюсь. Как они рады, Господи Боже мой! Когда увидели в окно, что отец идет, спрятали меня за занавеску, а сами сидят. Отец вошел, и первый вопрос: «От Яши писем не было?» «Нет, не

было», — отвечают и улыбаются. — «А что улыбаетесь?!» «Мы не улыбаемся», — отвечают. Я через щелку вижу все, не выдерживаю, занавеску в сторону, вылетаю навстречу: «Здравствуй, батя!» Он бросается ко мне, слезы Я вытаскиваю пачку «Казбека» и закуриваю. И отец тоже, хотя недавно курить бросил.

Иван ГОРБУНОВ,
2011 год

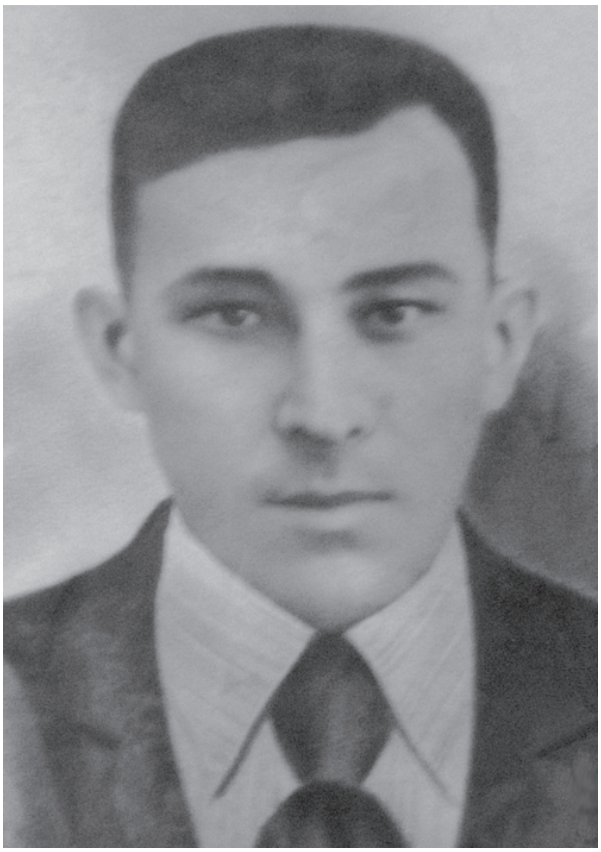
***

Там, где площадь Девятого Мая,
Где плиты
Гробовая броня,
Красный занавес напоминая,
Прогибаются
Складки огня.

Снова в прошлое
Память вглядится —
В очертанья
Задымленных дней.
И друзей не вернувшихся
Лица
Сквозь багровые складки
Видней.

Словно жду я,
Что, смерти переча,
Возвращая былое назад,
Упадет
Этот занавес вечный
И поднимет он
Павших солдат.

Борис ДУБРОВИН

Александр Васильев

А.М. ВАСИЛЬЕВ:

Таким быстрым темпом я и на войне ходил, поэтому ребята и прозвали Лосем

Уютный небольшой частный домик, как входишь — кухня с нагретой печкой, в кухне стол, за которым часто собирается большая дружная семья: две дочки, зятья, внуки, жена Мария Егоровна и сам глава семейства Александр Макарович Васильев. В 2010 году, в ноябре, супруги отметили 65-летие своей свадьбы! А в далеком 1941-м Мария Егоровна провожала любимого на фронт...

Льгот не нужно

— Александр Макарович, как для Вас началась война?

— В 1941 году мы с Марией Егоровной только начали встречаться. 22 июня, помню, пошли вместе купаться. Как вернулись к ней домой, слышим от родителей: «Война началась, Гитлер в 4 утра напал, сволочь, ведь договор подписывали о ненападении...»

В это время мы с Машей работали на заводе в Сергиевом Посаде. В ноябре 1941-го всех эвакуировали в Томск. Здесь начали формировать сибирскую дивизию. У меня были льготы, на заводе рук не хватало, поэтому я мог не идти воевать, но пошел добровольцем.

На станции Юрга в бывших Николаевских лагерях за два месяца подготовки научили стрелять, ползать, штыками колоть — и вперед, на войну, Родину защищать.

— А каким было начало Вашего фронтового пути?

— Когда прибыли на фронт, всех начали переводить в разные роты. Меня распределили в минометную. После этого был специальный взвод особого назначения, химико-бактериологический. Потом уже где только не носило, даже в пехоте побывал. Людей в пехоте не хватало, но Сталин приказал химиков не трогать, и нас вернули обратно.

— Интересно узнать о Вашем боевом крещении...

— Ох, и боевое ж оно было! Мы приехали под город Белый, в деревню Раминка. Командир дивизии, старый волк, всех нас в деревне разместил. И нас кто-то сдал — предателей в то время немало было. Видим: летят тридцать «юнкерсов» — и давай нас «чистить»!

Наш блиндаж развалился, хорошо хоть, сами уцелели. Когда бомбили деревню, четыреста человек сразу были выведены из строя, связисты, все одиннадцать человек, погибли от прямого попадания. Командир роты бежит, а мы ему кричим: «Товарищ полковник, давай к нам в укрытие!» — «Да разве это укрытие?!» — «Ну, прыгай в лужу, раз к нам не хочешь!»

— Александр Макарович, почему Вас прозвали Лосем?

— В Сергиевом Посаде по молодости брал первое место по бегу на десять километров. А перед работой бегал до деревни Бабеково пять километров туда и столько же обратно. Таким же темпом и с ротой на войне ходил, поэтому ребята и прозвали Лосем. «Лось пошел, поперли». Таким вот быстрым темпом шла наша рота к сражению на Гнездиловскую высоту (233 метра, Калужская область, станция Павлиново, деревня Гнездилово). Немцы так ее укрепили, что брали мы ее пять дней.

В обороне стояли долго, очень долго. Много блиндажей было. Подошел комсомольский батальон, саперы. Немцы танки в землю закапывали. Наша дивизия справа шла, а немцы — почти в лоб. У комсомольского батальона погибших было 26 человек, у нас намного больше. Наших солдат, которые ползли по ржаному полю, засекли с высоты и открыли минометный огонь, а это самая противная штука. Такой огонь в радиусе пятьдесят метров даже лежачего берет! Две тысячи нас было, а осталось семьдесят два человека...

Наших солдат, которые ползли по ржаному полю, засекли с высоты и открыли минометный огонь, а это самая противная штука.

Потом были города Великие Луки и Новосокольники в Псковской области, Корсава в Латвии. На Ригу пошли (после нее 22-й стрелковой сибирской дивизии присвоили почетное звание Рижской), дальше город Ауци.

— Александр Макарович, ранений не удалось избежать?

— Под одним хутором за Ауци 13 ноября 1944 года я получил ранение и инвалидность II группы. Немцы наступали. До Рижского зали-

ва семь километров оставалось. Наши так бомбили его, по 180 самолетов пускали! Вечером мы отстрелялись, а утром опять танки пошли и пехота. Тут наши самоходки немцев еще растравили, и они начали обстреливать все подряд. Пулеметчик рядом лупит по пехоте. А мне командир роты говорит: «Заскочи на сеновал, посмотри, сколько их». Немцы были совсем рядом, метрах в ста. Они вели такой огонь! Убили нашего капитана, пробили голову майору (благо, не насмерть: осколок потом вытаскивали) и меня ранили... Помню, была сильная боль, и сапог наполнился кровью.

В госпиталях

— А как Вас лечили?

— Старшина приказал запрячь тележку, и повезли меня в госпиталь. А там всего восемь кроватей, и на всех тяжелораненые солдаты лежат. Ногу нужно было оперировать срочно. Начали делать наркоз, а меня не берет. Подошел хирург, учуял запах перегара от меня, а я до этого с командиром для храбрости выпил. «Дурак ты!» — говорит. А сам с окошка коньяк берет и пьет. «А сами-то пьете!» — «Так я тебя, голубчик, 101-го за сутки оперирую. Сплю на ходу. Если б не коньяк, упал бы».

Вскоре меня отправили в другой госпиталь на двенадцать дней. За это время успели пережить бомбежку. Наши самолеты бой с немцами завязали. Я на втором ярусе лежал, встать не могу, один осколок — вжик! — мимо пролетел… Думаю: «Слава Богу, не зацепило!»

После этого отправили меня в госпиталь в город Торопец Калининской области, там попалась врач из Томска и определила меня в отдельный финский домик. Главный хирург хотел ногу ампутировать: чего, мол, все равно ведь сохнет! А я ему: «Как так, ампутировать?! Мне она еще пригодится!»

Я считался тяжелораненым, а поскольку в Торопце госпиталь был рассчитан только на легкие ранения, увезли меня в Рыбинск. Вот тут врачи начали лечить: массаж, ванны с отварами, терапия током. За две недели до выписки начал ходить с палочкой. И 5 марта 1944 года комиссовали в город Буй, там профессор провел осмотр и отправил меня домой без повторной операции. Вместе с товарищем я доехал до Александрова, а оттуда поездом до

Сергиева Посада. Домой шел с вокзала пешком. Мимо Киларского пруда в горку идти с больной ногой было тяжело, но мир не без добрых людей, женщина помогла подняться.

Таким вернулся я с войны. Любимая девушка дождалась, в октябре сыграли с Марией Егоровной свадьбу.

Евгения КИНТУШЕВА,
2012 год

***

Когда в ночи, войдя в избу с опаской,
чужих детей мы нежим, не стыдясь,
я вижу неистраченную ласку,
за годы битв скопившуюся в нас.

Какую ж нежность я б нашел нежданно,
когда б теперь коснуться довелось
рукой, еще холодной от нагана,
домашнего тепла твоих волос.

Марк МАКСИМОВ

Василий Попов

В.Н. ПОПОВ:

Мы не для того воевали, чтобы сейчас поражать всех историями из своей молодости

Василию Никитовичу Попову в 2011 году исполнилось 90 лет. Всю войну он светил прожектором на немецкие самолеты, а для него самого проблеском надежды оказалась обыкновенная чашка с брусникой, которая и помогла ему выжить.

«Взял, что дали»

— Василий Никитович, для каждого 22 июня 1941 года началось по-своему. Как это было у Вас?

— Верно. Мне тогда исполнилось двадцать лет, и я был призван проходить военную службу под Минском. Война началась в воскресенье в четыре утра, а в восемь мы с товарищами пошли на речку. Жара, купаться хочется, мы идем, шутки шутим, разговариваем о чем-то. И тут вдруг посыльный скачет. Дальше, думаю, вам понятно... Вот так, вдали от дома, отслужив месяц, мы и попали на эту самую войну. А ведь только-только принимали присягу...

— Вы сами в прожектористы захотели?

— Да нет, куда уж там! Взял, как говорится, что дали, так как прожектор в части стоял. Тогда ведь не до выбора было. Учебы месяц, в силу экстренных условий, и полный вперед! Наша 57-я отдельная прожекторная рота ловит самолет немецкий, а зенитки его бьют. Кажется, не так уж и сложно... А за всю войну земли знаете сколько пришлось перекопать для маскировки! Ведь надо и прожектор зарыть, и машину, которая ток подает, засыпать. А когда и брезентом закроешь от немецкой разведки. Да и вообще наша деятельность ночная. Ночью светим, потом до двух часов дня отдыхаем, а потом снова за работу. Чистить прожекторы надо было постоянно, иначе копоть не позволила бы им «увидеть» фашистов.

«Силы появлялись сами собой»

— Помните свой первый бой?

— Да, он же и самый трудный. Дело было в Брянске. Мы со своими прожекторами

стояли возле завода по производству сухарей. Все как всегда: ловим, светим. Но фашистские самолеты летели настолько стремительно... Это мы потом уже узнали, что по официальной версии их насчитывалось около шестидесяти. Так вот, представьте, как все эти самолеты бомбят практически полностью деревянный город. Пламя полыхало страшное. Вот это и было наше боевое крещение! Боялся ли я? Да не до того, не успеваешь испугаться-то. Когда машина для подачи тока включена, она гудит настолько сильно, что, находясь вблизи, и самолетов не слышишь. И не до мыслей о жизни — лишь ловим, а самолеты все норовят уйти.

Когда машина для подачи тока включена, она гудит настолько сильно, что, находясь вблизи, и самолетов не слышишь. И не до мыслей о жизни — лишь ловим, а самолеты все норовят уйти.

— Вы повидали многое, что тяжелее дается: оборона или наступление?

— На войне все непросто. Мы были молоды и взрослели буквально на глазах. Долгое время немец наступал, и нам приходилось держать оборону. Мы только отбивали, а они захватывали. До Волги так дошли. Нападать мы начали в Воронеже. А дальше были Литва, Латвия, Эстония.

Помню тяжелую оборону в Ельце. Вот когда голод дал о себе знать. На день взрослому здоровому мужчине полагалось три сухаря да чуток картошки. И ведь стояли! То отступали, то выбивались вперед. Справились. Потому что не для того все это было, чтобы сейчас поражать всех историями из своей молодости. Думали о своем народе, о детях... И силы появлялись сами собой.

Отстояли и Великие Луки. А свою медаль «За боевые заслуги» я получил уже в Латвии. Наградили меня и отпуском домой, за то, что ходил узнавать про сбитый самолет. Родные не ждали меня, в 43-м году-то. Побыл чуток — и обратно воевать.

— Случались ли с Вами чудеса на войне?

— С уверенностью могу сказать — да. Во многом благодаря одному из них я и выжил. Сразу после окончания войны нас послали в Ленин-

град для разминирования полей. Там мне довелось подхватить опасную болезнь — малярию. Лекарство от нее, хина, не помогало. С каждым днем становилось все хуже и хуже. А тут к нам мальчишка прибежал один. Мы ему хлеба дали, а он в ответ чашку брусники протягивает. Ягоды вроде бы обыкновенные, но съел я их и пошел на поправку. Такое вот чудо.

После этого чудесного исцеления летом я вернулся домой. В декабре уже сыграл свадьбу. Дальнейшие годы работал комбайнером, трактористом, бригадиром, радовался детям, внукам и правнукам. В общем, есть что вспомнить.

Екатерина КУРМЫШЕВА,
2011 год

Возвращение

Нет,
раньше жили мы совсем иначе!
Не замечали, как цветник хорош,
пугались мы, заслышав плач ребячий,
и свет окна не ставили ни в грош!..
Но словно так с войной мы постарели,
что лучшее осталось
во вчера, —
с друзьями, развалившись на шинели,
я жить, как прежде,
грезил у костра
и знаю —
ты в контуженном подвале
от бомб спасала эту же мечту,
как будто время за узду поймали
на взорванном саперами мосту...

Но все иначе!
Все
кругом
иначе!
Свет?
Хорошо, что светится окно!
Ребенок плачет?
Хорошо, что плачет, —
что жив, что плакать не запрещено!
В крови,
в любви,
в разлуке и надежде
война учила счастьем дорожить.
Мы всю войну мечтали:
«Жить как прежде!» —
Но прежде так мы не умели жить!

Марк МАКСИМОВ

Анатолий Савинов

А.Д. САВИНОВ:

О начале войны в нашей деревне узнали только на третий день, когда началась массовая мобилизация

Советский тыл — это тоже фронт. Фронт трудовой. И пусть там не шли боевые действия — там работали на износ, чтобы обеспечить войска продовольствием, боеприпасами, обмундированием — всем необходимым для жизни и для Победы. Сегодня мы даже не задумываемся спросить у тыловиков: каково вам было? А, между тем, им есть что рассказать.

Анатолий Савинов награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». За несколько дней до того, как Германия напала на Советский Союз, он отметил свой 11-й день рождения. Ребенок, работавший наравне со взрослыми, без криков возмущения и слез усталости, — он понимал, для чего трудится.

Наравне со взрослыми

— Анатолий Денисович, какая работа легла на Ваши детские плечи?

— С осени 41-го до самого конца войны я жил на родине отца — в деревне Новая Покровка Рязанской области. Когда отец умер, мы с братом Колькой начали работать, мне было 12, ему — 15. Косили рожь, просо, возили снопы на быках, культивировали, пахали — тоже на быках, потому что всех лошадей забрали на фронт. Выполняли и другую взрослую работу.

— И это в двенадцать-то лет?! Как же Вы справлялись?

— С быками совладать было тяжело, случались казусы всякие... Они боятся оводов и слепней, иногда как сорвутся с борозды и потащат плуг куда-нибудь в лощину: попадешь под плуг — зарежет. В экстремальных условиях работали!

Летом, в посевную и уборочную пору ночевали в колодах (кормушках для скота), вставали на рассвете, сонные, как слепые котята. Иногда брали хомуты, вешали их на забор, потом выводили пару быков, а хомуты надеть забывали! Берешь быков — и пошел.

Когда шла оборона Москвы, отправляли туда кругляк — круглый лес — для блиндажей, дотов, дзотов. Пацаны и девчонки на лесоразработках пилили. Эх, тяжело было тогда...

По ночам на единственной колхозной лошади я, по очереди с другими ребятами, объезжал поля, засеянные зерновыми и овощными. Следил, чтобы не воровали.

— Правду говорят, что наказания за это в военные годы были сверхсуровыми?

— За карман украденной ржи человека сажали. Правда, наш председатель за колхозников был горой: никогда никого не упекал. Все ж живые люди — голодно, понять можно! Но был все-таки один случай. Мой 13-летний товарищ украл из колхоза поросенка и получил год принудительных работ на уральских рудниках.

За карман украденной ржи человека сажали. Правда, наш председатель за колхозников был горой: никогда никого не упекал.

Зерно мы возили на элеватор, за пятьдесят километров, тоже на быках. Путь был долгий, обоз длинный: подвод десять, на каждой мешков по пять зерна. Ехали на станцию Вёрда, ее «тещей» прозвали. Через Вёрду проезжали эшелоны на фронт — там можно было купить все, что душе угодно: и блины, и вареный картофель, и капусту квашеную...

Запоздалые новости

— Какая гостеприимная «теща»! Анатолий Денисович, а откуда в Вашей деревне узнавали о ситуации на фронте?

— В деревне не было радио. Очень мало знали. О начале войны узнали только на третий день, когда началась массовая мобилизация. О Победе — тоже дня три спустя: по колхозам ездили уполномоченные из райкома. В нескольких километрах от нас проходила автотрасса Москва — Куйбышев. Те, кто ходил в соседние деревни, расположенные на трассе, узнали об окончании войны быстрей: мимо то и дело курсировали войска на машинах.

Известия о крупных победах Красной Армии приходили к нам запоздало, через районную газету «Сталинское знамя», которую приносили в правление колхоза раз в неделю. О некоторых событиях мы узнавали от воюющих земляков, которых иногда отпускали в деревню на побывку. Когда пришел Герой Советского Союза Чернов, его высыпали встречать с каждого двора!

Такая гордость была, что из нашей деревни такие люди! Помнится, Героя ему дали за то, что он обеспечил переправу советского передового отряда через реку Сож, один из притоков Днепра. Немцы трижды отбрасывали наших назад. А он практически прилип к пулемету и расстреливал фашистов в упор, длилось это около трех часов кряду. Наши плацдарм захватили.

Приходил в Новую Покровку и партизан Егоров. Правда, уже под фамилией Николаев (у всех партизан были прозвища, чтобы немцы не могли вычислить родственников). Его отправили на побывку домой за успешную операцию в Белоруссии. Когда пришел, так из автомата шуранул вверх! У нас, мальчишек, аж сердце в пятки ушло! А истории рассказывал такие, что уши вяли.

— Молодежи в деревне не было?

— Какое там! Одни дети, женщины да старики. Около сорока ребят забрали на фронт, вернулись из них только десять. Двое без ноги, один, Мося-Дурачок, без пятки: противотанковой миной оторвало. Его Дурачком прозвали за психические отклонения. Но даже таких на фронт брали, рядовыми, конечно.

— А похоронкам верили?

— Верили. Но никогда не умирала надежда, а вдруг...

— О немцах часто говорили?

— Да, ругали. Когда в 41-м мужей и сынов забирали на фронт, женщины кричали в голос, рыдали, в обморок падали. А со временем окрепли. И уже, если призывали кого-то, они держались: желали остаться здоровыми, немцев побольше убить и вернуться домой.

— А вы, дети, спрашивали у матерей, почему приходится так работать?

— Нет, мы понимали все. К тому же, разве у нас был выбор? Если не сделаешь, тебя все равно заставят — работать НАДО! Мать у нас бригадиром была, а дети бригадира не должны валяться на полатях. Председатель колхоза всегда ходил и стучал по стенкам домов: «На работу! На работу!» Так ходила и моя мать по домам своей бригады. Вот вам лучший будильник.

А вечерами мы собирались с ребятами на улице, рассаживались на бревнах с гармошками, балалайками и отдыхали от изнурительного труда, который день за днем сопровождал нас в течение нескольких военных лет.

Елена КОЗИНОВА, 2012 год

Дружба

Я верю в дружбу умного металла —
она и чистозвонна и крепка.
С войной коса сестрою сабли стала
и штатский серп — товарищем клинка.

И танк, пройдя по травам
и по трактам,
по переправам и по рвам крутым,
молчит. И слышит: запевает трактор —
его земляк, двойник и побратим.

Их дружбе, вставшей из любви
и мести,
любые испытанья нипочем.
Они, возможно, и служили вместе:
танк — пушкарем,
а трактор — тягачом.

И, может быть, однажды утром ранним
случилось или ночью грозовой,
что был пушкарь в горячем деле ранен,
а друг из боя вытащил его.

И вновь пройдя по травам
и по трактам,
по переправам и по рвам крутым,
танк замолчал. И запевает трактор —
его однополчанин-побратим.

И танку любо песню в поле чистом
железным сердцем слушать без конца...
Не верите? Спросите у танкистов —
у танков в самом деле есть сердца!
Спросите у прокатчиц на Урале,
у сибирячек — скажут, как одна:
они громадам этим отдавали
свои сердца, когда была война.

И трактору открыта эта тайна.
Танк — начеку. И песня бьет в зенит.
И золотом под крыльями комбайна
за ней зерно дозрелое звенит.

Спокоен трактор — мирный запевала,
и нет ни песне, ни степи конца...

Я верю в дружбу умного металла,
в который наши вложены сердца.

Марк МАКСИМОВ

Михаил Водопьянов

М.В. ВОДОПЬЯНОВ:

Я думал о своем экипаже — молодых механиках и стрелках. Им бы работать, наслаждаться солнцем...

Лет двадцать назад имя Михаила Водопьянова знал каждый советский школьник. Еще бы! Это он участвовал в спасении экипажа парохода «Челюскин», одним из первых получил звание Героя Советского Союза, а в Великую Отечественную в должности командира авиационной дивизии возглавил второй налет на Берлин — тогда шел август 41-го.

Чтобы сохранить память об этом легендарном человеке, мы поговорили с его внучкой Марией Водопьяновой. Вот уже несколько лет она занимается родословной своей семьи, пишет книгу о Михаиле Водопьянове, издает сборники его рассказов…

Знаменитый и страшный полет

— Мария Юрьевна, Михаил Васильевич что-нибудь рассказывал Вам о войне?

— О войне очень мало говорил. Потому что не любил, наверное... И пережить этот тяжелый период было трудно, и вспоминать про него. Но вот о чем я лично знаю — слышала от него сама, — это о втором налете на Берлин. В августе 1941 года Михаил Васильевич полетел бомбить Берлин. В одном из своих рассказов он пишет об этом:

«Бомбить само логово фашистского зверя считалось у нас почетным заданием, и к его выполнению относились необычайно ревностно. Поэтому, когда в полете на Берлин у нас отказал один из моторов, было решено маршрут продолжать, сбросить бомбы на цель, а там — будь что будет.

В начале пути погода была хорошая, но, когда мы пролетели линию фронта, она начала портиться: появилась облачность.

Я решил лететь выше облаков. Пришлось подняться на пять тысяч метров. Все надели кислородные маски.

По внутреннему телефону спросил стрелков, как они себя чувствуют, хорошо ли работают кислородные приборы. Получил ответ, что все в порядке, и спокойно пошел дальше.

Но дальше облачность оказалась выше пяти тысяч метров.

Поднялись на шесть и около трех часов шли, не видя земли.

Вскоре высота достигла семи тысяч. Вдруг правый крайний мотор остановился.

— Далеко ли цель? — спросил я штурмана.

— Осталось двадцать минут полета.

Возвращаться было обидно. А если сбросить бомбы, не долетев до Берлина, то что мы выиграем? Все равно до своей земли можем не дотянуть. Нет уж, выполнять задание так выполнять!

И я продолжал вести машину по курсу.

Через двадцать минут дрогнул самолет. Я сразу понял, что это открыли люки. Сейчас наши бомбы будут сброшены на цель, и мы пойдем обратно.

Когда мы отбомбились, я решил снизиться, чтобы запустить мотор. Мне уже стало ясно, что он остановился потому, что не хватало воздуха.

На высоте три тысячи метров мотор снова заработал. Не успел я порадоваться, как штурман начал мне командовать.

— Вправо! Вправо!

Что такое? Впереди были заградительные огни немецкой батареи.

Мы быстро набрали высоту. На шести тысячах метров

мотор снова остановился. Мои догадки подтвердились: ему не хватало воздуха. Приходилось снижаться, и каждый раз мы попадали под обстрел.

Нам пробили два бензиновых бака. Но все четыре мотора работали пока хорошо.

Начало светать. Впереди появились высокие обрывистые облака, они напоминали каменные шпили Кавказских гор. Казалось, что самолет сейчас врежется в эти «скалы» и разобьется о них вдребезги.

С облаками на нас надвигался мощный циклон. Обойти его не было никакой возможности: мы и так шли на

высоте пять тысяч метров. Когда мы попали в него, в кабине поднялась снежная пыль. В малейшую щелочку густой струйкой проникал снег. Все приборы покрылись тонким его слоем. Мой «больной» мотор снова остановился.

По расчету времени, наш самолет находился уже недалеко от линии фронта. Бензин из пробитых баков продолжал вытекать, и я ждал, что вот-вот должны остановиться все четыре мотора.

На высоте тысяча восемьсот метров показалась земля. Температура резко поднялась, снег в кабине быстро растаял, по окнам хлестал дождь.

В это время, как по команде, остановились все четыре мотора. Машина стала быстро снижаться.

Что делать? Прыгать с парашютом? Но это значит попасть к фашистам в руки. Садиться на открытое место тоже нельзя: расстреляют. Добежать до какого-нибудь укрытия не успеем.

Я принял решение: садиться на густой лес, подальше от дорог. По крайней мере, фашисты не скоро доберутся до нас, а может быть, нам посчастливится встретиться с советскими людьми...

...Я видел, как один за другим товарищи уходили в заднюю часть самолета, где меньше риска погибнуть при посадке. Высота быстро сокращалась. Вот и лес... Выравниваю машину, стараюсь как можно больше потерять скорость...

Я уперся рукой в козырек, чтобы не разбить лицо о приборы, и мы врезаемся в верхушки густых сосен. Что-то трещит. Машина, подламывая деревья, «на брюхе» опускается до самой земли...

Что делать? Прыгать с парашютом? Но это значит попасть к фашистам в руки. Садиться на открытое место тоже нельзя: расстреляют. Добежать до какого-нибудь укрытия не успеем.

...Оцарапанные, немного оглушенные, мы вылезли из машины...»

Тот полет оказался очень неудачным. Из двадцати самолетов вернулись только два. Знаете, когда он рапортовал о налете Сталину, тот просто озверел, и разжаловал Михаила Васильевича до рядового летчика! И он, уже в качестве рядового, продолжал совершать боевые вылеты.

Увидеть за Героем человека

— Как Вы думаете, что для Михаила Васильевича значили различные государственные награды? Ведь их у него было немало.

— Да как вам сказать... Он был благодарен, но спокоен. Не было того, что называют «взлететь до неба и не поймать его». Не было звездности. Он, видимо, воспринимал это как оценку своей работы. Раз наградили, значит, работу сделал хорошо.

И, кстати, вот что хочу сказать. Я его как-то спросила: «Скажи, вот ты не боялся? Когда летел спасать челюскинцев, летел бомбить Берлин?» Он ответил: «Ну, конечно, боялся, я живой человек! Но было что-то другое, что мной руководило».

Может, это и был тот настоящий патриотизм, о котором мы сейчас так мало, к сожалению, говорим?

Наверное, из-за этого же чувства он так ненавидел войну и так любил детей. У него есть один замечательный рассказ «В воздухе уцелел — на земле разбился», где он пишет об этом.

«Над землей стояла тихая лунная ночь. Сверкали крупные осенние звезды. В такую ночь хорошо бродить по земле, молча вдыхать свежий воздух, слушать родную далекую песню...

Но вот мы подошли к линии фронта, и под нами открылось море бушующего огня. Такая резкая перемена картины всегда вызывала во мне новый приступ ненависти к зачинщикам войны, к варварам, нарушившим нашу красивую мирную жизнь, прервавшим песни, зажегшим огни кровавого зарева. Я думал о своем экипаже — молодых механиках и стрелках. Какой веселый, славный народ! Им бы работать, наслаждаться солнцем...»

А вот что он пишет ближе к концу рассказа: «...Дорога была хорошая, и ехал я очень быстро. Из головы не выходил предстоящий полет моего экипажа. Мне очень хотелось быть на борту самолета: там я волновался бы меньше. Но оказалось, что на земле меня тоже ждало серьезное испытание.

За поворотом показалось село. Дорога была свободна. Вдруг откуда ни возьмись два мальчугана перебегают дорогу. Они бы успели ее перебежать, но, когда я на всякий случай дал им сигнал, они неожиданно повернулись и побежали обратно.

Все это произошло в одно мгновение.

Помню только, что я в отчаянии крикнул: «Что вы делаете!» — как будто этим можно было помочь. Затем я сделал то, чего делать нельзя, если еще собираешься жить на свете: резко повернул и затормозил.

Машина буквально завыла, шины зашуршали по асфальту, и мой автомобиль два раза перевернулся. Мне сильно разбило бедро. Как это часто бывает, сгоряча я не почувствовал ранения и выскочил из машины, но тут же упал

На фронте приходилось рисковать жизнью, чтобы истреблять ненавистного врага, а в тылу это пришлось сделать для спасения самого дорогого — наших маленьких советских ребятишек».

— Я понимаю, что любую личность сложно охарактеризовать в двух словах. Тем более такую яркую. Но все же... Каким человеком был Михаил Васильевич?

— Я помню его достаточно хорошо. Он и внешне очень выделялся: был такой большой, косая сажень в плечах, с улыбкой до ушей. Когда стоял в проеме двери, он казался просто огромным! Наша семья всегда знала: если раздается два долгих звонка в дверь — значит, это пришел дед.

Михаил Васильевич был человеком поступка. Одно то, что он в 30-х годах взял к себе жить девочку из семьи, где все были репрессированы, уже о многом говорит. А эта посадка на кроны деревьев? И сколько раз он помогал совершенно незнакомым людям! Скучному, зазнавшемуся человеку не приходило бы столько писем, сколько приходило ему, — буквально со всех уголков Советского Союза. Вот, например, у меня сохранилось письмо Михаилу Васильевичу от одного мальчика:

«Дорогой дядя Водопьянов!

Поздравляю Вас с новым подвигом и высокой наградой. Вся наша семья была счастлива, что именно мой любимый герой первым сел на льдине Северного полюса. Мне очень понравилась Ваша речь. Я сейчас в Грузии с мамой.

Я еще ни разу не летал, и первый полет мечтаю сделать с Вами.

Я по-прежнему отличник, редко получаю «хорошо», так же, как и Вы иногда делаете вынужденные посадки.

Сердечный привет от мамы. До свидания!»

Сергей ЛЕПЕШКИН,
2013 год

К цели

Что пулемет вертеть без толку,
Хоть пулемет и уцелел,
Когда, свороченный осколком,
Ослеп оптический прицел.

Свистят снаряды, а не ветры,
Дорога наша непроста
Но тыща метров,
Тыща метров —
Нам заданная высота...

Чернеет над речным извивом
Моста нетронутый пролет —
В паучьей свастике разрывов
Мы пробиваемся вперед.

Разрывы вспыхивают щедро
То у крыла, то у хвоста...
Но тыща метров, тыща метров —
Нам заданная высота.

В пяти местах пробиты крылья,
Но мы — над взорванным мостом,
И, словно нас заговорили,
Мы невредимые идем.

Зенитки бьют, изнемогая,
Но цель берут уже не ту,
И высоту не мы меняем —
Они меняют высоту.

Борис ДУБРОВИН

Юрий Хайтин

Ю.Н. ХАЙТИН:

На домах надписи: «Берлин был и будет немецким городом!» Но 1 мая в окнах появились белые простыни...

Семья Хайтиных — родители и два сына — жила в Минске. По удивительному стечению обстоятельств им по отдельности удалось ускользнуть от немцев и перебраться в Башкирию. Отсюда Юрий ушел на войну и в 1945-м встретил две победы — над Германией и Японией.

«Студебеккер» для «катюши»

— Юрий Наумович, когда Вы попали на фронт?

— Меня призвали в феврале 1943-го и отправили в Тоцкие лагеря, что в Оренбургской области. Это землянки с двухэтажными нарами, без всякого отопления. На взвод одна учебная винтовка: в основном, изучали оружие по плакату. Потом отправили нас в Казахстан, в Гурьевское пехотное училище. Добрались — а оно переехало в Астрахань. Нас туда, но и в Астрахани мы оказались не нужны. Опять в эшелон... Через три месяца я попал наконец в 13-й гвардейский учебный автополк, стоявший под Москвой. Там порядок был. Мы углубленно изучали «студебеккеры» и другие американские машины и ракетные установки БМ-13 «катюша».

«Студебеккер» для «катюши» был спасением. До этого ее ставили на ЗИС-6: двигатель слабый, проходимость по грязи нулевая, скорость по грунтовой дороге всего 15–20 км/ч. Расход бензина до 70–80 литров на 100 километров! А у «студебеккера» расход вдвое меньше, мощность вдвое больше, а скорость на грунтовке до 60 км/ч. Въезжаешь в болото — можно прямо из кабины приспустить колеса, чтобы не застрять. Выезжаешь — опять, сидя в кабине, шины подкачал, и вперед. Первую партию этих грузовиков американцы выпустили только в конце 1941 года. Может, поэтому секретность доходила до абсурда. Рабочие тетради мы каждый вечер сдавали в спецчасть. Взять их на фронт нам не разрешили.

Прямой наводкой

— Когда впервые попали в бой?

— Пороха мы понюхали еще во время учебы. Раз десять довелось перегонять но-

вые машины на фронт. Там впервые под бомбежку попали, несколько человек ранило. А в августе 1943-го пригнали машины в 26-ю гвардейскую минометную бригаду Резерва Верховного Главнокомандования на Брянский фронт, в районе города Карачев. Там наше наступление застопорилось, и мы, курсанты, поучаствовали в деле. Дают приказ зарядить установки, назначают сопровождающего и отправляют на позицию. Цель — две каменные казармы еще довоенной постройки с толстыми стенами. Немцы превратили их в мощные огневые точки с пулеметами и даже пушками. Выезжаем, а от позиции до цели всего пятьсот метров! Бить прямой наводкой! Видимо, немцы ничего не успели сообразить. Мы выскочили, дали залп, и здания рухнули... Позже, в Германии, тоже приходилось бить прямой наводкой, но не с такой малой дистанции.

В эту же 26-ю бригаду я и получил назначение после выпуска. Бригада — это четыре дивизиона, в каждом по 12 установок. Командиром был Красильников. Видимо, дело хорошо знал, раз в 32 года стал генерал-майором.

Помню, бригада стояла в Польше на 1-м Белорусском фронте в районе Праги — пригорода Варшавы. Нам говорили: «Завтра выдвигаемся». Потом приказ отменяли, и опять: «Завтра...» Позже мы узнали, что поляки, ориентированные на Англию, подняли восстание, а Сталин остановил наступление, и немцы подавили повстанцев.

Без нас фронт не двигался

— Ваша бригада входила в Резерв Верховного Главнокомандования. Резерв — значит, тебя берегут?

— Да, мы подчинялись Ставке Верховного Главнокомандования. У нас на машинах было написано: СВГК. Но это не значит, что мы в тылу сидели. Без нас фронт не двигался: где готовится серьезная операция или наступление замедлилось, туда и направляли. Однажды с 1-го Белорусского две наши машины перекинули за тысячу километров на 2-й Прибалтийский. Там пехота застряла у опорного пункта немцев. Мы его подавили, получили благодарность от командования — и обратно. В Германии уже по нескольку раз в день залпы давали. Там доты, дзоты, вкопанные танки, рвы — немцы здорово укрепились. Старинные здания, как крепости.

Артиллерия бьет, бьет, дырку пробьет, а здание стоит. А наша «катюша» накроет несколькими снарядами — у-у-у, и все. Рухнуло.

— Смерти боялись?

— Нет. Вообще на войне тупеешь. Какое-то безразличие приходит. Лежит на дороге труп нашего солдата, уже не объезжаешь, а просто между колес его пропускаешь. И по отношению к себе тоже. Так устаешь, что иногда думаешь: «Лучше бы убило». На ногах стоять не можешь, постоянно спать хочется. Больше всего боялись заснуть за рулем.

— У вас были потери?

— Три машины в бригаде подбило, погибли человек пятнадцать. Но с потерями пехоты это несопоставимо. Говорили, есть команда взять Берлин к 1 мая, а командующие 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов соревнуются, кто быстрее. Раньше вели мощную огневую подготовку, доты-дзоты кончали, чтобы пехоту сберечь. А в середине апреля началось... Гнали людей на пулеметы. Наши командиры возмущались: «Почему нас не пустили первыми? Мы же могли эту оборону пробить». Я и сам видел: идут наши на огонь и падают, падают... Или фаустник даст по танку — визг «ву-ву-ву», в броне трещина, и все, нет танка.

На домах надписи: «Берлин был и будет немецким городом!» Но 1 мая в окнах появились белые простыни... А 2-го гарнизон сдался. А взяли бы его, скажем, 10 мая, потерь было б в несколько раз меньше.

— Сейчас много говорят о массовых грабежах в Берлине, об изнасилованиях...

— Армию держали в рамках! В нашей части никто грабежами не занимался, и в пехотных тоже не припомню. Может, где-то тыловые части что и творили, а те, что участвовали в боях, — нет. В дом зайдешь, немцы шифоньер открывают — бери что хочешь, только нас не трогай. Да нам ничего от них и не надо было. В сельской местности, где население ушло, а корова ревет, три-четыре дня недоенная, мы могли ее пристрелить на мясо. Или свинью

В дом зайдешь, немцы шифоньер открывают – бери что хочешь, только нас не трогай. Да нам ничего от них и не надо было.

там, курицу. Дома не грабили, но трофеи — брали.

А 2 мая в Берлине поехали мы, наверное, всем дивизионом, к Рейхстагу.

— На Рейхстаге расписались?

— Какое там... Не подобраться! Толпа солдат и офицеров, чуть не дерутся, чтобы к стене пробиться и подпись оставить. И такая радость, все обнимаются, невзирая на звания и должности... Войне конец, а мы живы!

На восток

— Долго Вы в Германии находились?

— Примерно месяц. А потом нас погрузили — и на восток. Железная дорога двухколейная. Что интересно, одну колею железнодорожные войска уже расширили под наши вагоны, и от Германии до России мы ехали по широкой колее. Другая колея использовалась под трофейные вагоны и паровозы. Смотришь, там и здесь ушедшие под откос вагоны. То ли от бомбежек, то ли из-за аварий. И на одних надпись «СССР», а на других «Polska».

Начался массовый демонтаж немецких заводов. Все станции вокруг Берлина были забиты оборудованием. И тоже надписи: «Одесса», «Москва», «Стерлитамак»...

— Когда Вас отправили на Дальний Восток, Вы сразу поняли, что воевать придется?

— Мы же видели, что части прибывают и прибывают, что не случайна такая концентрация войск. Были тревожные мысли. Мол, в Германии повезло выжить, а тут, наверное, не выживем. У нас же занятия проводили, рассказывали, что Квантунская армия вооружена до зубов...

Местом нашего базирования стала станция Камень-Рыболов Приморского края. Это на берегу озера Ханка. Мы были в составе 1-го Дальневосточного фронта.

9 августа нас подняли в 4 утра. Командир нашего 3-го дивизиона Калашников объявил боевую готовность. Указал направление — на запад, на Муданьцзян. Это километров пятьсот. Выехали где-то в 5 утра. Дорога в отличном состоянии, не похожа на наши дальневосточные дороги. У нас грунтовые, гравийные, а эта — широкая, асфальтированная.

— А что значит «перешли границу»? Что собой граница представляла?

— Ничего мы не заметили. Наша дорога кончается, метров двести бездорожья, и пошел асфальт. Вот тебе и Мань-

Юрий Хайтин (крайний слева) с однополчанами

чжурия. А погода стояла солнечная, теплая...

До Муданьцзяна дошли без единого выстрела: мы ни в кого не стреляли, и в нас тоже никто. Но тут начала нас своя авиация бомбить! Видимо, слишком рано мы там оказались. Взрывы, пулеметная стрельба с самолетов... Наши пушки начали бить...

— А какая авиация? Штурмовики или бомбардировщики?

— Бомбардировщики, по-моему. Какие, не помню. Командование раскраснелось, забегало... Машины убрали в камыш — высокий, в человеческий рост, по сторонам дороги. Все это длилось очень недолго, минут сорок...

— Ничего себе — недолго!

— Один самолет сбили. А мы потерь не имели.

— А Вы видели, как в самолет попали? Что с летчиками стало?

— Мы не видели, это потом уже рассказывали на политзанятиях. В общем, часа через полтора опять двинулись и шли так до самого Харбина.

— И что, без всякого сопротивления?

— Когда мы из камышей выезжали, кто-то стрелял. И мы стрельнули... И больше ни

единого случая. Мы даже не видели ни одного японца.

— А когда вошли в Харбин, увидели японцев наконец?

— Не было их. Там и китайцы, можно сказать, второстепенную роль играли. Торговлей занимались. Это был русский город. Разместили нас в здании общежития учебного заведения.

Для того времени постель, вода, туалет казались роскошью. А тут все условия... И командир дивизиона Калашников нам говорит: «Вы свою задачу выполнили, командование перед вами больше задач не ставит. Будем здесь быт обустраивать».

— Кстати, что Вы можете сказать про отношения с непосредственным начальством?

— Если в бригаде все время один командир был, то в дивизионах постоянно менялись — на повышение уходили. Пять или шесть на моей памяти сменилось. Это были ребята нашего возраста. Носили такую же форму, те же кирзовые сапоги. И ели с нами, ту же еду. Не знаю, как в пехоте, может, там субординацию соблюдали, а мы обращались к ним на ты. Единственное, что их отличало — лейтенантские или капитанские погоны.

— И вот для Вас война закончилась...

— Да, только по городу гулять нас официально не отпускали. Потом мало-помалу командование начало закрывать на это глаза. По двое, по трое стали выходить в самоволку. Но до 10 вечера надо было в часть вернуться. Сначала ходишь вокруг, присматриваешься. Все вывески на русском языке — ни одной на китайском или японском! Причем по новому правописанию, без ятей. Учебники лежали в нашем общежитии — тоже на русском. В том числе нашли советский учебник, переизданный в Харбине.

Китайцы в магазинах и с лотков торговали чем угодно — мануфактурой, чемоданами, пуговицами... Уже дней через десять появились пуговицы к форме: как наши, со звездой, но блестящие (а у нас были матовые). Это они освоили производство, зная, что нам предстоит демобилизация. У нас тканевые подворотнички, подшивать надо. А они пластмассовые продают — вытер его, и все.

— А деньги были у вас?

— Да, так называемое довольствие, 30 рублей в месяц. Японские деньги уже не шли, а рубли китайцы принимали. Правда, бывали нечестные солдаты и офицеры — впихивали облигации. А китайцы полагались

на честность. Уходит китаец на обед, лоток оставляет, цены написаны. Деньги клади — товар бери. Если хочешь поторговаться, написано, когда вернется. И многие из них сносно говорили по-русски.

— У вас личное оружие было?

— Обязательно. Автоматы. Но по городу мы ходили без оружия.

— И никаких инцидентов?

— Никаких. Русские жители интерес к нам проявляли, такое дружелюбное любопытство. Расспрашивали про уровень жизни, кто откуда, искали земляков. Для нас было странно, что они живут без замков. Стул выставлен снаружи — значит, дома никого нет.

— Было желание скорей домой вернуться или хотелось все же побыть там, посмотреть, как люди живут?

— Домой, домой! Все это не твое... И свободы хотелось.

Ирек САБИТОВ,
2012 год

Второе письмо ровеснику

Ты дошел до Берлина —
есть правда над нашей судьбой.
Где ты был,
как ты выжил в проклятом году
невоспетом?
В партизанских болотах?
В лесах, окруженных пальбой?
В отступающих армиях?..
Впрочем, не стоит об этом.

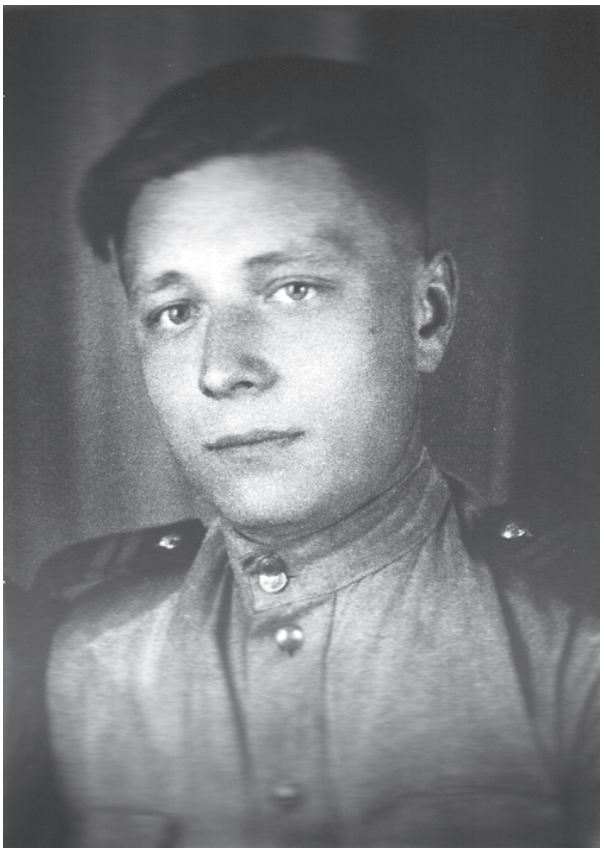
Вспомним снова о детстве:
за домом скулила пила,
топоры говорили в бору,
что спокойствие — небыль.

Даже тополь был воткнут
в осеннюю синь,
как стрела,
а упругая радуга
луком натянута в небе!

Мы со свистом
и с гиком врубались в кусты у реки.
И клинки находили,
в крапиве бродя по колени.
И за мудрой махоркой
в беседах своих старики
от рожденья военным
считали мое поколенье.

Сорок первый войдет еще
в наши тревожные сны.
Боль и горечь узнал ты
в далеком году
невоспетом.
Но, рожденные в битвах,
мы были для битв рождены.
Ты в Берлине!
И, значит,
судьба поколения в этом!

Марк МАКСИМОВ

Виктор Вышеславский

В.Н. ВЫШЕСЛАВСКИЙ:

В Германии каждое дерево «под номером»

В апреле 1945 года в лесу, неподалеку от немецкого концлагеря Бухенвальд, американская разведка нашла двух прогуливающихся... заключенных. На этом удивительная встреча не закончилась. Американцам показали лагерь. На воротах с винтовками стояли бывшие узники в полосатой форме. Колючая проволока по забору давно была сорвана. А в одном из бараков находились 125 связанных эсэсовцев! За пару дней до этого в Бухенвальде произошло восстание.

Оказавшиеся рядом американские войска развернули полевой лазарет, благодаря которому Виктор Вышеславский остался жив.

«Путь» в Бухенвальд

— Виктор Николаевич, как Вы попали в Бухенвальд?

— Город Николаев, на Украине, где мы с семьей жили, с самого начала войны был оккупирован немцами. После Сталинградской битвы, когда фашистские полчища покатились назад, они угоняли в Германию советскую молодежь. Дважды мне удалось увернуться, а в третий раз и меня схватили. Погрузили в эшелон, и в Германию.

Привезли нас в Тюрингию, в город Эрфурт, построили и говорят: «Токари есть?» Мы с приятелем решили отозваться: подумали, лучше в цех под крышу, нежели в шахты под землю.

— А как объяснялись, по-русски или по-немецки?

— Через переводчиков. Хотя в школе я немецкий учил (он у нас начинался с 5-го класса) и три года в оккупации ходил заниматься к знакомой учительнице в соседний дом. Она мне сразу сказала, что знать язык врага — это крайне важно.

Нас отвезли в город Зуль, на маленькую частную фабричонку. Там работало человек пятьдесят — чехи, французы, бельгийцы, русские. Выпускали детали, скорее всего, к моторам.

Однажды подошел ко мне мастер и приказал починить дверной замок в канцелярии. Ходить туда просто так мы не

могли. Я явился с инструментами и принялся за работу. Там сидели три немки и что-то печатали на машинке. Вещал приемник. В сводке новостей передавали, что немецкие войска оставили Николаев для выравнивания линии фронта. А это же моя родина! Когда я возвратился вечером в барак, не мог сдержать ликования: «Ребята, Николаев освободили! Отступают немцы — Красная Армия гонит их! Скоро и войне конец!» Через три дня меня забрали в гестапо.

— Настучали?

— Сто процентов! Сдали «добрые» люди... Засадили меня в камеру и без конца таскали на допросы.

Когда в Германию угоняли, я захватил с собой учебник по радиотехнике и маленький немецкий словарик. При обыске в моем бараке их обнаружили и решили, что я не чист. Пытались выбить из меня ответ: «С кем вы связаны?! Где радиостанция?» А что я скажу? Ничего у меня нет! Били, конечно.

Потом перевезли меня в городскую тюрьму, старинную такую, из красного кирпича. Три месяца отсидел. Однажды утром раздались два звонка: мы уже знали, что один звонок — это криминальная полиция, а два — гестапо, своих заключенных забирают. Меня увезли на вокзал. В сопровождении немца я сел на обычный поезд, с гражданскими. Он дал мне в руки развернутую газету, чтобы не привлекать внимания. Мы приехали в г. Ваймар. Для меня тогда это все равно что город на Луне — никаких названий я не знал. Не знал и что такое Бухенвальд. В Ваймаре погрузили в настоящий тюремный вагон, с решетками, там ехали стоя. И привезли в Бухенвальд. На воротах была немецкая надпись, которая переводится на русский — «каждому свое».

«Каждому свое»

— Что это значит?

— Кому-то жить, кому-то умирать. И там умирали тысячами...

Нас, вновь прибывших, остановили у ворот лагеря. В это время туда как раз возвращались все рабочие команды. Строились в шеренги по десять человек и проходили внутрь. Эсэсовец с длинным бичом отсчитывал пятерых и ударял им об землю. Если построились неправильно, кому-то попадало кнутом по спине, по голове.

После регистрации нас отправили в парикмахерскую. Волосы выбривали характер-

Ворота в Бухенвальд с надписью «Каждому свое»

но — чтобы сделать нас заметными и исключить всякую возможность побега. Было, так сказать, два фасона, на выбор: либо машинкой выбривали дорожку посередине (заключенные называли это «автобан»), либо, наоборот, сбривали все, кроме этой самой дорожки.

Дальше была дезинфекция. С закрытыми глазами, заткнув уши и нос, мы с головой окунались в ванну с карболовой кислотой. Один пожилой осужденный немец никак не мог нырнуть, его ударили прикладом и так и утопили там...

В огромной бане нам на 15 минут пустили ледяную воду. Все прыгали, как зайцы, и не могли никуда спрятаться. Потом выгнали в коридор, швырнули каждому полосатые брюки с рубахой, такие тоненькие: к свету поднесешь, — как марля, просвечивают! Надели деревянные колодки на ноги, и в карантин. Немцы страшно боялись эпидемии — ведь это самый центр Германии! Поэтому всех новых заключенных запирали в специальном бараке на 19 дней.

После злополучного душа у меня началось воспаление легких. И выхаживал меня заключенный-немец, Герман Бриль. Социал-демократ, он сидел в Бухенвальде с 1937 года. А был

уже 1944-й! Ему помогал врач-француз: вместе они мочили одеяла, выкручивали их и полностью заматывали меня. Никаких лекарств не было. К концу карантина я стал приходить в себя, потихоньку передвигался, на двух палках — от слабости. Но, конечно, на рабочую единицу еще не тянул — меня должны были убить. И, представляете, в это время один из заключенных заболевает сыпным тифом, и карантин продлевают еще на 19 дней! Это меня спасло. Я попал в 25-й рабочий барак. Там были одни русские.

— Строго по национальностям расселяли?

— В основном, да. Союзные войска как раз в это время устроили воздушный налет — все небо было черно от самолетов. Лагерные заводы смели подчистую. Очень много людей погибло в каменоломне. Там была большая каменная дробилка, может, ее сочли за установку военную, и как бабахнули туда! Сгорело и единственное дерево в лагере — так называемый дуб Гёте (поэт когда-то жил в Ваймаре). От него остался только пенек с табличкой. Было очень много умерших: крематории без перерыва три дня работали, сжигали трупы. И по всему лагерю стоял страшный запах горелого — его невыносимо было ощущать!

Потом нас, заключенных, заставили разбирать разрушенные казармы буквально по кирпичику, чтобы затем использовать строительный материал еще раз.

В ноябре 1944-го в городе Ордруф, в 60 километрах от Бухенвальда, стали строить подземный завод. Многих узников распределили туда, образовав в окрестностях два лагерных филиала — южный и северный. И вот что я вам скажу: если в Бухенвальде был ад, то здесь был ад в квадрате. Нас в 4 утра будили и гнали на работы 8 километров пешком. Целый день долбили горы — сооружали 25 штолен! Через некоторое время мы построили узкоколейную железную дорогу, и люди перемещались в вагонетках. По двадцать четыре человека в каждой! Буквально друг на друге сидели. Вагонетки таскал маленький паровозик, который работал на коксе. У него из трубы сыпался сноп искр — загоралась одежда, а спрятаться от этого огненного дождя было некуда. Но самое страшное, что вагонетки переворачивались. Не проходило и дня без покалеченных ног, сломанных рук...

— А переломы, я так понимаю, были равносильны смерти? Работать-то уже нельзя — значит, убьют.

— Людей с травмами отвозили в лазарет. А вот там они лежали и умирали. На соломе, раздетые донага: одежды на всех не хватало, поэтому ее срывали с больных и отдавали новым заключенным.

До апреля 1945-го я пробыл на этих работах. Полгода жили без бани! Народу было так много, что мы спали на полу и переворачивались по команде.

До апреля 1945-го я пробыл на этих работах. Полгода жили без бани! Народу было так много, что мы спали на полу и переворачивались по команде.

Ордруф потом взяли американцы. Они провели все население города через этот лагерь, через горы трупов. Провели и главу Ордруфа с женой — потом их нашли повешенными у себя дома. А мы? Мы ведь не умерщвляли себя, мы пытались выжить...

Из этого ада периодически пробовали бежать, но все попытки были тщетны. В Германии каждое дерево «под номером»! Наказывали повешением. Однажды, русскому парню накинули петлю на шею, а он крикнул: «Да здравствует наша Советская Родина!» — и плюнул в лицо коменданту на виду всего лагерного начальства. Тот разрядил в него всю обойму...

Перед тем как трупы убитых сбросить в огромную яму, их проверяли на наличие золотых зубов! Помню я такую картину. На столе стоят весы, портфель, банка большая с азотной кислотой. Сидит немец с книгой. Зима уже, трупы замерзшие, рты сжаты. Их рубили топором — челюсть отпадала, клещами выламывали золотые зубы, бросали в банку с кислотой. Кость растворялась, а золотая коронка вмиг вылавливалась — на весы — и в портфель. Все под запись. Вот как создавалось золото СС...

«Тодес-марш»

— Виктор Николаевич, что такое «марш смерти»?

— Так называют наше возвращение в Бухенвальд. Немцы произносили «тодес-марш». «Тодес» — смерть, значит. Пятитысячная колонна двигалась из Ордруфа. Тех, кто не мог идти, стреляли на месте. Вся дорога и канавы вокруг были усыпаны телами. Когда я шел, растер себе ногу колодкой так, что на ней образовался огром-

Виктор Вышеславский у тюрьмы города Зуль, в которой был заключен три военных месяца

ный нарыв. Не вру — величиной с кулак! Боль была дикая, температура тоже. Но я терпел. И мысль была одна: поскорей бы за ворота с этой роковой надписью «Каждому свое».

Людей разместили не в бараках, а прямо на огромной площади. Так и ночевали на земле, вставать нельзя — убьют. Вокруг ходили часовые. А я пополз к баракам. И что вы думаете? Я увидел моего спасителя, Германа Бриля! Он тоже меня узнал и только шепнул: «Ползи к бараку». И я потерял сознание...

Очнулся под брезентом... с трупами, с самого краю. Сознание то приходило, то уходило. Помню, что кто-то дважды еду давал в котелке. Потом я очутился в бараке.

— Это Бриль Вас спас?

— Он уже пожилой был — один бы меня точно не дотащил. Видимо, попросил кого-то из своих ребят помочь.

Мне ведь там сделали операцию. Военнопленный русский хирург использовал в качестве наркоза эфир. На лицо клали маску и лили эфир на материю. Вдыхаешь и начинаешь задыхаться! А он меня спрашивает: «Какой сейчас год?» Медленно соображаю: «45-й!» — «Крепкое сердце!»

После этого я очнулся в бараке, весь перебинтованный. Туда ворвался Бриль с криком: «Товарищи, мы свободны!» Как раз в эти дни произошло восстание.

Что немцы успели сделать со всеми теми людьми на площади, не знаю. Скорее всего, уничтожили. А я приходил в себя в развернутом американцами лазарете.

— Какой была Германия после войны?

— Разбито все. Я после освобождения и советских проверок был призван в Красную Армию и до 1951 года служил там. Наша часть обслуживала вывозку оборудования, которое шло в счет репараций в Союз. Прошли мы Силезию, Саксонию. Многие мирные жители тоже были несчастные люди — они лишились всего. Я видел разбитый Дрезден, разрушенный Хемниц, Кенигсберг, заваленный баррикадами из трамваев и автомобилей.

Как-то, во время работ в Ордруфе, началась очередная бомбежка, и нас под вой сирены загнали в подвал. Туда же запустили и обыкновенных горожан-немцев. Они все такие аккуратные, в костюмчиках. И мы напротив них, в своих пропитанных грязью и потом полосатых робах. Смотрим друг на друга. А я сижу и думаю: «Вот сейчас жахнет сюда бомба и всех помирит».

Елена КОЗИНОВА,
2013 год

В дороге

Даже взгляды погасили,
И у костров холодный смех погас,
Как будто нас не матери растили —
Каменотесы вытесали нас.
Но по земле шагали перегретой
Прямоугольником
За рядом ряд
Историки, строители, поэты
Под серыми шинелями солдат.

Борис ДУБРОВИН

Павел Соколов

П.Е. СОКОЛОВ:

А мы же неопытные... нас тогда из засады запросто расстрелять могли

По меткому выражению Павла Соколова, судостроение — это мастерство, а судоремонт — это искусство. И за годы своей трудовой деятельности он не раз доказывал, что корабль легче построить, чем отремонтировать.

Знаменитый марш

— Павел Евгеньевич, в 1941 году Вам было 23 года. К тому времени Вы уже успели получить образование?

— В 1937 году я окончил керченскую среднюю школу и поступил в Московский технический институт рыбной промышленности на судомеханический факультет. Но я еще не успел защитить диплом, как началась война.

— Как она началась для Вас?

— В институте я руководил нашим духовым оркестром, играл на трубе. Летом мы проходили практику в Мурманске. И вот в воскресенье собрались с ребятами на пикник. Но нас вдруг вызвали к директору. Мы стали вспоминать, что же такого могли натворить. А нам сообщили, что война началась. Выдали тогда лопаты, и мы примерно неделю ходили копать щели (укрытия) для гражданского населения Мурманска. И вдруг нас отозвали в Москву. Надо было срочно защитить дипломы, чтобы нас могли направить в военно-морской флот. Но институт уже не работал, профессоров не было, стипендию больше не платили. Хорошо, что хоть работу дали. Меня устроили кочегаром в институтское общежитие, котлы топить. А через месяц начались боевые тревоги — немцы Москву бомбили.

— Как долго Вы еще оставались в Москве?

— 7 ноября 1941 года мы прошли маршем по Красной площади. Поскольку в морской форме были, наш институт пустили сразу за войсками. В духовом оркестре я играл марш «Прощание славянки». Помню, во время парада шли мы очень близко к солдатам. И вот проходят они плотным строем, и тебя охватывает чувство гордости за свою страну. А после парада весь наш курс в тот же день эвакуировали в Тобольск, куда мы прибыли

Духовой оркестр института под руководством Павла Соколова (в первом ряду второй слева)

лишь 31 декабря. Везли нас двумя товарными вагонами. В одном вагоне человек 70 ребят, а в другом столько же девчонок, с других факультетов. Зима морозная была, мы углем буржуйки топили, у нас тепло было, а девчонки замерзали. Тогда провели комсомольское собрание и приняли решение половину девчонок переселить к нам, а половину ребят — в тот вагон. Так и доехали.

Гадание

— Какой была Ваша жизнь в Тобольске?

— Приехали мы под Новый год, мороз — 50 градусов. На улицах костры постоянно горели, так мы и ходили от костра к костру. Иначе замерзнуть можно. Поселили нас в общежитие от института. Но учебы не было, и мы пошли работать. Мне предложили работу мастера в ремесленном училище — готовить судовых механиков-мотористов.

Мы вчетвером с ребятами снимали комнату у одной женщины. И вот однажды все мы наконец-то получили повестки в военкомат. Быстренько побрились под машинку, уволились, получили расчет, прода-

ли весь свой скарб, купили ведро клюквенного вина на рынке и устроили небольшие проводы. Это был февраль 1942 года. И тут хозяйка нам говорит: «Хотите, вам погадает одна гадалка из Польши?» Ну, мы согласились, так, для смеха. Пришла молоденькая полячка и начала про каждого из нас рассказывать. Мишке Ковалевскому, другу моему, сразу сказала, что отец и дядя его были полковыми священниками, что оказалось правдой, но только он это скрывал, опасно было об этом рассказывать. В общем, все о наших родных, о том, откуда мы родом, она правильно говорила. А потом сказала, что завтра нам всем предстоит дорога в военный казенный дом, но только на восток. Мы и давай смеяться. Куда уж восточней Тобольска? Все бои ведь на западе шли.

Еще Мишке она сообщила, что его отправят в подземелье, и он будет там до конца войны, а потом выучится, получит ученую степень и уедет на юг. А мне гадалка сказала, что кто-то оставит меня в Тобольске.

— Сбылись ее пророчества?

— На следующий день мы приходим в военкомат, и нам четверым, как мастерам ремесленного училища, дают бронь от армии. Мишку отправляют в Кузбасс, в шахты, уголь копать. Всю войну он там и молотил, потом окончил институт, защитил кандидатскую и стал крупным ученым в Донбассе.

А меня тогда оставили в Тобольске продолжать учить детей в училище, а в конце 42-го вызвали в Москву для защиты диплома, с тем чтобы потом работать по специальности. И как только я защитил дипломный проект, то сразу же был направлен на работу в Архангельск на судоремонтный завод.

— Павел Евгеньевич, в чем заключалась Ваша работа в Архангельске?

— На заводе я сначала работал мастером, затем начальником технического отдела, а потом и главным технологом. Параллельно преподавал в мореходном училище. Наш завод в годы войны ремонтировал боевые корабли и строил аэросани для фронта. Через нас проходили десятки кораблей: советские, итальянские, американские. Где корма подорвана, где подшипники надо заменить, какие-то корабли износились, потеряли свою мощность, турбины надо ремонтировать. Часто требовались полная переборка механизмов и смена изношенных трубопроводов.

Я тогда ввел новшество, которое в дальнейшем помогло на 30 процентов сократить время ремонта, благодаря чему корабли уходили в море раньше намеченного срока. За это я грамоту получил и сто рублей премии. А потом за досрочный и качественный ремонт боевых судов был награжден медалью «За оборону Советского Заполярья». А помимо этого мне вручили медаль «За долголетний добросовестный труд», медаль Жукова и другие награды. Встретил Победу в должности главного технолога завода, а по военной линии был переаттестован в старшего инженер-лейтенанта флота.

В поисках шпионов

— Военное время изменило Вас?

— Те годы сделали нас сильнее, выносливее и даже прибавили нам здоровья. До этого мы были слабые, неприспособленные к условиям холода, голода. А во время войны научились выживать. Иногда посылали лес прочесывать. Вот встанешь в 5 утра, а отбой в 11 вечера, так я даже в лесу на ходу засыпал. И как нас ни кормили, мы вечно голодные были.

— Павел Евгеньевич, Вам довелось столкнуться с врагом за годы войны?

— В первые месяцы войны студентов-старшекурсников привезли в Тулу, и мы пешком направились в военные Тесницкие лагеря, где нам объяснили, что из нас будут готовить младших пехотных командиров. До 14-го октября 1941 года мы проходили военную подготовку. И вот однажды мой 7-й стрелковый запасной батальон получил приказ обезвредить парашютистов, которых сбросили неподалеку. Каждому отделению дали свое направление. Нас было 10 человек. По компасу мы отправились на поиски и увидели на дереве запутанный парашют, но человека там не было. По следам от кованых каблуков пошли его искать. А мы ж неопытные, это сейчас я понимаю, что нас тогда из засады запросто расстрелять могли. Потом вышли к

Вышли к сваленному дубу, а в яме у корней торчат два сапога. Мы окружили дерево и стали решать: взять парашютиста на штыки или руками схватить. В общем, растерялись.

сваленному дубу, а в яме у корней торчат два сапога. Мы окружили дерево и стали решать: взять парашютиста на штыки или руками схватить. В общем, растерялись. Но видим, к нам уже подходят бойцы-красноармейцы. Передали они нам приказ в штаб возвращаться, и мы свой военный трофей отдали солдатам. Потом уже узнали, что тот парашютист оказался крупным немецким разведчиком, и его сведения оказались очень ценными для нашей армии.

Александра РЫБИНКИНА,
2013 год

На дозорной тропе

То не дыша, то болью отдавая,
Моря вбирает, горы и леса
Моя душа — контрольно-следовая
Страны передовая полоса.
Она питает исподволь и скудно
Вблизи дозорной избранной тропы
Лишь корни — кровеносные сосуды
Пожаром обезглавленной травы.
Все чувствует: листа прикосновенье,
И дуновенье быстрого дымка,
И грустного клеста уединенье,
И пробужденье мглистого ростка.
Ее прожжет и охладевший пепел,
И волчий след, и заячья петля,
И перелет хромающего в небе
Отставшего от стаи журавля.
Следы дождя — беспечного десанта
В безмолвных блестках
Искристой слюды,
И — словно невесомы — диверсанта
Ночные ухищрения следы.

Борис ДУБРОВИН

Евдокия Никульшина

Е.В. НИКУЛЬШИНА:

Главный из группы немцев ухмыльнулся: «Нас с самолетов тысячи спустили, а вы всего шестерых задержали»

Эта беседа далась мне непросто. Я и раньше знала, что в 1941-м моя бабушка рыла окопы, но многие подробности стали известны впервые. Самая главная награда Евдокии Владимировны — медаль Материнства — не имеет отношения к войне, хотя на плечи таких русских женщин и легли все тяготы военного тыла.

В свои 88 она радуется каждому дню, несмотря на серьезные проблемы со здоровьем. Почти что вопреки. В ней волшебным образом слиты доброта и твердость, жертвенность и безошибочный инстинкт самозащиты. Женщина с непростой судьбой и крепко сжатыми кулачками — в ней это особо чувствуется. Но при этом без всякого надлома, обиженности на судьбу. «Все у меня хорошо, дети, внуки, правнуки, соседи рядом — что еще?»

Длинная дорога, короткие проводы

— Бабушка, юность у тебя была не самая счастливая?

— Верно. Наш дом находился в маленькой деревне Оленевка, дворов сто всего, зато в каждом по 10–12 человек. Мы, восемь детей, жили с мамой. Отец рано умер, без него нам пришлось тяжко. Уже в шесть лет я сидела с чужим малышом, работала нянькой. За это его родители купили мне к школе обувь, платье и косыночку.

Радостные моменты были, конечно. На Пасху мама носила святить кулич и яйца в ближайшее село. Идти долго, а мы, голодные после поста, висим на воротах и ждем не дождемся, когда она вернется. И вот садимся все вместе за стол, и какой же вкусной казалась еда!

В общем, жили мы тихомирно, и вдруг война. Новость о ней — как удар в спину, его не ожидаешь. Крики, плач во всех дворах, первые повестки... Старшего брата Сашу забрали сразу. Мама еще не успела оправиться, а уже прислали и мне повестку. Помню, стою в огороде, и она идет, плачет: «Дуся, тебе повестка». Я еще не поверила поначалу.

Как такое может быть, девчонку — и на войну?! Оказалось, может. Со мной призвали еще Раю Терехину, Таню Черникову и Шуру Алексееву. Нам, четырем девушкам, сказали: «Ишь вы, какие боевые! Будете командовать, тут рядом, недалеко от дома». Ну мы и поверили — как были в платьях и платочках, так и приехали в городской военкомат. Пришли, а на нас кричат, мол, вы что, на блины сюда приехали, лопаты ваши где? Мы стояли в недоумении, пока в кабинете разбирались, что с нами делать, и в коридоре к нам подошла женщина, молока предложила попить и все вздыхала, что на Воронеж девчонок отправят. Мы, естественно, — в плач. А оказалось еще дальше: через Москву, на Вязьму и под Смоленск.

— Обманули, выходит?

— Словами не передать, как мы растерялись. Не ожидали, что на четыре месяца уедем так далеко. Но потом собрались с мыслями, вокруг война, что делать. Никаких мыслей о дезертирстве, все по-честному. Так начался наш путь на трудовой фронт.

Мама дала мне в дорогу тринадцать рублей — деньги, скопленные с большим трудом. «Купи себе что-нибудь» — да где там! Белье и сахар — вот и нет денег.

Ехали мы в замаскированных ветками вагонах, в которых обычно возят скотину. Немцы поезд наш обстреливали. А я сижу, слушаю, как дрожит железо, и зуб на зуб не попадает, и сама вся дрожу. Девчата спрашивают: «Дусянь, ты озябла?» А я даже ответить не могу. Ехали мы трое суток, вместо одного дня.

Ночью всех пассажиров ссадили около оврага. Тишина, лягушки квакают, а мы, девчонки, хоть и боимся их, но все равно спустились к воде, постираться. Сидим, полощем бельишко, а тут командир наш спустился, увидел все это, рассердился: «Вы что, Гитлера ждете?» Надели мы мокрое на себя, и в путь. Шли через деревни и села, конечный пункт пребывания — район Верхний Масалов в Смоленской области. Дорогу мы узнавали у местных бабушек, а они в ответ: «Нету-нету у нас масла, милые». Долго объяснять пришлось, что мы у них не есть просим.

Чтобы сберечь свою обувь, шли разувшись. Жарко, ноги прилипают к асфальту. Начальник из Воронежа это увидел и пообещал нам обувь выписать. Дали чуни, своеобразные лапти, огромного размера. Топайте, девочки! И на том спасибо. А платье, так и было одно, в нем и спала, и

работала. Ткань расползалась нещадно, сколько ни подшивай. Но с едой чаще везло. Военные забивали скотину для отправки на фронт, а перед этим нам разрешали ее доить. Мы им за это папиросы из своего пайка отдавали.

Раз довелось встретить под Смоленском односельчанина. Разговоры, новости... Только он призадумался: «Девчонки, что же вам на память дать? Возьмите хоть сахарку из пайка». А мы в ответ: «Да чего ты, нам же их тоже выдают». Так и разошлись, но больше не виделись. С войны он не вернулся.

Мы копали окопы три на три метра, клали хворостинку, а сверху траву эспарцет для маскировки. Мужчины воевали, и нам на подмогу прислали мальчишек лет четырнадцати. Они нас жалели, что-то делали за нас. Над нами самолеты немецкие летали на Москву, туда тяжело летят, а обратно, уже бомбы сбросив, легче. Больно это было видеть.

Горький мед

— Так и работали на одном месте?

— Нет, настало время нашей эвакуации. Девчонки мои замешкались что-то. А я увидела машину с военными, села в нее и уехала. Думала, так быстрее доберусь. Только потом я поняла, что наделала. Зачем я одна, дурочка, без подружек поехала?!

Высадили меня в незнакомой деревне, иду расстроенная вся, вижу женщина стоит. Я к ней подошла, спрашиваю, стоит ли у нее кто на квартире. Она кивает. Только я сразу не сдалась: «Тетенька, нас несколько девчонок всего, а если обманываете, то к вам тридцать человек заселят». Тетя Нюра, так ее звали, призналась, что обманула и позвала к себе. Покормила, а сама на огород стала собираться. Я опять к ней, напрашиваюсь, чтоб с собой взяла, я же деревенская, все умею. После этого в реке удалось искупаться. В общем, день прошел хорошо, но к вечеру, как вспомнила я про своих подружек, так и разревелась. «Не плачь, не оставлю тебя одну, — успокаивала хозяйка. — Если твои вовремя не придут, заберу с собой в эвакуацию». А скоро и девочки мои пришли, голодные, луком одним питались эти дни. Как же мы радовались, увидев друг друга! Так и жили у тети Нюры, пока ее не эвакуировали.

У новых же хозяев в следующем селе нам жилось несладко. Несмотря на то что у них было около сорока ульев с медом, кормили нас плохо,

хоть мы и помогали по хозяйству. И вот вечером, ложась спать в сенях, мы так захотели есть, что решили что-то придумать. Вышли к ульям потихоньку, нашли посудинку, я за главного встала — начерпала меду и подаю своим девчонкам. А самой мед есть не из чего, пришлось пальцами. И тут меня пчела за язык как укусит! Все распухло, боль невыносимая. Вот такой был нам урок.

— Видела ли ты немцев?

— Конечно, встал наш отряд как-то раз в одной деревеньке, никого там не осталось, кроме одного старика. Тот уходить из родного дома отказался: «Пущай убивают!» Все дома пустые стоят, двери настежь открыты, и мы, пока было время, муки чуток нашли да замесили пышки на речной воде. Печем, и тут к нам семеро человек подходят в милицейской форме, спрашивают, как до Москвы добраться. Мы не сразу поняли, что это немцы, отправили их к дедушке-старожилу спрашивать. А тот сразу узнал немецкую породу и схитрил: «Сейчас, милки, тут еще один дед живет, вот он точно знает». Сказал, а сам в штаб отправился докладывать — он недалеко находился. Наши приехали на машине с автоматами, задержали псевдомилиционеров, одному, правда, удалось бежать. Подруга моя, когда фашистов задерживали, начала ругаться: «Ах вы, свиньи немецкие, зачем же вы к нам подались? Расстрелять вас всех надо». На что главный из этих немцев ухмыльнулся: «Без вас разберутся. Нас с самолетов тысячи спустили, а вы всего шестерых задержали».

Путь домой

— Нелегко пришлось в пути?

— Да что ты! Это туда тяжело, а оттуда, как представишь, что домой, так душа радуется. Все расстояние как будто пролетели. Перед тем как появиться в деревне, зашли в город на рынок — оборванные же все. Купили по новому платью да по паре обуви на деньги, что получили за работу. Идти до деревни еще километров тридцать, уже по-

Встал наш отряд как-то раз в одной деревеньке, никого там не осталось, кроме одного старика. Тот уходить из родного дома отказался: «Пущай убивают!»

После войны. Евдокия Никульшина (третья слева) на полевых работах

здно, но мы отправились в дорогу. К утру явились, мама и сестры радовались, обнимали меня.

Зимой я пошла учиться на курсы трактористов, ходить надо было за три километра от дома, но после пройденного в Смоленске, это даже не считалось расстоянием. А дальше — на работу, восемь девчат и один бригадир. Залазь на трактор — и вперед. Потом я встретила твоего дедушку и вышла за него замуж. Веселая свадьба была, хорошая! Две гармошки, танцы...

После войны я работала и водовозом, и свинаркой, и дояркой. Нам с мужем Степаном Михайловичем надо было поднимать шестерых детей. И подняли.

— Бабушка, как выглядела твоя деревня после войны?

— Да лучше бы мы никогда не знали, что такое война. Все это нелегко, я сижу, рассказываю, а ведь никого из моих девчат уже нет в живых. И почти никого из мужчин из Оленевки, отправившихся на фронт не осталось. Всех убила война. Мама так до конца и не оправилась. Оба ее сына не вернулись. Мой брат Ваня, командир отделения пулеметчиков, пропал еще в начале 1941-го. У нас даже не осталось его фотографии. Еще

один брат, Александр, погиб в плену голодной смертью. Кто-то предал их, но одному знакомому удалось бежать. Он нам и рассказал, что видел Сашу: узнал его, но на всякий случай спросил, он ли это. Александр только кивнул ответ. Тот предложил ему бежать, но у брата уже не осталось сил на побег. И ведь вернуться из плена было непочетно, не все вернулись героями с войны. Был в плену — значит, сдался, не боролся до конца. Возвращались из плена и отправлялись в лагеря. Но ведь они не сидели всю войну в тылу!

— А были и те, кто отсиживался?

— Да, было по-всякому. В другой деревне все мужчины, так же как и у нас в Оленевке, ушли на фронт. Все, кроме Федора. Он жил в подполье четыре года. Раз жена Дуняша обмолвилась своей родной тетке, что тот дома. Через день к ним в дом уже приехала милиция, осмотрели все, но никого не нашли. Вход в подполье был под свиным корытом. Но слухи есть слухи, приехав на следующий раз, корыто сдвинули и обнаружили в полу дверь. Пальнули туда несколько раз и приказали выйти. Федор не сопротивлялся, одна пуля зацепила его за ухо, он вылез. Борода свисала до пояса, глаза прищуренно смотрели на свет. Как раз вернулся с войны его родной брат — лейтенант, посмотрел на добровольного пленника и сказал: «Отойди от меня, изменник Родины!» Федора отправили на принудительные работы, но он заболел, весь распух. Через шесть месяцев его вынуждены были отправить домой. Дуняша выхаживала его, как могла. Давала есть по чуть-чуть, в итоге муж пошел на поправку. Было лето, и они вместе пошли носить сено. Как же начали возмущаться тогда односельчанки! Могла ли Дуня смотреть в глаза соседским вдовам, как ровня? Нет, все мужики на фронте, а ее вместе с ней сено носит! И стали поступать на него жалобы. Забрали Федора, и на второй день убили. А на третий день кончилась война... Жена осталась с маленькими детьми на руках. Стало ли кому от этого легче? Не знаю. Что было правильно, а что нет — пускай, разбирают другие. Только вот сложная это задача.

— Но ты же работала, почему этот период не отмечен документально?

— Эх... трудно, внучка. Столько бед было, столько боли... Работала, а теперь и не докажешь, что мы были на

окопах, документов об этом у нас уже нет. Жили всю жизнь в деревне, суета, беготня. Думали: зачем нужны эти бумажки? Восстанавливать в военкомате их отказались, даже когда мы привели свидетелей тех лет: «Нам документы давайте, а не свидетелей». Но теперь они мне уже не нужны, эти бумажки, а подружек нет в живых...

Работала и моя старшая сестра Аннушка, она была в Москве на эвакуированном военном заводе. Кажется, по сравнению с боевыми действиями, все эти занятия не очень значительные. Но на войне все дела важны. Без помощи тыла разве получилось бы все, как оно вышло? Мы все вместе одержали победу. Нашу Победу.

Екатерина КУРМЫШЕВА,
2013 год

Одноклассницы

Ах, какие без вас
Прошумели метели...
Ах, какие без вас
Прогремели бои...
Но в застегнутых наглухо
Длинных шинелях
Спите вы, одноклассницы,
Сестры мои.

И не ведают
Мимо идущие люди,
Сколько раз
Заносил вас нетающий снег...
Ах, девчонки,
Теперь вас ничто не разбудит,
Вам теперь все равно —
Что мгновенье,
Что век.

Борис ДУБРОВИН

ЛИЦА ПОБЕДЫ

ФОТОГАЛЕРЕЯ

Нам будет нелегко, быть может,
но нам не может быть трудней:
не только прошлое итожат
слова: — Мы были на войне!

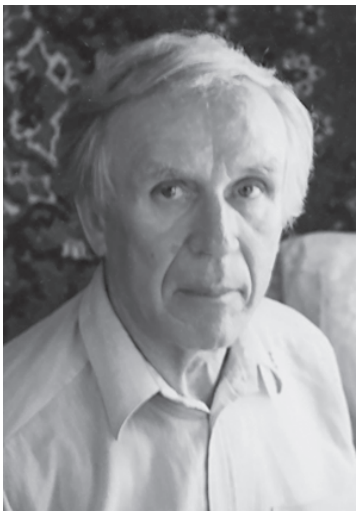
Они — для будущего мера,
столбы, разметившие шлях,
они — на стройках угломеры
и компасы — на кораблях!
И если за тобою снова
пойдет усталость по пятам,
скажи ей три упрямых слова:
Мы были там!

Марк МАКСИМОВ
(отрывок из стихотворения «Мы были там»)

О.В. ГОЛОВИНА

Н.И. ГОЛИКОВ

М.Е. БОРОДИН

А.А. ГУСЕЙНОВ

Ф.А. АЛЧИНОВ

Б.А. АДАМОВИЧ

И.Н. ЗАРЕЗОВ

Т.М. КОНОВАЛОВА

Г.А. ИГНАТОВА

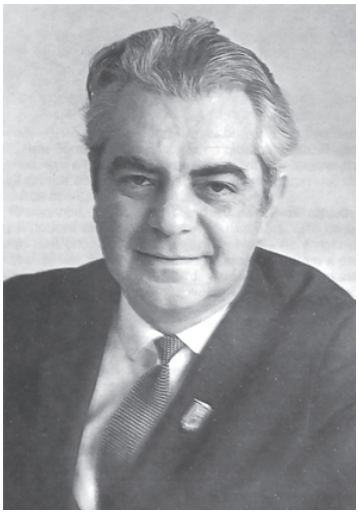
Н.Е. ОЛОВЯННИКОВ

В.Е. СКОРОБОГАТОВ

Д.И. КУДРЯВЦЕВ

М.Д. МАКСИМОВ

А.И. АНИСИМОВ

Ю.К. РЫБИКОВ

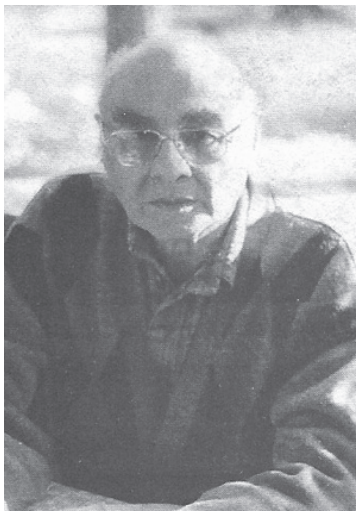
М.Ш. МАНИЛОВ

Л.Б. ЛИПОВИЧ

М.В. БАШКИНОВА

Б.С. ДУБРОВИН

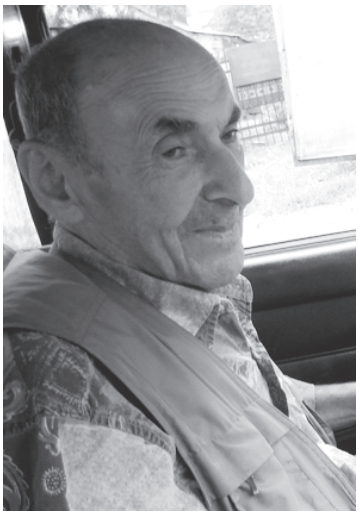
А.И. ПЕТРОВ

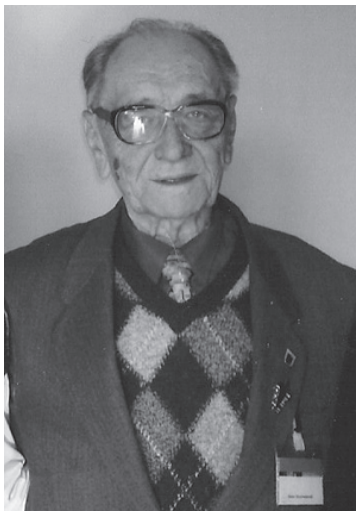
Г.Н. КУЛЬБАКА

Я.З. АСТАНОВСКИЙ

Ю.Н. ХАЙТИН

В.Н. ВЫШЕСЛАВСКИЙ

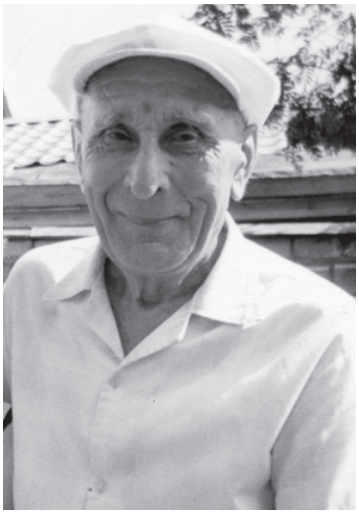
И.И. ЖУЧКОВ

А.В. КУЗНЕЦОВ

Б.А. БАЛАБАНОВ

А.М. ВАСИЛЬЕВ

А.Д. САВИНОВ

М.В. ВОДОПЬЯНОВ

П.Е. СОКОЛОВ

Е.В. НИКУЛЬШИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово 3

О.В. ГОЛОВИНА:
Страх вытеснили жуткая ненависть и желание мстить, мстить и мстить! 5

Н.И. ГОЛИКОВ:
На войне человеком оставаться можно, но очень трудно 14

М.П. ТОРГАШИН:
Ошибки бывают страшнее преступлений 23

М.Е. БОРОДИН:
12 июня 1942 года я стал коммунистом 32

Г.А. ИГНАТОВА:
Мы умирали, пухли от голода... 37

Н.Е. ОЛОВЯННИКОВ:
Задание мы шли получать в гимнастерках, а подходя к самолету, снимали форму и летели в тельняшках ... 43

М.С. КРАСНИКОВ:
В какой-то момент враг открыл шлюзы, и в ледяную воду провалились те, кто шел впереди 51

В.Е. СКОРОБОГАТОВ:
Немцы понимали, что жесточайшая дисциплина и выучка — это залог успеха. И успех их был долгим 55

А.А. ГУСЕЙНОВ:
На войне я никогда не слышал слов «лицо кавказской национальности» 61

Ф.А. АЛЧИНОВ:
Дали нам связки гранат, бутылки с зажигательной смесью и одну винтовку на всех 66

В.М. МИКИТЕНКО:
В блокадном Ленинграде двери никогда не закрывали, чтобы легче было выносить умерших 74

Б.А. АДАМОВИЧ:
В 1942 году четыре советских бомбардировщика вылетели бомбить Берлин 85

А.Т. СЛИЗОВ:
Под Ржевом немец построил такую оборону — не подлезешь 92

Д.И. КУДРЯВЦЕВ:
Наш расчет был на то, что румыны примут «ишачки» за свои 100

М.Д. МАКСИМОВ:
Блокаду прорвали на крике 105

А.И. АНИСИМОВ:
От боли в глазах меркнет, а идти надо 110

И.Н. ЗАРЕЗОВ:
Вода в реке Дон была коричневого цвета от крови убитых и раненых 120

Т.М. КОНОВАЛОВА:
У меня в сумке тряпки были, я их веревочкой свернула и руки фашистам связала 128

Л.А. ВОЛОШИНА:
В Равенсбрюке я увидела страшную картину: людей, которые и на людей не были похожи, просто тени... 134

Ю.К. РЫБИКОВ:
На войне кто кого пересилит: либо человек — страх, либо страх — человека 142

М.Ш. МАНИЛОВ:
Воинский долг оказался сильнее смерти, и я приказал переходить через минное поле 147

Л.Б. ЛИПОВИЧ:
При столкновении двух воздушных армад в небе творилось нечто невообразимое 153

М.В. БАШКИНОВА:
Когда шли боевые действия, в эфире черт знает что творилось! Ни слова, бывало, не разберешь! 160

Б.С. ДУБРОВИН:
Раз пятно на мне есть, я хочу смыть его своей кровью: сделайте меня воздушным стрелком! 165

И.И. ЖУЧКОВ:
Немцы везли горючее на аэродром, не зная, что он уже захвачен танкистами нашей армии 170

А.И. ЖОГИН:
И я оставил подпись на стене Рейхстага... 177

А.В. КУЗНЕЦОВ:
Ну, воевал, учился, в танке горел... 184

Б.А. БАЛАБАНОВ:
Не зря нашу пехоту называли «прощай, Родина!» 189

А.И. ПЕТРОВ:
Несколько глухих разрывов — и с гарнизоном было покончено 196

Р.М. СЕНИНА:
Вот стоишь на вышке, а немцы над головой летают 201

Г.Н. КУЛЬБАКА:
Нас погрузили на пароходы, чтобы затопить в водах Балтики 209

Я.З. АСТАНОВСКИЙ:
8 мая 1945 года мы всех погибших вспоминали поименно 217

А.М. ВАСИЛЬЕВ:
Таким быстрым темпом я и на войне ходил, поэтому ребята и прозвали Лосем 224

В.Н. ПОПОВ:
Мы не для того воевали, чтобы сейчас поражать всех историями из своей молодости 229

А.Д. САВИНОВ:
О начале войны в нашей деревне узнали только на третий день, когда началась массовая мобилизация ... 234

М.В. ВОДОПЬЯНОВ:
Я думал о своем экипаже — молодых механиках и стрелках. Им бы работать, наслаждаться солнцем... 240

Ю.Н. ХАЙТИН:
На домах надписи: «Берлин был и будет немецким городом!» Но 1 мая в окнах появились белые простыни... 247

В.Н. ВЫШЕСЛАВСКИЙ:
В Германии каждое дерево «под номером» 256

П.Е. СОКОЛОВ:
А мы же неопытные... нас тогда из засады запросто расстрелять могли 264

Е.В. НИКУЛЬШИНА:
Главный из группы немцев ухмыльнулся: «Нас с самолетов тысячи спустили, а вы всего шестерых задержали» 270

Фотогалерея «Лица Победы» 279

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ
СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ

www.argumenti.ru • выходит по четвергам

Аудитория каждого номера превышает 1 млн. человек.

(По данным TNS Gallup Media, категория «руководители» среди читателей составляет 19%.)

• **ИНФОРМИРУЕМ** •

• **ПОМОГАЕМ** •

• **ЗАЩИЩАЕМ** •

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ –

АРГУМЕНТЫ НАРОДА

ГОВОРЯТ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Сборник интервью с участниками Великой Отечественной войны

Авторский коллектив
Елена Козинова, Екатерина Курмышева, Сергей Лепешкин, Анна Захарова, Александра Рыбинкина, Ирек Сабитов, Иван Горбунов, Виктор Марьясин, Ольга Белобородова, Вячеслав Ковалев, Эльвира Ислямова, Олеся Арамелева, Евгения Кинтушева, Лилия Варюхина

Ответственный редактор **Е. Соколова**
Корректор **Т. Кудрич**
Дизайн обложки **А. Щукин**
Компьютерная верстка **О. Артеменко**

В книге использованы фотографии
Николая Ситникова (стр. 4), снимок сделан 9 мая 1945 года,
и Александра Цыганова (стр. 279), снимок сделан 24 июня 1945 года.

Подписано в печать 20.05.2013 г.
Формат 84 x 108/32. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная.
Бумага газетная. Объем 15,12 у. п. л.
Тираж 10 тыс. экз. Заказ

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
10040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.